ДЕКАБРИСТ

М. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

ВОСПОМИНАНИЯ и ПИСЬМА

Предисловие и примечания С. Я. Штрайха

Издательство „Былое“
Петроград — 1922

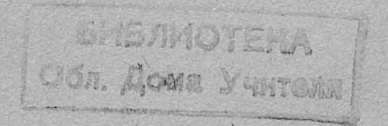
ДЕКАБРИСТ

М. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

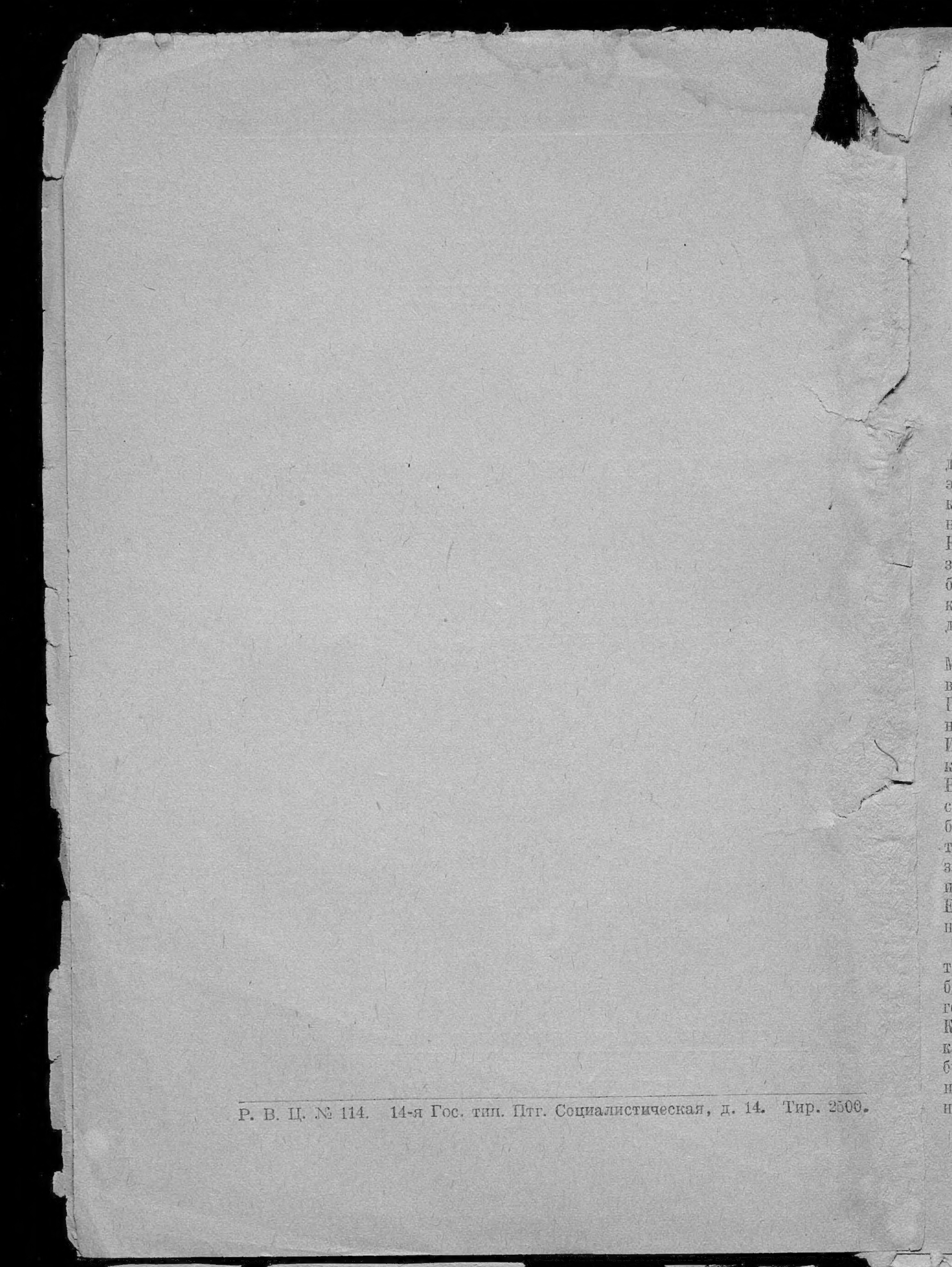

ВОСПОМИНАНИЯ и ПИСЬМА

Предисловие и примечания С. Я. Штрайха

Издательство „Былое“
Петроград — 1922

Р. В. Ц. № 114. 14-я Гос. тип. Птг. Социалистическая, д. 14. Тир. 2500.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая, одаренная и славная в русской истории семья Муравьевых дала деятелей двух разрядов: тех, которых вешают, и тех, которые вешают. Автор этого изречения, Мих. Ник. Муравьев-Виленский, с гордостью причислял себя к тем, которые вешают, и вполне основательно был прозван за свою деятельность по усмирению польского восстания 1863 года Муравьевым-Вешателем. Но в начале своей общественно-государственной деятельности он, с точки зрения тогдашней власти, заслуживал быть повешенным: М. Н. Муравьев был одним из основателей первого русского тайного общества, из среды которого вышли наиболее последовательные и решительные участники заговора декабристов.

Было еще несколько Муравьевых в тайном обществе. Среди них—два брата Муравьевы-Апостолы, Матвей и Сергей. Последний принадлежал к Муравьевым, которых—по определению его троюродного брата—вешают; Николай Павлович так и поступил с ним; во всяком случае, С. И. Муравьев-Апостол никогда бы никого не вешал: характером не вышел в вешатели. А вот Матвей Иванович Муравьев-Апостол, тот по своему характеру не принадлежал ни к одному из разрядов, на которых разделил своих родственников Муравьев-Виленский. Его не повесили: не за что было; да и он никого вешать не собирался. Попал он в тайное общество потому, что все родственники и друзья были там; много раз хотел выйти из общества, но оставался в нем только для того, чтобы удержать брата Сергея от опасных шагов; а под конец своей заговорщической деятельности сам участвовал в восстании Черниговского полка, и опять ради брата: не хотел оставить его одного «в несчастном положении». Едва ли не единственный из заговорщиков Матвей Иванович никого в общество не принял—не соблазнил ни единого от малых сих.

При Екатерине II выдвинулся своим обширным образованием и литературными дарованиями Иван Матвеевич Муравьев, которому позднее разрешено было именоваться Муравьевым-Апостолом, по фамилии его деда по матери гетмана Даниила Апостола. Когда подросли внуки Екатерины—Александр и Константин—Иван Матвеевич был назначен одним из воспитателей великих князей. При отце их, императоре Павле I, Муравьев был посланником в Гамбурге и на этом посту сумел заслужить расположение капризного и взбалмошного императора. Был также при нем одним из главных руководителей внешней политики. В начале царствования Александра Павловича—был послан-

1*

ником в Испании. Некоторые подробности об отце за это время передает в своих воспоминаниях Матвей Иванович, другие приводятся в примечаниях к ним.

Старшие его сыновья — Матвей, родившийся в 1793 году, и Сергей, родившийся в 1796 году, — воспитывались в Париже. Мать их дочь, сербско-австрийского генерала Черноевича, Анна Семеновна, была женщина образованная и обладала литературным дарованием: она переводила французских авторов. Отец—глубокий знаток эллинской и латинской культуры, большой почитатель греко-римской образованности сумел внушить сыновьям преклонение перед героическим патриотизмом представителей древнего мира. Но эпикуреец, по личным склонностям, он не отдавался всецело воспитанию детей. Быть может, поэтому он не передал детям своей тяги к учености, хотя они были широко и разносторонне образованы. Недосуг отца в области воспитания сыновей возместила мать, внушившая им самый широкий гуманизм.

Под таким семейным влиянием, к тому же выросшие в Париже, где воздух был насыщен идеями энциклопедистов, где еще живы были веяния Великой Революции, — братья Муравьевы-Апостолы вернулись в Россию в 1809 году. Молодые люди не знали даже, что в отечестве существует рабство, и естественно, что они примкнули к зародившемуся в России, после освободительных войн 1812—1814 годов, оппозиционному движению. Конечно, оба были среди основателей первого тайного общества, в котором преобладали отвлеченные мечтатели и книжно-бумажные преобразователи государственного строя.

Храбрые участники Отечественной войны, братья Муравьевы-Апостолы умели ценить самоотверженный героизм солдата-раба, старательно облегчали тяжкую участь подневольного защитника родины и вскоре вывели в своем Семеновском полку телесные наказания. Муравьевский вольный дух столкнулся с аракчеевщиною: проповедь человеколюбия в аракчеевской казарме повела к восстанию Семеновского полка в 1820 году. Оно отразилось на дальнейшей судьбе братьев Муравьевых-Апостолов. Правда, Матвей Иванович еще раньше вышел из Семеновского полка, но Сергей Иванович был переведен из него в армию в виде наказания. Здесь он углубил и шире развил свою революционно-проповедническую деятельность (очерк именно этой стороны ее—в интересной статье П. Е. Щеголева «Катехизис С. И. Муравьева-Апостола» в его «Исторических Этюдах»). Было уже указано выше, что за это время судьба братьев тесно переплелась. Матвей Иванович был бледным, холодным спутником Сергея Ивановича: ни яркости, ни революционного жара своего брата он не восприпял, но роковым образом был втянут в круг его действий; по его поручению ездил в Петербург для установления связи с тамошними заговорщиками; наконец—убежденный противник революционных мер, решительно предостерегавший брата от бдительности правительства—принял участие в походе возмущенных Сергеем Ивановичем шести рот Черниговского полка против всей императорской армии.

В печатаемых здесь записках, воспоминаниях и письмах М. И. Муравьева-Апостола читатель найдет фактический, очень точный рассказ о крупнейших событиях первой четверти 19-го века: о воцарении Александра I, о Наполеоновских войнах, об общественном движении 20-х годов, о быте и нравах эпохи—особенно в области военной,—о деятельности тайных обществ, о вос-

станиях Семеновского и Черниговского полков—двух военных бунтах, замыкающих начало и конец заговорщической деятельности декабристов. Здесь же автор говорит о своем отце, о брате, о своем детстве, о своей жизни в тридцатилетнем сибирском изгнании, о товарищах и друзьях всей своей долгой, богатой событиями и встречами жизни. Рассказы и письма М. И. Муравьева-Апостола охватывают время от последних лет царствования Екатерины II и до последних лет царствования ее праправнука, пятого после нее императора.

Вся книга в целом прекрасно характеризует ее автора—человека, родившегося при Екатерине II и скончавшегося при Александре III, представителя среднего типа декабристов: богато одаренных по условиям рождения, среды и воспитания, но робких и очень скромных по личным качествам, лишенных революционного порыва, творчески-преобразовательных замыслов и бунтовщических дерзаний. В рассказах и письмах М. И. Муравьева-Апостола — главнейшие события его жизни, вся его биография. Здесь приведу только беглый перечень годов и фактов.

Матвей Иванович Муравьев-Апостол родился в Петербурге 25-го апреля 1793 года. В раннем детстве был вывезен родителями в Германию, потом воспитывался в Париже. По возвращении в Россию поступил в корпус путей сообщения, но курса здесь не кончил: уже в воздухе пахло порохом, и в конце 1811 года М. И. поступил подпрапорщиком в Семеновский гвардейский полк, с которым совершил походы 1812 — 1814 годов. Под Кульмом был ранен. Получил за войну орден храбрых—крест св. Георгия и прусский железный крест. Участвовал в основании Союза Спасения, первого тайного общества, открытого в начале 1817 года, затем—во всех других возникавших из него обществах, формально принадлежа к концу своей политической жизни к южному обществу. Был масоном в ложе Трех Добродетелей. С начала 1818 г. переехал в Полтаву в качестве ад'ютанта при Малороссийском генерал-губернаторе князе Н. Г. Репнине-Волконском и вышел в отставку подполковником в 1823 году.

Служа ад'ютантом, М. И. тяготел к мирной деревенской жизни, подолгу живал в Полтавском имении отца, любил обстановку сельской жизни, увлекался чтением вслух книг, конечно, французских и, конечно, чувствительных,—за круглым семейным столом в Хомутецкой гостинной; еще увлекался садоводством; вообще любил идиллию. Влюбился в княжну Хилкову, внучку соседа Трощинского—известного государственного деятеля при Екатерине II и Александре I,—часто ездил к нему в Кибинцы, вздыхал там, но боялся сделать предложение: и здесь сказалась робость. Однако, есть любопытное семейное предание, рассказанное в воспоминаниях внучатной племянницы М. И. г-жи А. Бибиковой. Когда М. И. был ад'ютантом у кн. Репнина, он присутствовал в Киеве на одном торжественном обеде и когда стали пить за здоровье государя он не присоединился к тосту, а вылил на пол вино из своего бокала.

Участие в делах тайного общества, в восстании Черниговского полка—обо всем этом дальше. В начале 1826 г. М. И. взят в плен правительственными войсками на поле сражения, привезен в Петербург, заключен в Петропавловскую крепость, предан суду. Этот период характеризуется для М. И. Муравьева-Апостола испугом. Только так и можно назвать его состояние от января до июля 1826 года. Этот испуг владел им и в Сибири. Испуг про-

является во всех его многословных изобилующих ненужными подробностями, показаниях в Следственной Комиссии, испуг виден в его очень любопытных по содержанию заметках в крепости, испугом наполнены его письма из Сибири—к начальству и к сестре.

Показания М. И. Муравьева-Апостола в Следственной Комиссии по делу о тайных обществах многотомны, по ним можно было бы написать целую историю заговора, конечно, историю бледную, как неярок был и сам их автор. Но добросовестный и доброжелательный к декабристам делопроизводитель Следственной Комиссии А. Д. Боровков составил для суда сжатое изложение показаний главнейших участников заговора, в том числе М. И. Муравьева-Апостола. Ни его показания, ни это изложение еще не печатались; приведу здесь последнее. Оно достаточно выяснит читателю—в дополнение к личным воспоминаниям и рассказам М. И.—степень его участия в тайных обществах, его роль в заговоре и, главное, его поведение в Следственной Комиссии. См. ниже статью М. И. о брате, где он говорит о своем душевном расстройстве во время следствия.

Матвей Муравьев-Апостол,—говорит Боровков, — при первом допросе сознался, что был членом тайного общества и принят полковником Александром Муравьевым в Петербурге в 1817 году. Был в числе тех членов союза, которые в 1817 году в Москве под начальством Александра Муравьева совещались о покушении на жизнь блаженной памяти Государя, когда Якушкин вызвался нанести удар Его Величеству. Брат его Сергей Муравьев восстал против сего заговора и по болезни своей через него (Матвея) представил участвовавшим членам письменное мнение, по прочтении коего все от намерения своего отстали.

Рассказывая о сем заговоре подполковнику Поджио, он—Муравьев увеличил число совещавшихся до 50 человек, тогда как в самом деле находилось только 6 человек,—единственно для внушения об обществе выгодного мнения.

В начале 1818 года, будучи ад'ютантом при князе Репнине, уехал с ним в Полтаву. Здесь он нашел Новикова, принадлежавшего к Союзу Благоденствия и основавшего в Полтаве масонскую ложу для приготовления в ней людей, способных к вступлению в общество.

В 1821 году слышал от Никиты Муравьева, что Лунин сделал предложение—выйти нескольким человекам в масках на Царскосельскую дорогу для покушения на жизнь покойного императора.

В конце 1822 года Муравьев из Полтавы возвратился в Петербург и был переведен в Полтавский полк, в следующем затем году вышел в отставку и уехал на житье в деревню.

В продолжение бытности в Полтаве Муравьев по обществу не действовал, но знал, как об об'явленном в Москве уничтожении союза, так и о решимости некоторых членов продолжать оный.

О возникновении обществ на юге и севере он был известен. Цель их стремилась к введению в России представительного правления посредством силы. Южное общество предлагало начать свои действия в то время, когда полки

наполнятся членами его; оно особенно надеялось на 8 дивизию, где много находилось семеновских солдат.

От участия в Южном обществе начально отказывался и даже уговаривал брата своего Сергея следовать его примеру; но впоследствии сделался сообщником в преступных его замыслах.

М. Муравьев не был ни на одном из совещаний, происходивших между южными членами в 1823 году в Киеве и в Каменке, в 1824 году в лагере при Лещине; но знал все, о чем там рассуждали и что было предполагаемо, или от брата своего Сергея или от Бестужева.

О предприятии Сергея Муравьева с Швейковским, Бестужевым и Норовым в 1823 году при Бобруйске, когда умышляли овладеть священною особою покойного Государя, узнал от Швейковского в Петербурге в 1824 году.

В 1823 году Муравьев получил от Южной директории поручение ехать в Петербург и открыть сношения с Северным обществом. Цель сих сношений была стараться соединить оба общества, согласить Северное на избрание одного директора и возбудить в членах сего последнего более рвения и деятельности, потому что Петербург предназначался главным пунктом действия.

Приехав в Петербург в июне 1823 года, он нашел там князя Барятинского, имевшего от Пестеля поручение об'явить Никите Муравьеву о принятой Южным обществом республиканской цели с истреблением Особы Государя и требовать ответа, готово ли Северное разделять меры к достижению оной. Барятинский уехал, будучи недоволен Никитою Муравьевым.

Северное общество находилось тогда в расстройстве и не имело заседаний; но, по убеждению Южного, члены решились возобновить свои действия и по осени 1823 года избрали директоров: Никиту Муравьева, князей Трубецкого и Оболенского и Муравьев принимал тогда участие в собраниях, происходивших у Пущина, Оболенского, Нарышкина и Рылеева.

Матвей Муравьев первые об'яснения имел с Никитою Муравьевым, а потом находился в сношениях со всеми прочими членами Северного общества. Князь Оболенский просил Муравьева пригласить в Петербург самого Пестеля, полагая, что личное его присутствие скорее сблизит общества между собою.

При от'езде Александра Поджио на юг в конце декабря 1823 года Муравьев послал с ним туда переписанный план конституции Никиты Муравьева.

Вскоре затем Пестель приехал в столицу и после неудачи переговоров своих поручил Муравьеву продолжать сношения с Северным обществом и тайно от оного учредить особенное общество. Он тогда же принял нескольких офицеров Кавалергардского полка.

Тогда же Пестель об'яснил Муравьеву план на введение республики, говорил ему о намерении составить вне общества особенную партию для истребления императорской фамилии.

В это время Матвей Муравьев, долго не имея писем от брата своего Сергея и услышав от графа Олизара, что ген. Эртель приехал в Киев, возомнил, что с приездом Эртеля Южное общество захвачено и брат его находится в опасности,—принял преступное намерение покуситься на жизнь блаженной памяти Государя и начально сообщил об оном Пестелю, который, одобряя его, сказал, что он Матвей понимает дело, а потом Артамону Муравьеву, Вадковскому и Свистунову. Все были согласны с его умыслом.

Вскоре однакож, получив от брата уведомление, что он не писал к нему за отлучкою в деревню, оставил преступное свое намерение и поспешил известить о том помянутых лиц. Между тем Вадковский сказывал ему, что, находясь в Новой Деревне и имея у себя духовое ружье, он сам помышлял посягнуть на жизнь монарха.

В августе 1824 г. Матвей Муравьев возвратился из Петербурга в деревню и оставался, как говорит, вне общества, ибо с членами оного не виделся, кроме брата Сергея и Бестужева, приезжавших к нему в деревню, и один раз бывшего майора Лорера.

Из Петербурга привез с собою две вольнодумные песни: одну сочинения Рылеева, а другую—Александра Бестужева.

Почувствовав отвращение к обществу, он писал к брату Сергею, остерегая его тем надзором, какой правительство обращает на полуденный край, а потом говорил Лореру весьма дурно насчет общества и желания своего удалиться от оного. Но после, убежденный Бестужевым, согласился послать также написанное к Пестелю письмо, в котором уверял в неизменной привязанности к обществу.

В конце 1824 г., по просьбе брата Сергея, принял на себя поручение Южного общества, чтоб уговорить князя Трубецкого к действию на 4-й корпус, но Трубецкой обещания своего не исполнил, а при от'езде из Киева в Петербург сообщил ему поручение стараться склонить Северное к соединению и об'явить о решительном намерении начать действия в 1826 г.

Незадолго перед тем Муравьев видел Корниловича, которому Бестужев сообщил последние предположения Южного общества и дал между прочим списанную им (Матвеем) копию с мнения о истреблении Цесаревича.

Он слышал о умысле Якубовича, о чем привозили сведения Бригген и Нарышкин, бывшие в Киеве в октябре 1825 г.

От брата Сергея знал, что командуемый им батальон Черниговского полка ему совершенно предан и что в лагере при Лещине ходили к нему Семеновские солдаты и божились, что за ним последуют коль скоро им дадут знать о начатии дела.

Бестужев рассказывал ему о присоединении к Южному обществу Славянского, над которым начальствует, но из членов его видел только одного Андреевича.

Муравьев знал главные черты Русской Правды, написанной Пестелем, и катехизис с прокламацией, сочиненные Бестужевым и братом его Сергеем, и читал речь Бестужева к Славянскому обществу, а также и мнение его о необходимости истребления Цесаревича.

Муравьев не утверждает показания подполковника Поджио о том, что при свидании в Киеве из'являл ему нетерпеливость скорее начать действия, вопреки предположениям прочих членов, и что Поджио считал его с Митьковым готовыми разделить с ним преступное намерение покуситься на жизнь ныне Царствующего Государя, но признается, что при известности о преступных его мнениях полное право имел почитать его первым на все злодеяния.

27 декабря 1825 г. в Любаре Бестужев известил Муравьева и брата его Сергея об арестовании бумаг в Василькове и что их самих велено взять и отправить в Петербург.

Тут Бестужев сказывал им, что перед от'ездом своим из Василькова приглашал четырех Черниговских офицеров отправиться с ним в Петербург для покушения на жизнь ныне Царствующего Императора, но мысль сия Муравьевым была отвергнута.

Матвей Муравьев сознается, что испуганный известием Бестужева он предложил брату обоим застрелиться, и когда повторил сие на дороге к Бердичеву, то брат было согласился, но Бестужев удержал их.

Когда брат Сергей решился из Любара ехать к месту расположения Черниговского полка, то и он, не желая оставить его в столь несчастном положении, тогда же с ним отправился.

В Трилесах подполковник Гебель, об'явивший обоим Муравьевым арест, ранен двумя Черниговскими офицерами, из коих одного Матвей Муравьев, выбежав из квартиры на шум, успел удержать от дальнейшего неистовства.

30 декабря Матвей Муравьев с братом его Сергеем, когда сей собрал две роты Черниговского полка, выступил к Василькову. Вступив в сей город, он арестовал майора Трухина, взял к себе знамена и полковой ящик, выпустил арестованных и учредил караулы, забирая жандармов и других проезжающих. Здесь присоединился Бестужев.

Первого января возмущенные шесть рот Черниговского полка вышли из Василькова по направлению на Белую Церковь, но, узнав о посланном против них отряде, повернули на дорогу к Трилесам, чтоб пройти к 8-ой дивизии.

Бестужев на походе от Василькова говорил, что если начатое возмущение не удастся, то надобно скрыться в лесах и, пробравшись в Петербург, посягнуть на жизнь Государя.

3 января возмутители были окружены и расстроены отрядом гусар и артиллерии. Матвей и Сергей Муравьевы и Бестужев взяты в плен, меньшой брат Ипполит убит, а поручик Кузмин застрелился.

Матвей Муравьев в общество никого не принимал.

В продолжение следствия угрызения совести его были столь сильны, что он впал в отчаяние и хотел уморить себя голодом. Но убежденный кроткими внушениями веры пришел в себя и успокоился.

Откровенное признание Матвея Муравьева,—заключает свое изложение Боровков,—согласуется с показаниями о нем, сделанными князем С. Г. Волконским, подполковником А. В. Поджио, Серг. Муравьевым-Апостолом, В. К. Тизенгаузеном и другими.

На семью старого классика-эпикурейца обрушились три тяжких удара: третий сын его, 19-летний Ипполит, застрелился на поле сражения, когда было подавлено восстание Черниговского полка (он принял участие в этом деле случайно, так как послан был петербургскими заговорщиками с письмами на Юг к братьям его с извещением о декабрьских событиях на Севере), второй—одаренный нервной, чуткой, любвеобильной душой и характером пылкого революционера-мистика, Сергей, был повешен на валу Петропавловской крепости; старший Матвей осужден по первому разряду и приговорен к отсечению головы, не помилован и... сослан в каторжную работу на двадцать лет.

Однако, М. И. Муравьев-Апостол на каторгу не попал. По настойчивым мольбам его сестры, красавицы Е. И. Бибиковой, Николай Павлович заменил ему каторгу простым поселением. Так прошло ровно 30 лет. Об этой поре своей жизни М. И. говорит в воспоминаниях, напечатанных ниже. В Сибири он женился, имел сына, который умер младенцем, занимался свойственной его сердцу и более подходящею к нему, чем революционная деятельность, благотворительностью, жил в дружеском общении с товарищами по изгнанию. По амнистии 1856 г. он вернулся в Россию. Здесь М. И. прожил, в Твери и Москве, еще 30 лет и первое время много работал в деле крестьянского раскрепощения. В преклонной старости он представлял собою патриарха (только годами да образом жизни, ибо внешностью он сохранил до самой смерти гордую осанку и холодную надменность аристократа по рождению и представителя большой родословной), окруженного родственниками, которым он рассказывал про богатые события своей долгой жизни. Этим молодым представителям семьи Муравьевых и обязана литература о декабристах собранными здесь статьями, так как по их просьбам диктовал М. И. свои воспоминания. Умер он в Москве 21 февраля 1886 г.—96 лет от роду.

В этой книге собрано все литературное наследство М. И. Муравьева-Апостола: бывшее в печати и впервые публикуемое.

Первое место здесь занимают—появляющиеся впервые в печати—заметки в крепости, написанные на чистых страницах экземпляра Евангелия, присланного узнику родными. Не только по значению, по времени написания это—первое дошедшее до нас произведение пера М. И., непосредственно отражающее всю его личность в расцвете лет. Все остальные статьи—результат воспоминаний о далеком прошлом, но плод свежей памяти и честного отношения к фактам. Эти статьи расположены в порядке событий, которые в них описываются. Не важно, что воспоминания о событиях 1820 г. продиктованы позже воспоминаний о событиях 1825 г. Ведь они не написаны, а именно продиктованы. М. И. писателем не был. Он даже писать-то не умел по русски. Думал и писал по французски, на языке, который был ему и всем людям его круга более родным, чем русский язык. Но он был русский человек начала 19 века со всеми особенностями, характеризующими тогдашних русских образованных людей. К статьям и воспоминаниям присоединены письма М. И., расположенные в порядке написания. Они разнородны по темам и по адресатам, но однородны по духу, проникающему их. От маленькой случайной записочки к М. Я. Чаадаеву до обширного письма к сестре из Сибири—во всех этих подлинных произведениях пера М. И. Муравьева-Апостола виден робкий, скромный, испуганный, но честный представитель обширной, знатной, богато одаренной и славной в русской истории семьи Муравьевых—и тех, которых вешали, и тех, которые жили, никого не вешая и не желая никого вешать.

При составлении этой книги я пользовался любезными указаниями и содействием Н. А. Бычкова, Н. Д. Игнатьева, Н. А. Котляревского, В. В. Майкова, Б. Л. Модзалевского, В. И. Саитова, П. Е. Щеголева. Другие упомянуты в соответственных местах книги. Всем им—глубокая благодарность.

Декабрь, 1921 г.

С. Штрайх.

ЗАМЕТКИ В КРЕПОСТИ

20 января 1826 г. Как я был счастлив сегодня [1]), получив письмо от от... Бог мой! падаю ниц перед Тобою, Ты не оставляешь меня в скорби. Ты знаешь, как она велика; сердце мое истерзано. У меня не хватит сил перенести эти страдания! Как вы добры, дорогая маменька! Как я благодарен вам за ваше Евангелие! Сколько раз смотрел я на два восковых пятна на переплете, и что за воспоминания они во мне возбудили: круглый стол в Хомутце, наше вечернее чтение... (многоточие автора)... все это кончено для меня—для меня нет больше счастья на земле. О, Господи! сократи мой путь и призови меня скорее. Я больше ни к чему не буду годен. Я знал дружбу в здешней жизни и у меня нет более друга. Те, что дружески расположены ко мне, должны радоваться, когда узнают, что я оставил юдоль скорби. Что касается меня, то я мог бы все перенести, может быть, даже мужественно, но... [2])

---

[1]) Заметки эти сделаны М. И. Муравьевым-Апостолом на чистых страницах экземпляра Евангелия, доставленного ему мачехой на четвертый день по заключении М. И. в Петропавловскую крепость (см. ниже). Евангелие это на славянском и русском языке — текст параллельный—издания 1819 года (в типогр. Н. Греча). Переплет книги извнутри оклеен темно-красной бумагой, и таких страниц имеется четыре: кроме них, есть еще шесть белых страниц; все десять страниц исписаны М. И. по-французски; по-русски встречается лишь несколько слов—это некоторые имена родных и названия местностей, особенно связанных с восстанием Черниговского полка в январе 1826 года. Записи на красных страницах почти совсем стерлись и выцвели; разобрать их удалось лишь благодаря любезному содействию Б. А. Ильина и А. А. Ларонда, затративших много часов на восстановление текста. Все записи печатаются в порядке их вероятного писания автором—по содержанию. Настоящая запись находится на 5-ой странице, если считать с первой красной от начала книги. Евангелие хранится в Росс. Публ. Библиотеке.

[2]) Многоточием прерывается эта запись, а затем (на стр. 6-й, т. е. первой чистой после текста Евангелия) выписано по памяти (и вполне верно—с пропуском лишь одной строфы в четыре строки и с самыми незначительными ошибками в виде пропуска предлогов или союзов да двух-трех знаков препинания) стихотворение французского поэта Ник. Жильбера, род. в 1751 г. и умершего в 1780 году. Жильбер получил особенную известность своей несчастной судьбой—ранней смертью вследствие падения с лошади. За 8 дней до смерти он написал «Оду—подражание некоторым псалмам», ставшую знаменитой стихом «Au banquet de la vie infortuné convive», перешедшим в русский литературный обиход в несколько измененной форме: «Ему нет места на пиру жизни» (в нашем переводе: «несчастный гость на жизненном пиру»). Французский текст сверен по изданию 1859 года, но здесь дается стихотворный перевод Н. В. Гербеля (Полн. собр. стих. II. 1882 г., т. 2-й, стр. 18—19), который перевел стихотворение Жильбера в 1876 году под

Я сердца глубь пред Господом открыл —
И о моем раскаянье Он знает.
Он исцелил, Он дух мой укрепил:
Ведь Он детьми несчастных не [illegible]!

Мои враги сказали мне, смеясь:
«Пускай умрет, а вместе с ним и слава!»
Но Бог вещал, душе моей явясь:
«Их злость — твоя опора и держава!»

Их сонм друзьям твоим передает
Свою вражду; кого, сам разоренный,
Питаешь ты, твой образ продает,
Его враждой и злобой очерненный.

Но Бог, к кому раскаянье влечет
Тебя, твой вопль, рожденный горем, слышит.
Он, Кто щадит наш слабый смертный род
И приговор чей благостью дышит.

Я для тебя в грядущем разбужу
Уснувшие любовь и справедливость —
И от всего очистить укажу,
Чем честь твою затмила их кичливость!

Будь славен Бог — Ты, возвративший мне
Невинности и благородства силу
И чей глагол, гремящий в вышине,
Оберегать сойдет мою могилу.

Несчастный гость на жизненном пиру
Я жил лишь день — и умираю,
И над моей могилой, как умру,
Никто слезы не выронит, я знаю.

Вам, зелень нив, зовущий мрак лесов
И высь небес, души очарованье,
Семьи людской лазоревый покров,
В последний раз я шлю свое прощанье!

Пусть сонм моих бесчувственных друзей
На вас в тиши глаза свои покоит!
Пусть смерть сойдет к ним на закате дней
И друг глаза, рыдая, им закроет [1].

Я умру, как поэт, написавший эти стихи. Бедный Жильбер!

Дорогой Васинька [2], есть возраст в жизни, когда, не успев еще перестрадать (ибо лишь страданье развивает наш ум — сама же природа действует

заглавием «Прощание с жизнью молодого поэта» вполне верны с подлинником. У М. И. Муравьева-Апостола опущена строфа пятая, которая приводится здесь для большей ясности чувств, волновавших узника, пропустившего ее очевидно ненамеренно.

[1] Последние две строфы и дальнейшая запись — на странице седьмой, т. е. второй после текста.

[2] Вас. Ив. Муравьев-Апостол — младший брат М. И. от второго брака его отца; род. в 1817 г., ум. в 1867 г.; был женат на сестре фельдмаршала Мар. Вл. Гурко; по возвращении М. И. [illegible] с ним в полюбовную сделку и согласно заве-

лишь усилиями), мы применяем наш рассудок к тому, что не подлежит рассуждению. Я верю, потому что это нелепо—это весьма глубокая мысль.—Ради Бога, мой дорогой друг, избегай этого подводного камня, с которым всегда опасно бороться. Это моя последняя просьба к тебе. И верь, что я прошу тебя ради твоего собственного благополучия и следовательно ради того из наших родителей, которого ты должен любить всей своей любовью.

Прощай, дорогой Васинька, не забывай моей просьбы, потому что я считаю ее важной.

24 декабря 1825 года.
25 декабря (пятница) [1]). Мы [2]) приезжаем в Житомир.
26 (суббота). У Александра Муравьева в Троянове.
27 (воскресенье). В Любаре. У Артамона Муравьева [3]).
28 (понедельник). В Троянове—Гебель [4]). Я невиновен, как и Сергей, в этом ужасном происшествии!!
29 (вторник). В Ковалевке.
30 (среда). В Василькове.
31 (четверг). Ипполит приезжает в Васильков и решается остаться с нами, вопреки моим [уговорам]. Мы отправляемся в Мотовиловку.
1 января 1826 г. (пятница). Мы провели день в Мотовиловке.
2 (суббота). Мы ночуем в Пологах. Вечером у меня продолжительный разговор с Ипполитом о судьбе человека.
3 (воскресенье). Ипполит убит. Сергей ранен—мы захвачены.
4 (понедельник). Мы прибываем в Белую Церковь, где меня разлучают с Сергеем, которого я уже больше не видел, до самой моей смерти.

щанию отца вернул ему часть наследства; однако, по возвращении из ссылки, М. И., повидимому, не имел оснований питать к нему сильную любовь и причину этого следует видеть в плохом характере Вас. Ив., о котором отец перед смертью отзывался очень неодобрительно с нравственной стороны. См. ниже—о завещании М. И. Евангелия этому брату. Настоящая запись, как и последние две строфы стихов Жильбера, занесены на 7-ю страницу—белую, за текстом Евангелия. Поденная запись событий во время восстания Черниговского полка взята с 8-й страницы обложки, последней белой. За нею следуют 9 и 10 страницы—красные, с выцветшими записями о сущности жизни, о дружбе, о любимых поэтах, о Стерне.

[1]) Все указания дней во французском тексте приведены под числами—одной только начальной буквой. В прямых скобках—дополнения редакции книги.

[2]) С братом Сергеем Ивановичем.

[3]) Александр Захарович Муравьев—родственник автора; командовал Александрийским гусарским полком; в тайных обществах не участвовал. Брат его Артамон Захарович Муравьев, командир Ахтырского гусарского полка, член южного тайного общества, осужден по I разряду; все хлопоты его сестры, жены министра финансов графини Ек. Зах. Канкриной, о смягчении участи Арт. Зах. или о дозволении ему отправиться на Кавказ рядовым—отклонялись Николаем Павловичем; царь не мог простить ему высказанного на одном из собраний заговорщиков намерения убить Александра I, хотя Арт. Зах. Муравьев менее всех других декабристов, высказывавших такое желание, способен был выполнить его—главным образом вследствие его крайнего легкомыслия и совершенного отсутствия в его характере революционной последовательности; умер в Сибири в 1846 году.

[4]) Густ. Ив. Гебель, подполковник, командующий Черниговским пех. полком. Подробнее о всей истории, кратко излагаемой в этом отрывке, в статье «Восстание Черниговского полка».

8 (пятница).—[была запись, но выскоблена].
10 (воскресенье). Я уезжаю в Могилев.
13 (среда). Я в Могилеве; вечером меня отправляют в Петербург. Добрый комендант главной квартиры.
16 (суббота). Я приезжаю в Петербург.
17 (воскресенье). Я вижу императора. Меня заключают в крепость [1]).
20 (среда). Я получаю письмо от отца и это Евангелие от матери [2]).

15 февраля 1826 года. Я узнал, что мне больше не разрешено писать родственникам. О Боже!! Это известие оказалось неверным. Офицер, сообщивший мне его, плохо расслышал. Он не подозревает, какое зло он мне причинил.

Что же такое, наконец, жизнь, чтобы стоило ее оплакивать?
День за днем и час за часом...
Что один приносит нам, то отнимает другой...
Отдых, труд... болезнь и немного мечты... [3]).

Это прекрасная вещь, если хорошо знать, какое дать ей назначение, и если иметь счастье пользоваться сладостью дружбы. Я никогда не любил Ламартина, так как он вызывает безнадежность, как и нетерпимость.

Жан-Батист Руссо, Расин, особенно Корнель, Лафонтен, Мильвуа, оба Шенье, Грессе, Де-ла-Виль—вот мои любимые поэты. Также Сумет [4]). Есть много предчувствия в музыке; есть арии, которые невольно приходят мне на память, а когда я услышал их впервые, они причинили мне бесконечную боль. В их числе музыка Цинпарелликевского «Ромео и Джульетта». Я всегда был убежден, что душа наша, как говорит Ламартин,—одна любовь и гармония. Есть французские романсы, которые так живо напоминают мне гостиную в Хомутце [5]), камин, круглый стол [слово неразб.], что мне кажется, будто я там. И сердце мое сжимается.

---

1) 17-го января 1826 г. Николай Павлович прислал коменданту Петропавловской крепости ген. А. Я. Сукину следующую записку, полученную последним в начале 12-го часа дня: «Присылаемого Муравьева отставного подполковника посадить по усмотрению и содержать строго».

2) 19 января, в 3 часа дня ген. Сукин получил следующую записку государя: «Письмо отдать отставному подполковнику Муравьеву-Апостолу».

3) Qu'est ce donc que la vie pour valoir qu'on la pleure.
Un soleil, un soleil, une heure et puis une heure.
Ce qu'une nous apporte une autre nous l'enlève,
Repos, travail, douleur, et quelquefois un rêve.

4) Жан-Батист Руссо, 1670—1741, франц. поэт и сатирик; Жан-Батист Расин, 1639—1699, знам. франц. драматург; Рене-Луи Расин, 1692—1763, его сын, франц. поэт религиозного направления; Пьер Корнель, 1606—1684, знам. франц. драматург; Жан де-Лафонтен, 1621—1695, знам. франц. поэт-баснописец; Шарль Мильвуа, 1782—1816, франц. поэт-лирик, судьба которого сходна с судьбою Жильбера; Андре Шенье, 1762—1794, франц. поэт, провозвестник романтизма; Жозеф Шенье, 1764—1811, франц. поэт и драматург-республиканец; Георг Грессе, 1709—1777, франц. поэт-сатирик и драматург; Жан.Каз. Делавинь, 1793—1843, франц. лирич. и драм. поэт, выступил в печати лишь после 1815 года; Алекс. Сумет, 1788—1845, франц. лирич. поэт; Альф. Ламартин, 1790—1869, знамен. франц. лирич. поэт, внесший глубокое христианское настроение в поэзию,—его первый сборник появился в 1820 году и сразу доставил автору прочную славу.

5) Хомутец—имение Муравьевых-Апостолов в Полтавской губернии.

22 февраля 1825 года я в первый раз был в Кибинцах. Последний год моей жизни был грустен и [точки в подлиннике] [1].

Я смотрю, как печально горит моя свеча, и представляю себе, что это [слово неразб.] жизни—вспышка и затем все кончено. Есть много достоинств в самых первых посланиях Жуковского—им не отдают должного.—Там есть прекрасные мысли.

Из всех писателей, которых я читал в своей жизни, больше всего благодарности я питаю, бесспорно, к Стерну [2]). Я себя чувствовал более склонным к добру каждый раз, что оставлял его. Он меня сопровождал всюду. В первый раз я читал его в 1815 году, когда полк шел в Вильно. Он понял значение чувства и это было в век, когда чувство поднимали на смех. Легкомыслие, всегда грубое и носящее личный характер, — это настоящий 18-й век. Я говорю о Франции и даже об Англии.

Самыми сладостными мгновениями своей жизни я обязан дружбе, которую питаю к родным. Когда мой дорогой Васинька выростет и будет рассуждать самостоятельно, я советую ему, читать Стерна в память его первого друга на земле.—Речь о сознании очень глубока и очень трогательна. Это м о й б р а т [3]).

Христианская религия—религия чувства. Ее надо понимать сердцем, ибо сердцем обычно постигается великое.

Если бы Провидению не было угодно, чтобы я таким образом закончил свою жизнь, я хотел бы удалиться в деревню, которую я очень люблю, и отдаться садоводству, я убежден, что сделался бы отличным садовником [4]).

. . .

[1]) Кибинцы—имение Д. П. Трощинского, знаменитого государственного деятеля эпохи Екатерины I и Александра I. Живя на покое в своем имении Полтавской губернии, Трощинский любил собирать у себя окрестных помещиков. После ареста М. И. Муравьева-Апостола малороссийскому генерал-губернатору князю Н. Г. Репнину (бывший начальник М. И., родной брат декабриста кн. С. Г. Волконского) было поручено выяснить образ жизни его крамольного ад'ютанта. Князь Репнин сообщил императору Николаю: «Из допросов дворовых людей, лично мною сделанных, сведении, собранных от соседей, и полицейских наблюдений о Матвее Муравьеве, всеподданнейше доношу, что он, проживая последнее лето в деревне своего отца, местечке Хомутце, ездил к Д. П. Трощинскому, влюбившись в внучку его княжну Хилкову (ей было в 1825 году 20 лет. СШ.). В семействе Капниста (поэта В. В., сын которого Сем. Вас. был с 1823 года женат на сестре М. И.—Ел. Ив. СШ.) М. И. Муравьев-Апостол поссорился с Алексеем Капнистом, что видно из переписки его. Сему почесть можно главнейшею причиною, что и сей тоже искал руки кн. Хилковой».

[2]) Лоренц Стерн. 1713—1768, английский писатель, положивший начало сентиментальному направлению в европейской литературе; главные его произведения—«Сентиментальное путешествие» и «Тристрам Шенди».

[3]) Здесь кончаются записи на последних страницах обложки, двух красных за текстом. Вероятно, после них М. И. вернулся к началу книги и возможно, что теперь он уже стал записывать прямо с первой—красной; по крайней мере, так можно логически разместить материал записей.

[4]) Соседка Муравьевых-Апостолов по их Полтавскому имению, С. В. Скалон (рожд. Капнист) пишет в своих воспоминаниях: «Матв. Ив., выйдя в отставку и поселившись отшельником в своей деревне, никуда не выезжал и, несмотря на большое состояние, жил очень просто, довольствуясь малым, любя все делать своими руками: он сам копал землю для огорода и для цветников, сам ходил за водою для их поливки и не имел почти никакой прислуги».

Хороший день всегда производит на меня сильное впечатление—тогда я начинаю сомневаться в существовании зла—все в природе полно такой гармонии. Как прекрасна весна в саду в Хомутце во время цветения плодовых деревьев! Но эти радости души требуют участия другого существа—и когда привык жить в другом, и когда его уже нет.—Господи, возьми меня скорее к себе,—ведь так жить значит умирать каждый день. Мой дорогой отец потерял больше, чем я, потому что он достойнее меня. Мой добрый, мой превосходный отец [1]).

7 февраля, 10 февраля, 20 февраля, 3 марта.

Среди вещей, присланных мне отцом, наибольшее удовольствие доставили мне карманные носовые платки. Я помню их у отца.

Как бы я был счастлив умереть вблизи своих—окруженный друзьями. Я не боялся бы смерти, ибо я всегда уповал на Бога. Душа моя будет с ними, ибо она их любила.

Я всегда завидовал смерти Сократа: я убежден, что в последнее мгновение душа начинает постигать то, что раньше было от нее скрыто.

Когда находишься между возможностью сохранить жизнь и позором, то это напоминает, что надо собраться в путь,—даже для тех, кто нас все еще любит. Капля воды в конце концов пробивает гранит, ливень [слово неразб.]. Близ Хорола в Хомутце, там, где разветвляется дорога из Хомутца в Бакумовку и Обуховку [2]), есть источник; по малороссийскому обычаю здесь стоит деревянный крест. Возвращаясь [слово неразб.], я отдыхал у креста, и там бы я хотел быть похороненным.

Я дорожу воспоминаниями о своих. Но по воле судьбы я родился и умер в Петербурге. Я убежден, что мои дорогие Екатерина, Анна, Елена не забудут меня. Для Дуняши, Лизаньки и для самого Васиньки я буду лишь воспоминанием детства [3]).

Завещаю своему брату Василию это Евангелие, которым я обязан моей доброй матери [4]) и которое было мне утешением в последние мгновения моей

---

[1]) После этого следует запись на второй странице переплета перед текстом—тоже красной и весьма выцветшей.

[2]) Хомутец—имение Муравьевых-Апостолов, где проживал Матв. Ив. Хорол—река в Полтавской губ.—Бакумовка—имение, полученное Ал. Дм. Хрущовым в приданое за Анной Ив. Муравьевой-Апостол. — Обуховка — имение известного поэта В. В. Капниста, отца С. В. Скалон.

[3]) Старшие сестры Матв. И.: Елисавета (род. до него), Екатерина, Анна, Елена (родились после него, но до 1800 года); младшие сестры: Евдокия-Дуняша, Елисавета (родились после 1812 года, от второго брака Ив. Матв.)—единоутробные сестры Вас. Ив., которому завещано Евангелие.

[4]) Мачеха М. И.—Прасковья Вас. Грушецкая, вторая жена его отца, внучка по матери кн. В. М. Долгорукова-Крымского, род. 28 марта 1780 г., замужем за И. М. с 1812 года, была жива еще в 1847 году; в 1841 году обратилась в III Отделение с ходатайством об улучшении участи М. И. в виду его болезни. Есть семейные сведения, исходящие от воспитанницы М. И., о том, что с появлением Праск. Вас. в семье Муравьевых-Апостолов наступил все углублявшийся разлад между отцом и горячо любившими его сыновьями. Но в то время, как остальные дети от первого брака проявляли иногда нежность и вообще родственные чувства к мачехе, именно М. И. всегда относился к ней с изысканной вежливостью, постоянно холодной и слишком официальной.

жизни. Прошу его вспоминать обо мне каждый раз, что он заглянет в него. Пусть он также говорит иногда о своих братьях с нашим добрым дорогим отцом и с моей дорогой матерью. Мне жаль, что я оставляю жизнь и не увижу своего брата Василия взрослым, а также не заслужу его расположения своим дружеским отношением. Прощай, мой дорогой Васинька. Будь счастлив и будь хорошим сыном.

1826. В Петропавловской крепости.

Единственное благо побежденных—не надеяться ни на какое спасение [1].

Я получил это Евангелие 20 января 1826 года в Петропавловской крепости.

Чтение этой божественной книги пролило благодетельный бальзам на раны моего сердца. Только в горести наша святая религия предстает во всей своей красоте. Поняв все—а это свойство Божества—делаешься снисходительным; только посредственность не умеет ни сострадать, ни прощать [2].

Матвей Муравьев-Апостол 1826 года.

Васиньки от его друга Матюши 15 марта 1826.

Придите благословении отца моего, наследуйте уготованно вам царствие от сложения мира—наг и одеясте мя; болен и посетисте меня; в темнице бех и придосте ко мне от Матфея 25-34. 36 [3]).

Брат Ипполит скончался 3 января 1826 года в воскресенье в три часа пополудни похорон: в деревне Трилесов Киевской губернии.

Брат Матюша [зачеркнуто: февраля] марта [пропущено место для цифры] 1826 года в [оставлено место для названия города].

Брат [4]).

---

[1]) Стих Вергилия (Энеида, II, 354) приведен у М. И. по латыни: «Una salus victis nullam sperare salut m».

[2]) Начинается эта страница выдержками из Евангелия, написанными по французски рукою П. В. Муравьевой-Апостол: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо и бремя легко (Матфея XI, 28. 29. 30). Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников (здесь надписано еще применительно к положению М. И. и его рукою—счастливых), но грешников к покаянию (Марка, II. 17)». В самом Евангелии, в тексте, приведенные здесь стихи от Матфея подчеркнуты. Есть еще несколько подчеркнутых мест с пометками М. И. Укажу их: от Матфея гл. 7, стих 11; 13, стихи 20 и 21; гл. 14, стихи 13 и 14, причем к 13-му (об удалении Иисуса от Иерусалима, по извещении его об усекновении главы Иоанна Крестителя, в пустынное место и о том, что народ пошел за ним из городов пешком) приписано по французски: «как это трогательно»; еще подчеркнуто от Луки: глава 3, ст. 34 (о Иерусалиме, избивающем пророков) и приписано по-русски: «27 января 1826», от Иоанна: гл. I, ст. 1—5; гл. II, ст. 32—36; гл. 13, ст. 23 и 34 (к последнему приписано: «февраль 1826»). Все подчеркивания сделаны к славянскому тексту.

[3]) Вся эта запись 15 марта сделана на титульном листе Евангелия, а после всего текста, на оставшейся чистой четверти страницы, написано то, что следует дальше (о брате Ипполите). Только эти две записи сделаны по-русски.

[4]) Здесь М. И. имеет в виду брата С. И. (повешенного позднее—13 июля 1826 года), но, сильно любя брата, он ужасался мысли о том, что С. И. должен быть казнен, и потому не вписал даже его имени.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

1793 года отец мой [1]) написал Русскую комедию: «Ошибки» или «Утро вечера мудренее». Комедия имела некоторый успех, и в 1814 году, когда гвардия возвратилась из заграничных походов, она представлялась в Петербурге. В 1793 году, служа в Измайловском полку, отец получает пригласительный билет в Эрмитажный театр. Комедия его представлялась. По окончании представления Государыня подзывает отца и благодарит за удовольствие, которое его комедия доставила ей. Государыня назначила отца моего кавалером при двух ее старших внуках.

В год смерти Екатерины II-й батюшка был дежурным кавалером при Константине Павловиче. Однажды великому князю вздумалось проехать верхом по Петербургу. Дежурный кавалер обязан был сопутствовать в прогулке великих князей. На Царицынском лугу они встречают конногвардейский полк. Константин Павлович подскакивает к полку, берет над ним начальство и производит полное полковое учение. Великий князь был уже женат. Кавалерам предписано было государынею не допускать ее внуков вмешиваться в дела гвардейских полков, в которых они числились. На другой день, сменившись с дежурства, отец сообщает Салтыкову, воспитателю старших внуков государыни, о случившемся на его дежурстве. Салтыков говорит отцу, что государыня будет очень недовольна, что ее приказания не исполняются. В самое то время, когда батюшка выслушивает это замечание, его приглашают в Гатчину к наследнику. Только, что батюшка приезжает в Гатчину, в тот же час он введен в кабинет наследника. Павел Петрович, подходя к батюшке, три раза касается рукою до паркета, говоря: «Благодарю, что вы не хотите сделать из моих сыновей пустых людей». По вступлении Павла I-го на престол старшие внуки покойной императрицы вступили в действительную службу, а отец был назначен министром-резидентом в Гамбург.

При тогдашних политических обстоятельствах гамбургское посольство служило нашему правительству дипломатическим аванпостом. Первые переговоры нашего правительства с Французской республикой вел отец мой. Профессор Гейдельбергского университета в своей истории Европы в XIX-м веке

---

[1]) Воспоминания эти написаны автором в 1869 году по почину молодых родственников, просивших объяснить им значение групповых семейных портретов, на которых изображен ребенком М. И. Перепечатываются здесь из «Русского Архива» за 1888 год, № 11. О самых портретах см. ниже.

отзывается с похвалой о деятельности на дипломатическом поприще отца моего в Гамбурге.

Большая часть французских эмигрантов с'ехались в Гамбурге. Многие из них, бежав из отечества, лишились всего своего состояния, взялись за торговлю, за ремесла. Помню, как по утрам у нас в доме про маркиза де-Романса говорили, что он сын Людовика XV, ходил в рабочей куртке, с фартуком, а потом в кафтане сидел за обедом с нами. Этот маркиз сделался обойщиком. Сын его, по ходатайству отца, был определен в первый кадетский корпус, выпущен из него офицером в Александрийский гусарский полк, которым начальствовал эмигрант граф Ламберт. Полк прославился под его начальством. Брат графа Ламберта совершил с Бугенвилем кругосветное плавание и был в Мадриде при батюшке секретарем при нашем посольстве. Молодой маркиз де-Романс был убит под Аустерлицем.

Революционное правительство французское требовало выдачи одного эмигранта, проживавшего в Гамбурге. Сенат гамбургский готовился выдать жертву, обреченную на смерть. Отец взял эмигранта под покровительство России и выпроводил его в Петербург. В инструкциях, данных батюшке об эмигрантах, не было вовсе о том упомянуто. За свое заступничество отец ждал быть отозванным или получить наистрожайший выговор. Отец имел аннискую ленту, единственный орден, который он имел. Павел остался совершенно доволен заступничеством, оказанным эмигранту. «M. Mourvieff a agi comme un Dieu» [1]) вот как выразился Павел о поступке отца моего.

Пятилетний мальчик в красной куртке, изображенный на нашей семейной картине [2]), был ярый роялист. Эмигранты рассказами своими о бедствиях, претерпенных королем, королевой, королевским семейством и прочими страдальцами, жертвами кровожадных террористов, его сильно смущали. Отец его садится бывало за фортепиано и заиграет «la Marseillaise», а мальчик затопает ногами, расплачется, бежит вон из комнаты, чтоб не слушать ненавистные звуки, которые сопровождали к смерти жертв революции.

Начальствующий французскими войсками в Голландии Дюмурье бежал и прибыл в Гамбург. Батюшке поручено было от нашего правительства не при-

[1]) Г-н Муравьев действовал по божески.

[2]) В семье Бибиковых (сестры М. И.—Екатерины Ивановны, замужем за Ил. Мих. Бибиковым, неустанно хлопотавшей о брате во время его ссылки и вообще облегчавшей его положение) сохранились два парных групповых портрета семьи Муравьевых-Апостолов. Оба они были в 1902 году на выставке русской портретной живописи за 150 лет и так описаны в подробном иллюстрированном каталоге выставки, составленном бар. Н. Н. Врангелем (П. 1902, стр. 94—95), где воспроизведены также (стр. 92—93) снимки с обоих портретов: «Моньє (Jean Laurent Mosnier), французский живописец, родился в Париже в 1746 г. Во время революции бежал в Англию, где имел большой успех (рассказ М. И. о пребывании Моньє в России см. ниже). «А. С. Муравьева-Апостол с детьми» А. С. изображена с сыном Матв. Ив. и дочерью Екатериной... Обнимает стоящего возле нее на стуле сына, блондина в красном костюме, с золотыми пуговицами... «И. М. Муравьем-Апостол с дочерью». И. М. стоит, правую руку опустив, левою обнимает стоящую возле него на стуле дочь. Девочка, брюнетка, в белом платье, указывает на стоящий возле нее портрет ее деда». Под первым портретом имеется сделанная художником дата написания: 1799; следовательно, автор воспоминаний нарисован на картине пятилетним мальчиком.

глашать его официальным образом в Россию, но дать уразуметь, что у нас его ждет благосклонная встреча. Чтобы успешно исполнить это поручение, батюшка угощал обедами генерала. Во время званых обедов нас—детей приводили в гостиную, и гости вставали из-за стола. Дюмурье хотел взять за руки мальчика, чтоб его приласкать. Мальчик отскочил с негодованием и сказал: «Je déteste, monsieur, un homme qui est traître envers son roi et sa patrie!» [1]) Можно себе представить неловкое положение дипломата при неожиданной выходке сынка своего.

В бытность свою в Петербурге несколько дней сряду Дюмурье не был у развода. Павел неотлагательно требовал от всех генералов, своих и чужих, чтобы они являлись ежедневно к разводу. Когда наконец Дюмурье явился, Павел, подозвав его, сказал гневным голосом: Général, il y a plusieurs jours que je ne vous ai vu à la parade.—Sire, j'ai fait ma cour aux grands de votre empire.—Général, apprenez qu'il n'y a de grands chez moi que ceux auxquels je parle et dans le moment seul où je leur parle [2]).

Монье, живописец Людовика XVI-го, находился между эмигрантами, проживавшими в Гамбурге. Помню, как с матушкой и с сестрою Екатериной Ивановной я ездил к нему, и он снимал с нас портреты. Больше еще впечатлело в моей памяти эти посещения следующее обстоятельство: в один из наших приездов он угостил нас земляными грушами, привезенными незадолго перед тем в Европу из Америки. Монье был в Петербурге, снял портреты с дядюшки Михаила Никитича, тетушки Екатерины Феодоровны, брата Никиты Михайловича [3]) и со многих других. Портрет отца моего, писанный

---

[1]) «Я ненавижу, милостивый государь, человека, который изменил своему королю и своему отечеству». Французский генерал Дюмурье в начале революции примкнул к ней и, постепенно левея, дошел до союза с якобинцами, которые назначили его главнокомандующим в войне с Австрией. Здесь он арестовал представителей конвента и выдал их Австрии, а сам провозгласил восстановление монархии. Солдаты отказались повиноваться своему главнокомандующему и он вынужден был бежать к австрийцам. Так. обр. Дюмурье в глазах пятилетнего М. И. являлся двойным изменником.

[2]) «Генерал, я несколько дней не видал вас на параде.—Государь, я навещал вельмож вашей Империи.—Генерал, знайте, что вельможами у меня только те, с кем я говорю и только на то время, пока я с ними говорю».

[3]) Мих. Ник. Муравьев—известный ученый и государственный деятель начала царствования Александра, покровитель Карамзина. Ек. Фед.—его жена, рожденная баронесса Колокольцова, надолго пережившая мужа (ум. в 1807 г.) и около двух десятков лет томившаяся в страданиях за судьбу своих двух сыновей-декабристов: Никиты (умер в 1845 г. в Сибири), которого она имела несчастье пережить, и Александра; больше всех других жен и матерей декабристов она не давала Николаю I забыть его «друзей 14 декабря»—постоянными хлопотами и просьбами об улучшении их участи; облегчая положение сыновей посылкою им в Сибирь целых обозов с продовольствием, вещами и книгами, она много, через них, помогала и другим ссыльным. Никита Мих. Муравьев, их сын—ученый историк и образованнейший офицер генерального штаба; основатель Союза Спасения и Союза Благоденствия, главный руководитель-теоретик и директор Северного общества, автор проекта конституции монархического строя, но личный сторонник умеренно-республиканского правления; осужден по I разряду; в Сибири составил себе огромную научную библиотеку и занимался историей, которую преподавал также своим товарищам по ссылке; составил резкий критический разбор «Донесения следственной

знаменитою Анжеликою Кауфман, сгорел в московском пожаре 1812 года, гравюры не было сделано, и портрет погиб безвозвратно.

Помню, с каким восторгом в Гамбурге праздновались победы Суворова в Италии. Помню дамский головной убор, в роде каски с французскою надписью над козырьком: «V ve S uv r f!».

Когда, по настоянию венского кабинета, Павел вызвал Суворова из ссылки, чтоб его назначить главнокомандующим над нашими и австрийскими войсками в Италии, недоброжелатели звали Суворова: стариком сумасшедшим. Павел хотел дать в дядьки Суворову генерала Германа, который начальствовал над нашими войсками, высаженными на остров Джердзей. Михаил Илларионович Кутузов должен был заменить Германа. М. И. Кутузов приехал в Гамбург, узнал о поражении Германа в Голландии, провел шесть недель в нашем доме и возвратился в Россию. Всю свою жизнь он был в дружеских отношениях с отцом моим.

Гатчинцы, эти опричники в царствование Павла I-го, много наделали хлопот отцу; часто приходилось краснеть за них. Назначенные к нашим войскам, высаженным на остров Джердзей, они на перепутьи останавливались в Гамбурге, где узнавали, куда им ехать. Один из этих гатчинцев просил батюшку, чтоб он его представил гамбургскому королю; просил, чтоб дано было знать на с'езжей, что крепостной человек его, которого он прибил, бежал. Когда батюшка сказал, что в Гамбурге нет с'езжей, гатчинец воскликнул: «хорош город, в котором нет ни короля, ни с'езжей!» Другой гатчинец хотел доехать до острова Джердзей сухим путем. Батюшка нам говорил, что мы никогда не поймем громадного переворота, совершившегося у нас в России со вступлением Павла I-го на престол. Наши начальствующие генералы 1812 года принадлежали царствованию Екатерины II ой; обхождением и познаниями они резко отличались от александровских генералов.

По возвращении в Россию, батюшка рассказал председателю Иностранной Коллегии графу Ростопчину проделки гатчинцев в Гамбурге. Граф Ростопчин отвечал, что и на его долю досталось не мало хлопот от них. Один из этих гатчинцев, откланиваясь Государю пред своим от'ездом, пленил Павла своею наружностью, изображавшею неподражаемо верно прусского генерала во время семилетней войны, за что пожаловано было ему пятьдесят червонцев. Гатчинец опять к Ростопчину с просьбой быть вновь представленным Государю, чтобы благодарить за оказанную щедрость. «Этих денег вам не достанет, чтоб доехать до места», замечает Ростопчин.—«Помилуйте, граф, возражает гатчинец: всякий извозчик довезет меня за десять рублей; я знаю городишко, я в нем стоял с ротой». Гатчинец принимал уездный город Ямбург за Гамбург.

Наш первый кадетский корпус славился, как лучшее учебное заведение в Европе. Фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин, некогда об'ехавший всю Европу, поместил внука своего, которого он усыновил, князя Николая Григорьевича Волконского [1]) в первый кадетский корпус, где он окончил свое

комиссии»; был женат на графине Ал. Гр. Чернышевой (сестра декабриста, другая их сестра была замужем за Н. Н. Муравьевым-Карским), последовавшей за ним в Сибирь и там умершей в 1832 году.

[1]) Старший брат декабриста кн. С. Г. Волконского, Ник. Гр. получил фамилию деда Репнина после его смерти в память заслуг знаменитого фельдмаршала.

воспитание. Князь Николай Григорьевич Репнин своим образованием служил лучшею похвалою воспитанию, которым отличались наши офицеры. Прусская муштровка, соблюдаемая Павлом, Александром и Николаем, окончательно убила первый кадетский корпус. Из него стали выходить офицеры, которые едва умели подписать имя свое. Именование Павловским первого кадетского корпуса напоминает слова, сказанные отцом нашим о громадности переворота, совершившегося у нас со вступлением Павла I-го на престол, переворота столь резкого, что его не поймут потомки.

В Москве
28 октября 1869 г.

С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

(1796—1826 г.г.)

Заметка по поводу его биографии [1])

В «Русской Старине» изд. 1873 г. (т. VII, стр. 652—676) помещен, за подписью Михаил Баллас, биографический очерк, под заглавием: «С. Муравьев-Апостол». Автор статьи благодарит меня за содействие в составлении ее, из чего читатель в праве заключить, что я признаю вполне подлинность выставленных в ней фактов, равно и в оценке их разделяю его взгляды. От подобной солидарности с ним я должен отказаться по следующим причинам: статья, как сказано в предпосланной заметке, составлена из разных материалов, между прочим, из записок Вигеля, Греча и из истории царствования Александра I, генерала Богдановича. В них, кроме многих неверностей касательно фактов и лиц, в них упоминаемых,—неверностей, которых не берусь здесь перечислять, замечу общую им важную погрешность, а именно: так называемая «Семеновская история», столь скорбная по своим последствиям, излагается не в настоящем ее виде. Можно утвердительно сказать, что преднамеренно или по неведению все, что писано доселе об этом плачевном событии, дает ложное понятие, как о причинах, возбудивших беспорядок, так и о виновности солдат. Упомянув о книге генерала Богдановича, не могу не выразить скорбного чувства, какое возбудило во мне повествование его о компании 1812 года, когда я видел, что он не воздает должной справедливости великим заслугам фельдмаршала Кутузова, между прочим, обвиняя его в слабом преследовании Наполеона, бегущего без оглядки из Москвы. Автор утверждает, что войско снабжено было теплой одеждою; я же, служивший тогда в Семеновском полку, могу засвидетельствовать, что во всей гвардии не было ни одного полушубка, тем менее, в армейских полках, и что я, как портупей-юнкер, наравне со всеми рядовыми, совершил весь поход в одном мундире и солдатской шинели [2]). Еслиб вздумали следить по пятам Наполеона форсированным маршем, то не уцелела бы и четвертая часть армии. Кроме того, в вышеупомянутом сочинении есть факт, лично меня касающийся, и который, по совести, считаю себя обязанным опровергнуть. Говоря о следственной комиссии,

---

[1]) Напечатано в „Русской Старине“ 1873 г., № 7.

[2]) См. ниже—заметки об Отечественной войне.

наряженной по случаю возмущения 14-го декабря 1825 года (в VI томе, глава XXX, стр. 437, также и в приложении стр. 56 и в прим. § 32), г. Богданович ошибочно приписывает П. Н. Свистунову [1]) весьма важное показание. Дело заключалось в пустых словах, которым нельзя было придать значения преступного намерения, хотя за самые слова подлежали мы каре закона. В этом разговоре, в котором участвовали Свистунов и Вадковский [2]), инициатива шла от меня, следовательно, на меня падала высшая доля ответственности. Находясь во время следствия в таком душевном расстройстве, что мне чудились голоса, преследовавшие меня день и ночь, о чем я и жаловался самой комиссии, я, без всякого к тому повода, сделал показание, в коем, припомнив бывший разговор, придал ему преувеличенное значение. Я вообразил, что себя одного обвиняю, не бывши тогда в состоянии сообразить, что, обвиняя себя, увлекаю под роковую ответственность бывших моих собеседников. Свистунов, из дружбы ко мне, не желая для опровержения моего показания подвергнуться очной ставке со мною, подтвердил его письменно, хотя оно значительно усиливало его виновность, но показание шло собственно от меня. Должен с признательностью заявить, что ни он, ни Вадковский, узнавши впоследствии о состоянии невменяемости, в котором я временно находился, никогда не пеняли на меня за эту оплошность [3]).

Ворочусь к г. Балласу, которого я вовсе не знал. Он обратился ко мне с просьбой снабдить его сведениями о брате моем и о событиях, в которых он принимал участие. Я охотно согласился поделиться с ним своими воспоминаниями; но когда узнал, что он намеревается составить из них журнальную статью, я просил его сообщить мне вчерне, желая проверить, не изменила ли ему в чем память при изложении на бумаге переданного ему мною изустно, на что он и согласился. К сожалению, он этого не сделал, чем вовлек меня

---

[1]) П. Н. Свистунов—член южного общества (служил в кавалергардах и проживал в Петербурге, поэтому судом включен в список Северного общества), осужден по II разряду; умер в 1889 г. в Москве; опубликовал воспоминания о тайных обществах—с интересными фактическими подробностями, основанными на собственных сведениях и на сообщениях всех живых еще к моменту их написания (1869—1870 г.г.) декабристов.

[2]) Фед. Фед. Вадковский—член Северного и Южного обществ, осужден по I разряду; был первым арестован по раскрытии заговора вследствие доноса И. В. Шервуда, который ловко выведал у доверчивого Вадковского много сведений о тайном обществе, что дало доносчику нить к дальнейшему расследованию; арест Вадковского последовал еще до восстания 14 декабря—по распоряжению ген. И. И. Дибича; умер в Сибири в 1844 году; был на плохом счету у правительства еще задолго до 1825 года, как „дерзкий" офицер, совершенно не подчинявшийся дисциплине, и с этой стороны был лично известен императору Александру; по словам сестры Ф. Ф., С. Ф. Тимирязевой, этим об'ясняется плохое отношение государя к ее старшему брату И. Ф., невинно пострадавшему в связи с восстанием Семеновского полка в 1820 году; Ф. Ф. оставил статью о восстании Черниговского полка в 1825 году, написанную со слов офицеров-участников события.

[3]) На следствии М. И., между прочим, показал, что задолго до восстания 14 декабря он был в Петербурге и, не получая известий о любимом брате Сергее, вообразил, что заговор открыт, а Сергей арестован. Это повергло его в болезненное состояние. „Терзаемый горестью, страхом,—говорит он в показании,—я в безумии хотел мести—хотел сам покуситься на жизнь государя и об'являл о своем намерении кавалергардским офицерам Вадковскому, Свистунову и Муравьеву".

в полемику, от которой охотно бы я устранился, еслиб приписанное мне сотрудничество в составлении этого очерка не возлагало на меня обязанность высказать, в чем я нахожу его несогласным с доставленными мною сведениями. За чужие описки и за чужие мнения никак не могу принимать на себя ответственности.

Шестистишие, выставленное в виде эпиграфа, не следует называть пророческою строфою, по той причине, что если бы брат мой Сергей вздумал писать о себе, он выразился бы скромнее. Не придавая этим стихам неподобающего им значения, всетаки считаю нужным заметить, что в четвертом стихе лишний слог составляет отступление от правил стихосложения, следует писать: «Ce n'ést qu'au bout de ma carrière» [1].

Стр. 654. Дед мой, Матвей Артамонович, женился не на внучке гетмана Даниила Апостола, а на дочери его. Последний бездетный потомок гетмана, как бы в вознаграждение за то, что бабка моя лишена была приданого отцом своим, исходатайствовал у государя, в 1800 году, дозволение передать, вместе с фамилиею «Апостол», родовое свое имение двоюродному брату своему Ивану Матвеевичу Муравьеву, моему батюшке. Он обратил на себя внимание императрицы Екатерины, в 1792 году, не переводом Шеридановского творения, а сочинением русской комедии, под заглавием: «Ошибки или утро вечера мудренее» [2].

Стр. 654. Не в 1808, а в 1805 году воротился батюшка мой из Мадрида в Петербург и не для личных об'яснений, а потому, что был отозван из Мадрида по повелению государя. На место его назначен был посланником барон (впоследствии граф) Григорий Иванович Строганов. В то время, как отец мой поступил на должность посланника при испанском дворе, ему поручено было поддерживать мадридский кабинет против честолюбивых замыслов Наполеона. Испанский министр Годой вполне доверился русскому посланнику и в сношениях с Наполеоном держался политики, внушаемой ему представителем русского двора, что возбудило против отца сильное негодование Наполеона, высказываемое им в дипломатических нотах и на столбцах официальной французской газеты.

После Аустерлицкого сражения, Годой, устрашившись возраставшего преобладания французского императора, стал заискивать его милости и, в угождение ему, начал чуждаться русского посланника. В то же время между нашим кабинетом и французским шли переговоры о примирении; поэтому пред-

---

[1]) Необходимо также исправить опечатку в третьем стихе: четвертое слово должно кончаться на ѣ (прим. автора). Шестистишие, приведенное у Балласа, написано С. И. Муравьевым-Апостолом в 1823 г. в с. Каменка, на с'езде членов тайного общества. Вот оно в переводе, сохранившемся в письме декабриста М. С. Лунина от 1 января 1840 года: „Задумчив, одинок я по земле пройду, незнаемый никем; Лишь пред концом моим, Внезапно озаренный. Познает мир, кого лишился он“. Декабрист А. Е. Розен, в своих воспоминаниях, основанных на личных сведениях и строго проверенных сообщениях товарищей, говорит следующее о происхождении этого стихотворения: „Для отечества он (С. И.) готов был жертвовать всем; новое еще казалось до такой степени отдаленным для него, что он иногда терял терпение; в такую минуту он однажды на стене Киевского монастыря, карандашом выразил свое чувстве В. Н. Лихарев (декабрист) открыл эту надпись“.

[2]) См. выше—Воспоминания детства.

стоящая перемена в отношениях наших к французскому двору повлекла за собою замещение нашего посланника в Испании. Отец мой, воротившись в Петербург, явился ко двору, где нисколько не чаемое холодное обращение с ним императора Александра I убедило его в утрате царской милости,—утрате, оставшейся и впоследствии необ'яснимой для него. Он, покинув службу, уехал в Полтавскую губ., где поселился в своем имении, селе Бакумовке, Миргородского уезда. До назначения его в Мадрид, он находился посланником в Гамбурге, где ему посчастливилось снискать особенное благоволение императора Павла, по случаю покровительства, им оказанного одному знатному французскому эмигранту. Французская республика с угрозою требовала его выдачи, на что гамбургский сенат из страха согласился. Но представитель нашего двора, возмущенный таким наглым нарушением международного права, дал эмигранту приют у себя в доме и затем отправил его в Петербург. Рыцарский поступок русского посланника до того восхитил императора Павла, что он, восхвалив его самым лестным образом, пожаловал ему при этом орден Св. Анны I-й степени. В 1807 году батюшка мой, вступив в милицию, назначен был окружным военачальником. Желая возобновить старое знакомство с Михаилом Илларионовичем Кутузовым, бывшим тогда киевским военным губернатором, он заехал повидаться с ним,—и не мог не выразить ему своего удивления при виде такого знаменитого воина, занимавшего гражданскую должность в военное время. Отец рассказывал, что Михаил Илларионович, взяв его за руки, сказал: «голубчик, настанет время, когда и я им на что-нибудь, может быть, пригожусь». Кому не известно, что сбылось его пророческое слово.

Стр. 656. О брате моем Сергее многое передано неверно. Он родился не в 1794 году, а в октябре 1796. Весь офицерский класс корпуса путей сообщения, в котором брат находился, прибыл на службу в армию перед бородинским сражением, в котором и участвовал. В 1813 году поступил он в баталион, сформированный великою княгинею Екатериной Павловной и носивший ее имя В 1814 году, после неудачного дела под Провенсом (Provins). Н. Н Раевский заменил раненого графа Витгенштейна в командовании авангарда, в составе которого числился баталион ее высочества. Н. Н. Раевский пожелал иметь при своем штабе офицера из этого баталиона, и брат мой назначен был бессменным ординарцем при начальнике авангарда. По занятии Парижа, брат мой Сергей поступил опять в строй баталиона ее высочества, с которым и воротился в Петербург. В 1815 году, быв переведен поручиком в лейб-гвардии Семеновский полк, вознамерился оставить на время службу и ехать за границу слушать лекции в университете, на что отец не дал своего согласия.

Стр. 659. В сведениях, относящихся до тайного общества, многое следовало бы изменить и исправить. Не беру на себя этого труда. Замечу только, что Пестель никакого устава не писал, а устав общества, под наименованием: «Союз благоденствия», составлен был Михаилом Николаевичем Муравьевым в 1818 году.

Помимо изложенных в разбираемой статье обстоятельств, побудивших к возмечтанию о реформах в России, следует упомянуть о надежде на дарова-

ние политических прав, возбужденной либеральной политикой императора Александра Павловича, неоднократно им заявленной. О ней свидетельствует воззвание его к германским народам в 1813 году. Затем, в 1814 году, при первом свидании его с Людовиком XVIII в Рамбульэ, всем стало известно высказанное им убеждение о необходимости при вступлении короля на престол учредить во Франции представительное правительство. В следующем году, на венском конгрессе, он, отстаивая либеральные учреждения, оспаривал ретроградную политику Меттерниха и Талейрана и, вопреки их мнению, даровал Польше конституционное правление. Наконец, при открытии варшавского сейма произнес речь, возбудившую неописанный восторг во всей мыслящей молодежи. Нет сомнения, что неосуществившиеся надежды и, пожалуй, неосуществимые в данной эпохе, нисколько не оправдывают преступных замыслов; но упомянуть о них необходимо, как об обстоятельстве, характеризующем тогдашнее настроение умов.

Стр. 661. «Семеновскую историю» рассказать можно в коротких словах. Вскоре по возвращении гвардии из похода, отменены были в полку телесные наказания с согласия всех ротных начальников и с разрешения полкового командира, генерала Потемкина. Мера эта не только не ослабила дисциплины, но, возвысив нравственно людей, возбудила в них такое соревнование, что Семеновский полк во всех отношениях служил образцом для всей гвардии. Несмотря на то, графу Аракчееву такое нововведение представилось в виде зловещего признака; злоупотребляя доверием к нему императора, он выставил генерала Потемкина, всеми уважаемого и любимого, как человека, неспособного, по излишнему мягкосердию, командовать полком, и просил назначить на его место полковника Шварца, прославившегося в армии своей жестокостью. Безрассудные требования и варварское обращение последнего поразили ужасом семеновцев. Они, полагая, что о жестокостях его не ведает корпусный начальник, решились высказать ему свое безвыходное положение. Их жалобы признаны были бунтом, хотя инспекторский смотр установлен именно для выслушивания солдатских жалоб; но доказательством тому, что они не выходили из повиновения, служит тот факт, что без всяких принудительных мер, подчиняясь приказанию начальства, они безропотно отправились в крепость под арест. Многие были того мнения, что если бы в то время командовал корпусом не Васильчиков, а граф Федор Петрович Уваров, любивший солдат и пользовавшийся их преданностью и доверием, он бы принял во внимание справедливые их жалобы и признал бы в поступках Шварца явное злоупотребление власти. Я находился тогда в Полтаве при князе Репнине; но брат мой Сергей, князь Трубецкой и другие мои однополчане подробно известили меня письменно о бедствии, постигшем наш полк. Во время моего ареста отобраны были все мои бумаги, которые впоследствии возвращены были сестре моей Екатерине Ивановне Бибиковой, но, по смерти ее, к сожалению, были сожжены. Я бережно хранил письма, заключавшие в себе подробный рассказ о печальном событии, изложенном правдивыми очевидцами. Эти письма в настоящее время послужили бы редким историческим памятником. Шварц перед образом клялся брату, что не виноват в случившемся беспорядке, а что имел несчастие послушаться уверявших его, что полк зара-

жен духом неповиновения и буйства, к укрощению которого необходимы крайние меры строгости [1]).

Отзыв, черезчур лестный, о брате моем и обо мне я бы без сомнения попросил автора вычеркнуть из своей статьи, если бы он, снисходя просьбе моей, сообщил мне ее предварительно. Замечу, что «душою общества» нельзя было назвать брата потому, что он, исключительно предавшись попечению о своей роте, навещал ее несколько раз в день, жил с солдатами, как с своими детьми, и не имел досуга бывать в свете.

Выражение „к аристократическим фамилиям“ заменил бы я менее пышным словом. У нас есть дворянство, но аристократия, полагаю я, существует лишь там, где законом установлено право первородства.

Стр. 676. Относительно казни, последовавшей за приговором верховного уголовного суда, многое передано не так, как было. Сказано, между прочим, „перед ними начали сооружать эшафот, но как не могли его скоро окончить, то их отвели опять назад“. Эшафот был к означенному сроку сооружен, и пятерых, обреченных на смерть, привели на площадь лишь после того, как над остальными осужденными переломаны были шпаги и сожжены на пылавших кострах их эполеты и мундиры с орденами.

Стр. 675. В рассказе о последнем свидании брата с сестрою [2]) выпущено одно обстоятельство, указывающее на необыкновенное спокойствие духа со стороны брата в роковую минуту. Сестра, едва оправившись от родов, была в полном неведении об участи, его ожидавшей; муж ее, не решившись сообщить ей грозной вести, посоветовал ей испросить дозволения на свидание с братом. Это было накануне казни. Она поспешно с'ездила в Царское Село, где, ради ходатайства генерала Дибича, получила на то высочайшее разрешение. Ночью, за несколько часов до казни, она, увидев брата, закованного в кандалы, залилась слезами; брат, чтоб ее утешить, сказал ей с спокойным видом, что напрасно ее так смущают эти оковы, что они ни чувства, ни языка у него не связывают, и поэтому не помешают им дружески побеседовать. Он сумел рассеять ее опасение и пробудить в ней надежду, так что касательно его участи она осталась в том же неведении; просил ее только позаботиться о брате.

Комендант Сукин ошибочно назван «герой из солдат». Он принадлежал к древнему дворянскому роду. Вероятно, автор смешал его с генералом Скобелевым [3]), бывшим впоследствии комендантом Петропавловской крепости.

Москва.
25-го мая 1873 г.

[1]) О Семеновской истории см. ниже воспоминания автора под этим заглавием.

[2]) Ек. Ив. Бибиковою, получившею от самого Николая I разрешение видеться с С. И. в крепости.

[3]) Ив. Никитич, дед «белого генерала».

УБИЙСТВО ПАВЛА I

При Павле I все батальоны гвардейских полков назывались шефскими [1]). Семеновский полк находился под личным начальством своего шефа, наследника престола. 11 марта 1801 года, ночью, когда зоря была уже пробита, Семеновскому 3-му батальону приказано было одеваться; его повели в Михайловский замок, чтоб сменить Преображенский батальон, занимавший караулы в замке. Эта смена совершилась под предлогом, что на другой день, 12 марта, Павел I будет рано смотреть Преображенский полк. Семеновцы заняли все посты в замке, кроме внутреннего пехотного караула, находящегося около залы, называемой уборной, смежной со спальней Павла I. Караул этот оставили из опасения, чтобы движением смены не разбудить императора.

На часах стоял рядовой Перекрестов и подпрапорщик Леонтий Осипович Гурко; последний потом рассказывал, что двери уборной заперли накрепко ключом и, не зная куда спрятать его, не говоря ни слова, спустили ключ ему под белье; он не успел опомниться, как ощутил неприятное прикосновение металла, скользнувшего по его ноге. При этом часовым было строго приказано безусловно никого не пускать.

Известно было, что в спальне Павла I имелась опускная дверь, замыкавшая потайную лестницу, ведущую в покои его жены; эту дверь Павел I приказал заделать, вступивши в связь с известной главной актрисой французского (в Петербурге) театра. Говорили, что в последнее время своего царствования Павел I опасался жены, как и своего наследника, и грозил им заточением.

Императрица Мария Феодоровна, услышав шум, поспешила к мужу, к двери уборной. Но часовые, исполняя данное приказание, скрестили перед ней ружья. Императрице сделалось дурно. Ей подкатили кресло и подали

1) Рукопись этого рассказа, хранится в собрании М. М. Зензинова, с разрешения которого рассказ напечатан в моск. газете «Утро России» от 21 декабря 1911 года. Там же переданы обстоятельства, при которых появился рассказ об убийстве Павла I, слышанный автором от проживавшего одновременно с ним (по возвращении М. И. из Сибири) в Твери К. М. Полторацкого, который в чине прапорщика был в карауле в Михайловском дворце в эту роковую ночь. Полторацкий обещал описать убийство Павла, но умер, не успев сделать это. Тогда сам М. И. Муравьев-Апостол продиктовал рассказ своей воспитаннице А. П. Сазонович, дополнив его многими подробностями, слышанными в Москве еще в 1820 г. от одного из участников убийства, полкового ад'ютанта Преображенского полка и плац-майора Михайловского замка Аргамакова.

стакан воды. Она протянула к нему руку. Перекрестов поспешил схватить стакан с подноса, выпил половину и, поставив назад, сказал: «Теперь пей, матушка царица, если ты должна умереть, я умру с тобой». В 1814 году по возвращении из Парижа, Перекрестов, прослужив лишние лета, вышел в отставку. Мария Федоровна вспомнила о нем, и Перекрестов был определен камер лакеем при ее дворе.

В темном коридоре, у дверей спальни Павла I, находилась икона; близ нее стоял на часах рядовой Агапеев. Когда заговорщики вступили в коридор, один из них, а именно граф Зубов, ударил Агапеева саблей по затылку так сильно, что тот упал, обливаясь кровью. Затем они постучались в спальню. Комнатный гусар, приотворив дверь, чтобы узнать, кто стучит, подвергся участи Агапеева.

Заговорщики вошли в спальню и не застали в постели Павла; но постель оказалась еще теплою. После тщетных поисков, они отодвинули от камина экран, и пара ботфортов выдала Павла I. Они вывели его из-за камина, уложили в постель и потребовали подписать отречение от престола. Павел долго не соглашался на это, но наконец уступил настоятельным требованиям.

Один из заговорщиков поспешил известить об этом Беннигсена, остававшегося в смежной комнате и с подсвечником в руке рассматривавшего картины, развешанные по стенам. Услышав об отречении Павла, Беннигсен снял с себя шарф и отдал сообщнику, сказав: «Мы не дети, чтоб не понимать бедственных последствий, какие будет иметь наше ночное посещение Павла, бедственных для России и для нас. Разве мы можем быть уверены, что Павел не последует примеру Анны Иоанновны?». Этим смертный приговор был решен. После перечисления всего зла, нанесенного России, граф Зубов ударил Павла золотой табакеркой в висок, а шарфом Беннигсена его задушили.

Беннигсен, командуя Мариупольским гуссарским полком, приехал в Петербург по делам службы в начале 1801 года. На одном из разводов он, задумавшись, стоял среди манежа. Павел с поднятой палкой скакал прямо на него. Беннигсен схватился за рукоятку своей сабли. Павел, проезжая мимо, отсалютовал ему палкой. После такой нелепой выходки Беннигсен охотно согласился вступить в заговор против императора.

Солдаты внутреннего пехотного караула, при необыкновенном движении и шуме в замке, толковали между собой, удивляясь, что их не ведут унять буянов. Тогда Преображенского полка поручик Сергей Никифорович Марин скомандовал солдатам своим «от ноги» и продержал под ружьем всю ночь внутренний пехотный караул. За это на другой день он был пожалован во флигель-ад'ютанты.

Главный караул занимал капитан Михайлов со своей ротой. Он был гатчинец, достойный образчик этих офицеров: грубый, безграмотный и пьяница. Солдаты этого караула тоже подняли ропот, что их не ведут унять шумящих. Михайлов, потерявшись, обратился за советом к стоявшему с ним вместе в карауле прапорщику Константину Марковичу Полторацкому. Понимая суть дела, тот отвечал, что не смеет давать совета своему командиру.

Михайлов вывел солдат из караульни. Поднявшись по парадной лестнице, на ее площадке, ему встретился граф Зубов и спросил: «Капитанина, куда лезешь?»

Михайлов ответил: «Спасать государя».

Граф дал ему вескую пощечину и скомандовал: «Направо кругом». Михайлов с должным повиновением отвел своих солдат в караульню.

В 1801 году Аргамаков был полковым ад'ютантом Преображенского полка и, вместе с тем, плац-майором Михайловского замка. Последний, как известно, выстроен в готическом стиле, окружен сплошными прудами и тогда был с под'емными мостами, имея вид средневекового замка. Устроившись таким образом, Павел I в своем замке считал себя находящимся вне Петербурга. Без содействия Аргамакова заговорщикам невозможно было бы проникнуть в ночное время в Михайловский дворец.

В 1820 году Аргамаков в Москве, в Английском клубе рассказывал, не стесняясь многочисленным обществом, что он сначала отказался от предложения вступить в заговор против Павла I, но великий князь Александр Павлович, наследник престола, встретив его в коридоре Михайловского замка, упрекал его за это и просил не за себя, а за Россию, вступить в заговор, на что он и вынужден был согласиться.

11 марта Павел I весь день подходил к дворцовым зеркалам и находил, что лицо его отражается в них с искривленным ртом. Придворные из этого повторяемого замечания заключали, что заведующий дворцами князь Юсупов впал в немилость. Этого же числа, вечером, Павел долго беседовал с М. И. Кутузовым. Наконец, между ними разговор зашел о смерти. «На тот свет идтить— не котомки шить»,—были прощальными словами Павла I Кутузову.

В кампанию 1813 года Агапеев находился в стрелковом взводе 3-й роты Гренадерского 3-го батальона. Тогда М. И. Муравьев-Апостол собственноручно ощупывал на его голове рубец от ужасной раны, нанесенной ему графом Зубовым в известную ночь с 11 на 12 марта.

Агапеев рассказывал, что в эту ночь Павел I долго молился на коленях перед образом, прежде чем войти в спальню [1]).

[1]) Последние строки А. П. Созонович записала от своего лица, но как рассказ самого автора. В выносном примечании она сообщает, что М. И. слышал лично рассказ Аргамакова в Английском клубе, где обедал тогда вместе с декабристом М. А. Фонвизиным. В записках М. А. Фонвизина также есть рассказ об убийстве Павла I, в общем совпадающий с рассказом М. И. Муравьева-Апостола, особенно в подробностях, передаваемых со слов Аргамакова.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812 год [1]

(Стр. 386) 28 мая полк прибыл в Вильно и расположился на бивуаке, не доходя до города.

Полк расположился не на бивуаке, а в самом городе.

(Стр. 391) 12 прошли Витебск, 17-го Рудно, 20-го дошли до Смоленска.

Под Витебском остановились. Повидимому, Барклай хотел дать сражение, но приезд Николая Сергеевича Меншикова, ад'ютанта князя Багратиона, заставил Барклая продолжать отступление.

(Стр. 391) Во время отступления случилось недоразумение между ними (т.-е. между Барклаем и князем Багратионом).

Барклай отделил князя Багратиона, который должен был отступать от Немана до Днепра перед неприятелем, подавляющим его чрезмерною численностью. Надо представить себе положение князя Багратиона. Слово «недоразумение» более нежели неуместно, оно рисует их отношения в ложном свете. Князь Багратион, без всяких недоразумений, прямо ругал Барклая за бессмысленные распоряжения. Наполеон не мог простить своему брату Жерому непостижимо славного отступления князя Багратиона.

---

[1]) Заметки эти сделаны М. Н. Муравьевым при чтении «Истории л.-гв. Семеновского полка» П. П. Дирина, П. 1883 г. т. I. и продиктованы им в Москве 24 октября 1883 года своей воспитаннице Авг. Павл. Сазонович. Рукопись хранится в музее Семеновского полка, в который поступила от автора. В виду невозможности пользоваться бумагами музея, «заметки» печатаются здесь (впервые) по копии А. А. Сиверса, сверенной Н. К. Эссеном. В книге С. Н. Аглаимова «Отечеств. война 1812 г.» (Полтава, без обозначения года печати), в примечаниях к дневнику за 1812 год Семеновского офицера П. С. Пущина (позднее члена Союза Благоденствия, основателя Кишиневской масонской ложи «Овидия», членом которой был и А. С. Пушкин), напечатано несколько выдержек из этих «Заметок». Так как в этих примечаниях приводится заметка, которой нет в экземпляре А. А. Сиверса, то можно предполагать, что в подлинной рукописи имеются еще и другие заметки. Тем более, в виду этого следует пожалеть о невозможности пользоваться экземпляром заметок», продиктованных автором. Упомянутая заметка из книги С. Н. Аглаимова приводится ниже. Заглавие дано по содержанию заметок. Мелким шрифтом в тексте набрано то, что автор отметил в книге Дирина и к чему относятся его заметки. Богданович, упоминаемый далее в тексте, автор Истории России при Александре I.

(Стр. 394) Это событие, действительное или вымышленное, осталось в народных преданиях как свидетельство надежд, возбужденных новым главнокомандующим.

Это событие действительное, а не вымышленное. Я видел собственными глазами, как орел парил над головой главнокомандующего, который снял фуражку, перекрестился и закричал «ура» [1]).

(Стр. 394) В день приезда Кутузова к армии командир полка Криднер заболел и должен был в транспорте больных уехать в Москву.

Карл Антонович Криднер не заболел. В Витебске Барклай намеревался остановиться. Позиция была выбрана, полк занял назначенное ему место. Приезд флигель-ад'ютанта Николая Сергеевича Меншикова, ад'ютанта князя Багратиона, заставил Барклая продолжать отступление внутрь края. Князь Багратион просил Барклая спешить на соединение в Смоленск.

В два часа пополудни мы выступили в поход ускоренным шагом и без дневок пошли в Смоленск. Полковой командир, Карл Антонович Криднер, проезжая по дороге, по которой мы отступали, наехал на 9-ю роту, стоявшую в ружье. Поручик 9-й роты, Павел Иванович Храповицкий, сидел, не тронувшись с места. Криднер с обыкновенной своей грубостью спросил: что он тут делает, когда рота его готова выступать в поход. Храповицкий отвечал, что вьюк только что до него дошел, и, чувствуя потребность подкрепиться, он завтракает. На это Криднер ему сказал: «впрочем, все равно, вы ли стоите у своего взвода, или другой болван».

После этого офицеры Семеновского полка подали прошение о переводе в армию, наши полковники последовали их примеру.

На другой день наш корпусный командир, цесаревич Константин Павлович, приехал к нам, говорил о дисциплине. Все офицеры отвечали, что понимают важность дисциплины, но при такой грубости солдаты должны терять к ним всякое уважение. Великий князь отказал Криднеру от командования полком. Командир 1-го батальона Федор Иванович Постников заместил Криднера. Последний ехал за полком до Бородинской позиции. Увидев, что войско готовится дать сражение, Криднер сказался больным и уехал в Петербург.

(Стр. 395) Даже магометане, язычники и евреи, говорит очевидец, не остались равнодушными.

Евреев тогда не было в рядах русской армии.

(Стр. 397) Поручик Татищев 1-й и прапорщик Оленин были вынесены замертво и в середине каре умерли; другой Оленин контужен ядром в грудь.

Татищев и прапорщик Николай Алексеевич Оленин были наповал убиты одним ядром, Петр Алексеевич Оленин контужен в голову.

---

[1]) Повидимому, в начале этой заметки должна быть еще помещена следующая, напечатанная у С. П. Агапимова с указанием, что она находится в рукописи на стр. 2-й, тогда как заметка об орле, согласно указанию того же автора, находится на стр. 2—3. «Кутузов отправился в лагерь верхом в сюртуке без эполет и в белой с красным околышем фуражке с шарфом через одно плечо и с нагайкой на ремне через другое. Войска встретили Кутузова, знакомого всем старым служивым, дружным «ура».

(Стр. 397) В главной квартире положено было намерение князя Кутузова отступить к Можайску.

Когда кончилось Бородинское сражение, пришло приказание, чтобы солдаты ранцев не снимали, потому что на другой день возобновится бой. Получив донесение об убитых начальниках частей, главнокомандующий отменил намерение вновь сразиться с неприятелем. 27 августа мы пустились в поход рано поутру. Того же числа неприятель с особенным усилием атаковал наш арриергард, вероятно с тем, чтобы узнать, какое впечатление произвел на нас Бородинский бой. Командир 48-го Егерского полка, полковник Яков Алексеевич Потемкин, особенно отличился в этом деле, за что получил Георгия 3-й степени.

(Стр. 399) Здесь наши простояли и весь следующий день.

2 сентября мы остановились в селении Панки. Главнокомандующий приказал взять котлы и варить пищу солдатам. В 4 часа того же дня мы выступили по Рязанской дороге. Не доходя переправы через Москву-реку, повернули направо и пошли по проселочным дорогам, перешли с рязанской дороги на старую калужскую, прошли 60 верст без привала. Одним словом мы совершили знаменитое фланговое движение, которое не дозволило неприятелю отступать по южным не тронутым войной областям, вынудив его продолжать отступление по разоренной дороге, которою он шел в Москву.

(Стр. 400) Снабдили боевыми припасами, сукнами, сапогами, валенками, полушубками и дали возможность исправить амуницию.

Валенок и полушубков в 1812 году мы не видели.

(Стр. 460) Простые шалаши, сделанные наскоро поставленные, становились обширнее и удобнее, в некоторых были даже камины, для солдат были устроены бани в деревнях и пр.

Бани солдаты устраивали не в деревнях, а в самом лагере в землянках. У офицеров были не шалаши, а тоже землянки, в которых были камины.

(Стр. 461) Через два дня наши партизаны донесли, что неприятель очистил Москву и занял Боровск.

Не наши партизаны донесли, а именно партизан полковник Сеславин уведомил главнокомандующего о выступлении Наполеона из Москвы.

(Стр. 461) Семеновцы двинулись в составе главных сил под личным предводительством фельдмаршала к Малоярославцу.

Богданович положительно ошибается — главнокомандующий отправился к Малоярославцу раньше движения наших войск, именно тотчас по донесении Сеславина о выступлении неприятеля из Москвы. В 7 часов утра мы выступили из Тарутинского лагеря и после полудня подошли к Малоярославцу. Несколько ядер пролетели над нашими головами, никому не причинив вреда. Полк остановился в виду Малоярославца, вне неприятельских выстрелов. К вечеру наступил сильный мороз.

(Стр. 462) На долю штабс-капитана Кольварова выпала честь приютить у себя Светлейшего.

Наш полковник Александр Александрович Писарев предложил главнокомандующему провести ночь в палатке поручика 9-й роты Александра Васильевича Чичерина. Светлейший принял предложение и провел спокойно ночь в

палатке Чичерина. Николай Иванович Кошкаров был баталионным ад'ютантом 2-го баталиона.

(Стр. 402) Канонада оказалась без всякого значения

Канонада не могла быть без всякого значения, так как внутри города упорное сражение продолжалось целую ночь. К утру Дмитрий Сергеевич Дохтуров заставил неприятеля отступить. Начались бедствия неприятеля от морозов, их замерзшие трупы стали нам попадаться по дороге, которой мы шли.

(Стр. 402 и 403) Против холода можно было еще бороться, благодаря розданным на большую часть людей тулупам и валенкам.

Еще раз повторяю, что тулупов и валенок мы не видели во все продолжение зимнего похода.

(Стр. 404) Прибывший туда не задолго, для занятия квартир, Семеновского полка подпоручик Буйницкий внезапно вбежал в ту же избу (где был Кутузов).

Подпоручик Буйницкий числился во 2-м баталионе. Князь Иван Дмитриевич Щербатов (внук историка) был послан от 3-го баталиона в главную квартиру за приказанием. Жиркевич заблуждается: в избу вбежал внезапно прапорщик князь Иван Дмитриевич Щербатов [1]) и застал там главнокомандующего, а вовсе не подпоручик Буйницкий, и разговор главнокомандующего происходил с первым, а не с последним.

(Стр. 405) Нагните орлы пониже. Пускай кланяются молодцам.

Кутузов приказал нести знамена под'ехать ближе и сказал про орлов, «что они носы подняли». Тогда кавалеристы их опустили, вследствие чего знамена развернулись. На одном из них рисовалась надпись: «Аустерлиц».

Главнокомандующий указал на нее пальцем с словами: «вот и несчастный Аустерлиц, в котором, перед Богом, я не виноват».

Затем полковник Александр Александрович Писарев пригласил к себе главнокомандующего пить чай, при чем офицеров не было. В свите главнокомандующего находился Василий Андреевич Жуковский, который у Писарева за чаем прочел только что вышедшую басню Ивана Андреевича Крылова «Волк на псарне». При словах: «Ты сер, а я, приятель, сед», главнокомандующий снял с головы фуражку [2]).

[1]) Князь Иван Дмитриевич Щербатов тесно связал свое имя с известным восстанием Семеновского полка в 1820 году. Хотя он был в это время в отпуску, вне Петербурга, но проявил лихорадочный интерес к восстанию и все спрашивал друзей, в письмах, попавших в руки начальства,—не надо ли ему приехать. Просидев после этого в Витебске, в заточении 5 лет, Щербатов был в 1826 г. послан рядовым на Кавказ, где умер в 1829 году. См. прим. на стр. 35.

[2]) Внук декабриста и сын петрашевца Н. Н. Кашкин, родственник М. И. Муравьеву-Апостолу, сообщает, что отец возил его, десятилетнего, из Калуги в Москву, где посетил вместе с сыном М. И. Муравьева-Апостола. Н. Н. Кашкин хорошо помнил и наружность престарелого М. И. и беседу его—о Достоевском, товарище Н. С. Кашкина по делу Петрашевского, и о графе Льве Толстом, которого Муравьев-Апостол, сам участник Бородинского боя, обвинял в неверном описании (в «Войне и Мире») этого сражения и, главное,—значения в нем «Кутузова» (Н. Кашкин, «Родословные разводки», т. 2-й, 294). Еще есть интересное свидетельство об отношении М. И. к Л. Н. Толстому в статье В. Е. Якушкина (внука декабриста и короткого знакомого М. И.) о Муравьеве-Апостоле: «Для того, чтобы понять наше время, понять наши стремления, необходимо вникнуть в истинное

(Стр. 405 и 406) В Питере скажут: хвастают.—Я получил выговор за то, что капитанам гвардейских полков, за Бородинское сражение, дал бриллиантовые кресты в награду.

— Не правда ли, как эта сцена походит на сцену из трагедии «Димитрий Донской?»

— Полноте, друзья, полноте, что вы, не мне эта честь.

— Ура, ура, ура! доброму русскому солдату!..

Сцен, подобной этой, за время похода было не мало.

О жалобе на Питер, о выговоре, будто бы полученном главнокомандующим за назначенные им [по] Бородинского[му] дела[у] награды, крестов[ы] с бриллиантами, не было речи, как и никаких сравнений и сцен трагедии «Дмитрий Донской». Жиркевич положительно увлекается своим собственным авторским воображением. Никогда Кутузов не вставал на скамейку, не кричал ура. Во-первых, он был для этого слишком неповоротлив, стар и тучен, во-вторых, в его характере никогда не проявлялась театральность. Он всегда держал себя с достоинством, а мы никогда не забывали военное приличие. Вообще никаких балаганных сцен не было.

(Стр. 406) В Копысе опять простояли три дня. Сюда прибыл из Петербурга В. К. Константин Павлович и был тотчас же назначен командиром гвардейского корпуса.

На бивваках под Красным мы узнали из приказных ротных книг, что генерал-майор Яков Алексеевич Потемкин [1]) назначается полковым командиром л. гв. Семеновского полка. В Копысе Яков Алексеевич Потемкин праздновал с нами наш полковой праздник.

Цесаревич В. К. Константин Павлович был назначен нашим корпусным командиром с самого начала кампании.

(Стр. 407) Часто случалось видеть даже гвардейских солдат, замерзающих на дороге, хотя в Копысе получили полушубки.

Опять повторяю, что у нас полушубков не было и ни одного гвардейского солдата я не видел замерзшим или замерзавшим. На ночь рота расстилала часть шинелей на снег и ложилась на них, тесно прилегая друг к другу; другая часть шинелей служила ей общим покровом. Мы, подпрапорщики, ложились между солдатами, проводили ночь спокойно, не чувствуя холода, и поутру вставали с общего ложа бодрыми и веселыми [2]). Офицеры шили себе палатки, которые возились на вьюках.

положение тогдашней России; чтобы представить в истинном свете общественное движение того времени, нужно в точности изобразить все страшные бедствия, которые тяготели тогда над русским народом: наше движение нельзя понять, нельзя об'яснить вне связи с этими бедствиями, которые его вызвали; а изобразить вполне эти бедствия гр. Л. Н. Толстому будет нельзя, не позволят, если бы он даже и захотел; я ему говорил это». Настоящий отзыв, приведенный у точнейшего В. Е. Якушкина, как подлинные слова М. И., относится к задуманному Толстым роману «Декабристы», из которого написаны только отрывки.

[1]) Як. Ал. Потемкин—любимейший командир Семеновцев—оставался их начальником до 1820 года, продолжая командовать полком при дальнейших — после 1812 года—повышениях по службе. Во время событий 1820 года бывший командир семеновцев громко оправдывал поведение восставших и подвергся за это немилости со стороны императора Александра.

[2]) Со слов М. И. Муравьева-Апостола биограф его В. Е. Якушкин писал: «Вспоминая об этом (о тяготах зимнего похода в одной солдатской шинели, о

(Стр. 407) Тогдашняя форма заключалась в так называемых кожаных крагах.

Походом крагов не носили.

(Стр. 409) На третий день по приезде Государя, Его Величество назначил командиром полка шефа 48 Егерского полка генерал-майора Потемкина.

Потемкин был назначен командиром полка в приказах под Красным.

1813 год

(Стр. 413) Во все время перемирия, продолжавшегося до начала августа, полк оставался в Рейхенбахе, где была и главная квартира главнокомандующего Барклая-де-Толли.

Полк оставался не в Рейхенбахе, где была квартира Барклая-де-Толли, а в селе Ланг-Билау, которое простиралось на три версты.

(Стр. 414) Повеление Барклая-де-Толли идти на Максен, если дорога в Богемию занята французами, застало Остермана у Пирны в том самом положении, в каком он находился, когда шло Дрезденское сражение, т. е. на позиции фронтом к Пирне, упираясь левым флангом в Эльбу, а правым в Цегист.

При открытии военных действий в 1813 году я был причислен ко 2-му батальону [1]). У Пирны стоял Вандам, а мы были посланы против крепости Кенигштейн. Здесь после Дрезденской неудачи мы получили приказание идти ускоренным шагом на соединение с главной квартирой. Переходя через дорогу, ведущую из Пирны в Теплиц, наше начальство узнало, что Вандам отрядил часть своего корпуса, которая вступила в Богемские горы. Тогда мы не думали о соединении с главной квартирой и спешили догнать неприятеля. 3-й баталион вступил в горячее дело, цель которого—заставить неприятеля очистить занятую им вершину первой горы в проходе Богемских гор, чрез которую, как выше сказано, проложена дорога от Пирны к Теплицу. Наш 3-й баталион блистательно выполнил свою задачу—занял вершину горы.

Версты две от местности, где 3-й баталион встретился с неприятелем, находилась деревня, лежащая параллельно дороге, ведущей от Пирны к Теплицу, занятая неприятелем, обстреливавшим дорогу. Трем ротам 2-го баталиона приказано было занять эту деревню. Под командой капитана Геннадия Ивановича Казнакова, которого в начале перестрелки ранило пулей в голову (князь Броглио 2-й заменил Казнакова), деревня была нами занята. В это время прискакал казак и сказал, что большая дорога занята неприятелем.

ночевках на снегу), он не раз высказывал убеждение, что только глубокое патриотическое чувство помогло ему и его товарищам, из которых иные были слабого здоровья, безболезненно перенести все труды этого похода».

[1]) По формулярному списку, хранящемуся в музее полка и приведенному у С. П. Аглаимова (стр. 505),—М. И. Муравьев-Апостол принят в Семеновский полк 20 ноября 1811 года подпрапорщиком, из корпуса инженеров путей сообщения; 19 марта 1812 года, выступил с полком из Петербурга, был в сражениях, в которых полк принимал участие; за Бородино получил знак отличия военного ордена,—по словам В. Е. Якушкина—согласно приговору солдат. Кроме того, произведен в прапорщики. Георгиевский крест возвращен ему в 1883 году—по случаю 200-летия Семеновского полка.

Нам пришлось отступать горами. Наступила ночь. После трудного перехода, где часто приходилось по пояс переходить горные ручьи, мы подошли к деревне, пред вступлением в которую нам представилось ярко освещенное здание. Подходя к нему со всей осторожностью, мы увидели, что это трактир, в котором собравшиеся жители пили пиво и, вероятно, толковали о слышанной ими канонаде. Наше внезапное появление их изумило. Князь Броглио потребовал проводника, обещая ему 12 червонцев, если он благополучно нас доведет до наших войск. Проводник обещал и исполнил обещанное. Яков Алексеевич Потемкин обрадовался, когда мы явились к нему поздно ночью— баталионное знамя было с нами. Наши потери 16-го августа при занятии горы 3-м батальоном: командир 7-й роты Гаврила Семенович Окунев ранен в обе ноги пулею, поручик 9-й роты Александр Васильевич Чичерин смертельно ранен пулею в правый бок, скончался в Праге, где и похоронен на руском кладбище, князь Иван Дмитриевич Щербатов [1]), легко раненый в ногу, оставался при своей команде.

Рано утром 17-го мы подошли к местности, где произошло 17-го августа 1813 г. славное Кульмское сражение, которое дало военным действиям новый поворот, счастливый для нашего оружия [2]).

С начала Кульмского дела графу Остерману оторвало ядром кисть правой руки. Его заменил Алексей Петрович Ермолов. Мысль дать Кульмское сражение принадлежит графу Остерману, Алексею Петровичу Ермолову принадлежит слава Кульмского дела.

Андрей Иванович Яфимович, командуя сводной бригадой в 1812 году, под Кульмом командовал 2-м батальоном. При встрече неприятеля, он был несколькими шагами впереди своего батальона, раненая рука не позволяла ему ехать верхом. Его ранило пулей в живот, после чего он через шесть дней умер и был похоронен со всеми военными почестями. Александр Павлович и прусский король присутствовали на похоронах, солдаты плакали Александр Павлович сказал: «вы хороните родного отца».

Андрей Иванович Яфимович 14-ти лет вступил в военную службу при Павле Петровиче. Ему поручено было привести в Петербург команду армейских солдат, переведенных в гвардию. Он прекрасно исполнил возложенное на него поручение, после чего был переведен Павлом Петровичем подпрапорщиком в Семеновский полк. Храбростью, любезностью характера Андрей Иванович был образцом русского офицера.

Прапорщик Араужжио де-Сильва, сын португальского генерала, убитого французами в Португалии в 1808 году, скончался от раны в Праге, похоронен на русском кладбище (назван ошибочно Араджио Шубин).

Младший брат князь Карл Броглио и штабс-капитан маркиз де-Мартр — убиты. В полку служили три брата князя Броглио, старший был убит под Аустерлицем.

[1]) Князь Ив. Дм. Щербатов, по формулярному списку, в музее полка, поступил в Семеновский полк подпрапорщиком 30 марта 1811 года, из недорослей; участвовал с полком в сражениях. См. прим. на стр. 35.

[2]) М. И. Муравьев-Апостол был под Кульмом ранен пулею навылет в правое бедро; получил Кульмский железный крест, возвращенный ему, вместе с медалью в память 1812 года, в 1863 году—по ходатайству графа Н. Н. Муравьева-Амурского.

Узнав о смерти брата, князь Броглио заперся в своей палатке. 18-го августа рано утром товарищи пришли его навестить и увидели князя в палатке, спящего возле убитого брата. Ночью князь Броглио, терзаемый мыслью, что тело брата его брошено на съедение зверей, отправился отыскивать убитого брата. Для него самого было непонятно, каким образом он мог его отыскать: ночи в последних числах августа темны, наши батальоны в продолжение Кульмского сражения ходили несколько раз в штыки.

Под Аустерлицем Гаврила Семенович Окунев пустился также отыскивать тело убитого брата, но не мог его отыскать.

Сыновья эмигрантов все воспитывались в 1-м кадетском корпусе, в совершенстве владели русским языком, отличались храбростью и были любимы как товарищами, так и солдатами.

1814 год

1-го января 1814 года в Базеле, в присутствии Александра Павловича, императора австрийского и прусского короля, мы перешли через Рейн.

19-го марта 1814 года я вступил в Париж во главе стрелкового взвода 2-й гренадерской роты, которой командовал князь Броглио. Отец князей Броглио был обезглавлен в начале французской революции. В 1814 году, когда мы вступили во Францию, я служил прапорщиком в роте князя Броглио. При занятии квартиры, хозяин дома, для нас отведенного, встретил нас стоя на коленях. Это был камердинер обезглавленного отца князя Броглио.

В Париже караульная служба была облегчена, офицеры не были обязаны постоянно находиться при карауле. Караульные офицеры навещали свой караул несколько раз в продолжение дня и когда им вздумается. Однажды я пришел навестить караул и при вопросе: «кто проезжал» последовал престранный ответ: «проезжал Вязьмитинов». Я не догадался, что этот Вязьмитинов был [1]).

Мы выступили из Парижа 10-го мая. Наш первый переход был С.-Жермен Анлэ (St. Germain Enlay), куда в первый же день прибыл курьер из Лондона (где в это время находился Александр Павлович). Мы узнали через него о нашем возвращении в Россию морем и получили приказание отправить наших больных в Париж.

Яков Алексеевич Потемкин поручил мне сопровождать и сдать больных парижскому военному госпиталю Филипп дю-Руль, фобург С. Оноре (Philippe du Roule, faubourg St. Honoré).

Явившись на другой день к нашему коменданту, полковнику Декруасар, бывшему адъютанту убитого под Дрезденом генерала Моро, я получил от него дозволение пробыть неделю в Париже. Затем я догнал полк в Кане (Caen).

После недельного пребывания в Шербурге, пришла наша Балтийская эскадра. Большая часть наших офицеров была в гостинице, где мы обыкновенно собирались. Неожиданное свидание с нашими моряками, с которыми

[1]) Здесь в экземпляре А. А. Сиверса пропущено одно слово.

не видались три года, было самое дружеское. На четвертый день после прихода эскадры, мы отправились в Англию, для снабжения наших больных лекарствами. Наш госпиталь помещался на английском фрегате, 4-й баталион Семеновского полка помещен был на линейном корабле «Трех Святителей».

Выдержав шторм и бурю в Немецком море, мы достигли Кронштадта в последних числах июля 1814 года. Наше плавание продолжалось шесть недель [1]).

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

26 августа 1812 г. еще было темно, когда неприятельские ядра стали долетать до нас [2]). Так началось Бородинское сражение. Гвардия стояла в резерве, но под сильными пушечными выстрелами. Правее 1-го баталиона Семеновского полка находился 2-ой баталион. Петр Алексеевич Оленин, как ад'ютант 2-го баталиона, был перед ним верхом. В 8 час. утра ядро пролетело близ его головы; он упал с лошади, и его сочли убитым. Князь Сергей Петрович Трубецкой, ходивший к раненым на перевязку, успокоил старшего Оленина тем, что брат его только контужен и останется жив. Оленин был вне себя от радости. Офицеры собрались перед баталионом в кружок, чтобы порасспросить о контуженном. В это время неприятельский огонь усилился, и ядра начали нас бить. Тогда командир 2-го баталиона, полковник барон Максим Иванович Де-Дама (De Damas), скомандовал: «г-да офицеры, по местам». Николай Алексеевич Оленин стал у своего взвода, а граф Татищев перед ним у своего, лицом к Оленину. Они оба радовались только что сообщенному счастливому известию; в эту самую минуту ядро пробило спину графа Татищева и грудь Оленина, а унтер-офицеру оторвало ногу. Я стоял в 3-м баталионе под знаменем вместе с Иваном Дмитриевичем Якушкиным, и конечно не смел отлучаться со своего места; следовательно, ядрами играть не мог [3]).

---

[1]) В. Е. Якушкин, в своей статье о М. И. Муравьеве-Апостоле („Русская Старина", 1886 г., № 7), приводит отрывки из записной тетради М. И., ярко освещающие его отношение к Отечественной войне и ее значению в истории России. Запись сделана по-французски, как и все вообще собственноручные писания декабристов-гвардейцев, и находится в тетради, относящейся к началу 70-х годов. Печатаю ее здесь, в переводе, как заключение к воспоминаниям М. И. Муравьева-Апостола о 12-м годе. „Каждый раз, когда я ухожу от настоящего и возвращаюсь к прошедшему, я нахожу в нем значительно больше теплоты. Разница в обоих моментах выражается одним словом: л ю б и л и. Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь, ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма. Бог свидетель этому".

[2]) Заметка эта продиктована автором в конце 1885 года—по прочтении в октябрьской книге «Русского Архива» за этот год воспоминаний Н. Н. Муравьева (Карского) об Отечественной войне. Была напечатана в названном журнале (1886, № 2), откуда и приводятся здесь, как дополнение к заметкам об Отечественной войне.

[3]) Как об этом сообщил Н. Н. Муравьев.

СЕМЕНОВСКАЯ ИСТОРИЯ 1820 ГОДА

Я встретился в первый раз после своего возвращения из Сибири со своим троюродным братом Н. Н. Муравьевым-Карским на станции тверской железной дороги.—По случаю польского бунта вся Европа грозила войной России. тогда Николая Николаевича намеревались назначить главноначальствующим нашими войсками, поэтому он ехал в Петербург.

Наш первый разговор начался о нашем погибшем идеальном Семеновском полку [1]).

— Да, брат,—говорил он,—теперь нет такого полка, каким был наш Семеновский.

Брату Сергею Ивановичу, по особенной доверенности Шварца, поручено было отводить роты раскассированного полка в Царское Село, для передачи армейским офицерам, которые их отводили поротно. Пред выступлением с последней ротой брат явился к Шварцу [2]). Он взял его за руку, подвел к образу (Шварц был православный) и сказал:

— Бог свидетель, что я не виноват! Мне сказали, что полк этот состоит из бунтовщиков. Я, дурак, и поверил. Теперь сознаю, что я сам не стою последнего солдата полка, который я погубил.

---

[1]) Воспоминания эти, в подлинной рукописи автора, хранятся в собрании М. М. Зензинова, который предоставил их для напечатания в журн. «Гол. Минувшего» (1914, № 1). В Семеновской истории 1820 года принимал очень близкое участие брат автора, Серг. Ив. Муравьев-Апостол, да и сам М. И. был одним из виднейших офицеров Семеновского полка, по выходе из которого в 1818 году он сохранил самые тесные дружеские связи с бывшими сослуживцами. Воспоминания написаны после 1871 года, мож. б., одновременно с воспоминаниями о брате.

[2]) Фед. Еф. Шварц—непосредственный виновник возмущения солдат-семеновцев был назначен командиром Семеновского полка в начале 1820 года на смену А. Я. Потемкину, которого обвиняли в потворстве полку и в отсутствии твердости при управлении. Военносудная комиссия приговорила Шварца к смертной казни, но высшее начальство ограничило наказание увольнением полковника от службы без права вновь вступать в нее. Позднее был поднят разговор о восстановлении Шварца в служебных правах, но по некоторым сведениям—он сам не хотел возвращаться пока не восстановлены в правах другие семеновские офицеры. В огромном большинстве воспоминаний современников Шварц рисуется извергом и вместилищем всех пороков; есть, однако, воспоминания одной знавшей его дамы, характеризующей его, как человека в высшей степени приличного и благовоспитанного. Из дела военносудной комиссии видно, что Шварц был одним из самых ревностных сторонников жестокой и бездушной дисциплины, связанной с поруганной памятью Аракчеева.

1812, 1813 и 1814 г.г. нас познакомили и сблизили с нашими солдатами. Все мы были проникнуты долгом службы. Добропорядочность солдат зависела от порядочности поведения офицеров и соответствовала им. Каждый из нас чувствовал свое собственное достоинство, поэтому умел уважать его в других. Служба отнюдь не страдала от добрых отношений, установившихся между солдатами и офицерами. Единодушие последних между собою было беспримерное. В 1815 году по нашем возвращении в С.-Петербург какая-то подписка, покровительствуемая графом Аракчеевым, была разослана по гвардейским полкам. Офицеры Семеновского полка, как будто уговорились (не все они жили в казармах; по совести утверждаю, что уговору не было), не пожертвовали копейки в угоду всесильного временщика. Иван Дмитриевич Якушкин [1]) тогда же заметил, что это нам даром не пройдет.

С назначением генерал-майора Якова Алексеевича Потемкина нашим полковым начальником, доблестно служившего прошедшую войну, любимого солдатами и уважаемого офицерами, человека доброй души и хорошего общества, наш полк еще более возвысился в нравственном отношении. Поэтому естественно, что телесные наказания (под которыми наши солдаты умирали в армии, как и в гвардии) после трехлетних заграничных походов были не только неизвестны, но и немыслимы в старом Семеновском полку, они были отменены по согласию всех ротных начальников и с разрешением Потемкина. Мыслимо ли было бить героев, отважно и единодушно защищавших свое отечество, несмотря на существовавшую крепостную зависимость, прославившихся заграницей своею непоколебимою храбростью и великодушием.

Михаил Павлович, только что сбривший с себя детскую куртку, был назначен начальником 1-й пешей гвардейской бригады. Доброе сердце великого князя, о котором так много ныне пишут, было возмущено, узнав, что мы

---

[1]) Ив. Дм. Якушкин—один из виднейших участников тайных обществ, основатель Союза Спасения и Союза Благоденствия; образованнейший человек своего времени, герой Отечественной войны (имел Георгия за Бородино и Кульмский Крест), он вскоре после возвращения армии из-за границы вышел в отставку и занялся хозяйством в Смоленской губернии, проявляя на деле горячую любовь к народу; отдалившись в начале 20-х годов от тайных обществ, он вместе со своим близким родственником Мих. Ник. Муравьевым (Виленским, женатым, как и он, на дочери Н. Н. Шереметевой, также отошедшим от общества) деятельно помогал сельскому населению Смоленской губернии, пораженной тогда неурожаем, всячески заботился о просвещении и благополучии своих крестьян, много хлопотал о полном их освобождении от крепостной зависимости, что ему не удалось вследствие препятствий со стороны центральной власти; бывший семеновец, а потому дружески связанный с главарями заговора, он снова был вовлечен, против своих намерений, в планы и затеи тайного общества почти накануне восстания; по горячности характера высказывался в совещаниях очень решительно за убийство императора и всей царской семьи и был осужден по первому разряду; во время следствия принадлежал к наиболее молчаливым подсудимым, держался системы отпекивания и вызвал сильную личную ненависть Николая I своим отрицанием заговора вопреки прямым показаниям других членов тайного общества; убедил жену оставаться в России для воспитания двух их сыновей, за образованием которых следил из Сибири; в ссылке проявил ревностную просветительную деятельность, основал в Ялуторовске две школы, много помогал поселенцам в их сельскохозяйственной деятельности; умер в Москве в 1857 году; оставил записки, имеющие первостепенное значение для истории тайных обществ.

своих солдат не бьем. Он всячески старался уловить Семеновский полк в какой-нибудь неисправности своими ночными наездами по караулам в Галерный порт и неожиданными приездами по дежурствам. Все это ни к чему не послужило. Везде и всегда он находил полный порядок и строгое исполнение службы. Это еще больше бесило и восстановляло против ненавистного ему полка. Разумеется, великий князь не мог благоволить и к нашему генералу с которым не имел ничего общего. Поэтому к нам начали придираться, отыскивая во что бы то ни стало, правдой или неправдой, если не беспорядка то, по крайней мере, каких-нибудь ошибок.

В 1817 году флигель-ад'ютант Клейнмихель был назначен плац-майором. Его обязанность заключалась в записывании ошибок, сделанных во время учения, предшествовавшего разводу Александра I-го. Государь, как и его покойный отец, ставил себе в священную обязанность всегда присутствовать при разводе.

У нас тогда были шаги: Петербургские, Могилевские и Варшавские. Разница между ними состояла в более или менее шагов в минуту. Музыкант держал в руках хронометр и по нем считал шаги.

Волосяные султаны в аршин длины были прикреплены к верхней наличной части кивера. Тогдашний мундир, пригонка амуниции, скатанная шинель, надетая через плечо, а сверх нее ранец, в этом положении требовалось от солдата, чтоб султаны во время учения при ходьбе, при ружейных приемах не шевелились.

Генерал-ад'ютант, командир лейб-гвар. гренад. полка Желтухин (известный своей жестокостью) довел свой полк до этого идеального совершенства. При поступлении рекрут в полк, он говорил ротным командирам:—«Вот вам три человека, сделайте из них одного ефрейтора».

Замечания Клейнмихеля о шевелившихся султанах являлись через день после каждого развода. Эти замечания выпали на наш полк после 1812 года, когда Александр I-й сбросил с себя личину благодушия, в которую облекался до того времени.

Прошу проверить на третий день, шевелились ли султаны или нет? «Слева в колонну стройся!»—потом деплояда и контр-марш!

Батальон выстроился во фронт. Клейнмихель заметил, что Николай Николаевич Толстой, приведя свой взвод на место, не выровнял его, не скомандовал: «Глаза направо!» Узнав об этом замечании, Толстой отправился в комендантскую канцелярию и сказал Клейнмихелю, что замечание его несправедливо, что он службу знает и такой грубой ошибки не мог сделать. Клейнмихель упорствовал, не соглашаясь уничтожить свое ложное замечание. Тогда Толстой говорит ему:—«После этого вы....» И замечание не явилось в приказе. С Хрущевым случилось то же самое. Он, по совету Толстого, ответил ему точно также:

—«После этого вы» и проч. И этим тоже избавился от ложного обвинения.

Подобные ошибки, вызвавшие замечания Клейнмихеля, считались в то время за личное оскорбление царя.

В 1818 году Леонтий Осипович Гурко однажды вел по Пречистенке из Хамовнических казарм наш батальон в манеж. Он нам заметил, что на на

сердятся за то, что у нас на учении солдат не бьют.—За что же было их бить, когда они знают свое дело и старательно его исполняют.

Этот самый Гурко в начале войны 1812 года сказал в обществе офицеров Семеновского полка:—Что до меня касается, мне решительно все равно, будет ли в России царствовать Наполеон I или Александр I.—Князь Александр Сергеевич Голицын, прозванный «рыжим», жестоко напал за это на Гурко. Люди, подобные Гурко, за честь свою не стоят, у них ее нет.—Дерзкая польская выходка не имела последствий.

Когда полк пришел в манеж, людям, как водится, дали поправиться, затем учение началось, как всегда, ружейными приемами. Гурко заметил, что один солдат не скоро отвел руку от ружья, делая на караул, и приказал ему выйти пред батальоном, обнажить тесаки, спустить с провинившегося ремни от сумы и тесака.

Брат мой повысил шпагу, подошел к Гурко, сказал, что солдат, выведенный из фронта, числится в его роте, поведения беспримерного и никогда не был наказан.—Гурко так потерялся, что стал об'ясняться с братом перед фронтом по-французски. И солдат не был наказан.

Когда ученье кончилось, солдатам дали отдохнуть, а офицеры собрались в кружок пред батальонем, тогда я взял и поцеловал руку брата, смутив его такою неожиданной с моей стороны выходкой.

В то время солдатская служба была не служба, а жестокое истязание. Между всеми гвардейскими полками Семеновский был единственным, выведшим телесные наказания.

Жестокость и грубость, заведенные Павлом, не искоренялись в царствование Александра I, а поддерживались и высоко ценились. Примером может служить флигель-ад'ютант, любимец Александра и великих князей Николая и Михаила, начальник гвардейского гусарского полка В. В. Левашев [1]).

Однажды в Царском Селе он приказывает вахмистру, чтоб на другой день его эскадрон был собран в манеж, затем Левашев уезжает в Петербург. Вахмистр передает его приказание эскадронному начальнику полковнику Злотвинскому. Последний говорит вахмистру, что завтра великий церковный праздник, и тоже отправляется в Петербург. Левашев, возвратившись на другой день в Царское Село, едет прямо в манеж и не застает там эскадрона. Приезжает к себе домой, он посылает за вахмистром и за палками: садясь обедать, приказывает его наказывать и кричит несколько раз:—«Не слышу (палочных ударов)». Когда он встал из-за стола, тогда вахмистра увезли в больницу, там старый заслуженный вахмистр вскоре скончался. Вся гвардия знала о поступке Левашева и о смерти вахмистра. Полковник Злотвинский вышел из полка вследствие сего убийства. Все это не помешало Левашеву попрежнему быть любимцем, оставаться начальником гвардейских гусаров и пребывать в еще большей милости.

Николай Иванович Уткин (наш родственник), известный гравер, получив кафедру профессора, жил в здании Академии Художеств. Я шел к нему через

[1]) Он был после членом военно-судной комиссии по делу Семеновского полка, солдат которого, впрочем, оправдывал; был членом суда над декабристами; Николай I возвел его в графы.

Исаакиевский мост, видел, как солдат гренадерского полка перелез через перила носовой части плашкоута, снял с себя кивер, амуницию, перекрестился и бросился в Неву. Когда он все это снимал, я не понимал, что он делает. Мне не приходило в голову, что он собирается лишить себя жизни.—Часто случалось, что солдаты убивали первого встречного, предпочитая каторгу солдатской жизни.

Нас преследовали за то, что мы не доводили людей до такой крайности.

Михаил Павлович с Аракчеевым, наконец, добились замены Потемкина Шварцем (учеником Желтухина, перещеголявшим жестокостью своего наставника), представив Якова Алексеевича неспособным по излишнему мягкосердию командовать полком. После этого Александр, прежде благоволивший к Потемкину, совершенно к нему охладел.

Шварц начальствовал Калужским Гренадерским полком. Известно было, что он приказывал солдатам снимать сапоги, когда бывал недоволен маршировкой, и заставлял их голыми ногами проходить церемониальным маршем по скошенной, засохшей пашне: кроме того наказывал солдат нещадно и прославился в армии погостом своего имени.

Шварц принялся за наш полк по своему соображению. Узнав, что в нем уничтожены телесные наказания, сначала он к ним не прибегал, как было впоследствии: но недовольный учением обращал одну шеренгу лицом к другой и заставлял солдат плевать в лицо друг другу; утроил учение; сверх того, из всех 12 рот поочередно ежедневно требовал к себе по 10 человек и учил их, для своего развлечения у себя в зале, разнообразя истязания: их заставляли неподвижно стоять по целым часам, ноги связывали в лубки, кололи вилками и пр. Кроме физических страданий и изнурения, он разорял их, не отпуская на работы. Между тем беспрестанная чистка стоила солдату денег, это отозвалось на их пище, и все в совокупности породило болезни и смертность. К довершению всего Шварц стал переводить красивых солдат, без всяких других заслуг, в гренадерские роты, а заслуженных старых гренадер, без всякой вины перемещать в другие, и тем лишал их не только денег, но и заслуженных почестей.

Михаил Павлович был чрезвычайно доволен Шварцем, поощрял его ежедневными посещениями, дарил лошадей, карету и проч. Офицеры не подстрекали негодования солдат, но оно было всеобщее и само собой вырывалось наружу. Угнетенные ожидали облегчения своей участи, надеясь на инспекторский смотр. Но до корпусного начальника уже доходили слухи о неудовольствии солдат на Шварца. Слабоумный Васильчиков [1]) решился разом заглушить их ропот, отстрапив жалобы собственным о них почином. Таким способом солдаты вынуждены были молчать, оцепенев от изумления. После смотра Васильчиков

[1]) Ил. Вас. Васильчиков, потом князь, любимец Николая I, председатель госуд. совета; был в общем—по эпохе—человек благожелательный, но типичный царедворец и царский льстец; в числе других сановников (кн. А. С. Меншиков, граф М. С. Воронцов) подписал еще в 1818 году заявление на имя Александра I о необходимости отмены рабства, но еще до подачи заявления отказался от участия в деле и забежал к царю с сообщением о готовящемся выступлении, настроив Александра против проекта; вследствие этого император принял авторов заявления очень резко, на чем дело и кончилось.

благодарил Шварца за опрятность, хорошее обхождение с подчиненными и отправился к нему завтракать.

Наша 1-я гренадерская рота, во всех отношениях образцовая, считалась славою полка. Она состояла из отборнейших старых заслуженных солдат, покрытых боевыми ранами, пользовавшихся привиллегиями и лично известных Александру.

Эти почтенные ветераны, после вечерней переклички, через своего фельдфебеля просили своего ротного начальника капитана Николая Ивановича Кошкарова пожаловать в роту. Они об'явили ему, что у них нет более ни сил, ни средств служить под начальством Шварца, поэтому просят принять их жалобу. Кошкаров уговаривал роту отложить жалобу до более благоприятного времени. Тогда они рассказали, что на последнем полковом смотру И. В. Васильчиков под'езжал к ним, говорил, что ему известно, что некоторые солдаты недовольны Шварцем, но если кто-нибудь из них на смотру выскажет на него неудовольствие, тот умрет под палками. И рота повторила просьбу дать немедленный ход жалобе, чтоб знали, что не некоторые солдаты недовольны Шварцем, а весь полк им недоволен, и 1-я рота уполномочена жаловаться от всего полка.

Кошкаров донес о случившемся полковнику И. Ф. Вадковскому [1]). Последний пробовал вразумить Шварца. Но тот сделал ему выговор за потачку солдатам и жаловался Михаилу Павловичу на солдат и офицеров своего полка, великий князь дивизионному начальнику Паскевичу, тот корпусному Васильчикову.

В третьем часу того дня, как 1-я рота жаловалась, великий князь держал ее два часа на ногах, требуя выдачи бунтовщиков. Рота стояла, как вкопанная,—Михаил Павлович уехал домой, взбешенный неудачей.

На другой день вечером Васильчиков потребовал роту без амуниции к допросу в здание Главного Штаба. Не доходя до ворот Штаба, какой-то человек об'явил, что в здании Главного Штаба нет места, чтобы выстроить роту; тогда приказали роте идти в дворцовый манеж. Вступив в него, рота изумилась, что ворота с обоих сторон отворились и два взвода Павловского полка с заряженными ружьями вступили в манеж и взвели курки. Васильчиков грозил по ним стрелять. Солдаты отвечали, что они стояли под неприятельскими выстрелами и всегда готовы идти, куда прикажут, но что у них нет более ни сил, ни средств продолжать службу под начальством Шварца. Васильчиков отправил роту в Петропавловскую крепость.

Один конвойный Павловский солдат пробежал по коридорам семеновских казарм, крича, что 1-я рота уведена в крепость.

Все остальные 11-ть рот Семеновского полка вышли на площадь, находившуюся перед их лазаретом. Солдаты в оскорблении и в тревоге клялись друг другу, что постоят за своих стариков или погибнут с ними. Они еще надеялись на поддержку государя, полагая что он не должен дать в обиду любимый им полк, который при Павле был под его личным начальством.

---

[1]) Полк. Ив. Фед. Вадковский, старший брат декабриста Фед. Фед., двоюродный брат, по матери, декабриста гр. З. Г. Чернышева; за семеновскую историю был сослан в заточение в Витебск, где пробыл до 1826 года, когда переведен был без лишения чинов на Кавказ; оставил записки, любопытные для характеристики эпохи в военно-бытовом отношении.

Явились Михаил Павлович и Васильчиков, скомандовали выстроиться. Солдаты отвечали, что где головы нет, там ноги не действуют. Великий князь, не отличавшийся находчивостью, спросил солдат:—«Что побуждает их так действовать?»—«То, что вы променяли нас на немцев»,—отвечал один из них.

Следственная комиссия старалась узнать, кто из солдат отвечал на вопрос Михаила Павловича. Трех солдат приводили в комиссию. На вопрос председателя: «Кто отвечал великому князю?» Один из них сказал:—«Ваше Превосходительство, позвольте Вас спросить, кто из нас троих первый вступил в комнату? Председатель указал на одного из солдат.

— Ваше Превосходительство! Я первый вступил в комнату. Вы не могли этого заметить днем, то ночью, когда темно, возможно ли в толпе разглядеть кого-нибудь в лицо, чтобы после узнать его[1]).

Не предвидя облегчения своим страданиям, семеновцы в ожесточении искали убить Шварца, но он спрятался в навозную кучу.

Васильчиков окончательно допрашивал их:—Чего они хотят?

— Отдайте нам наших стариков или посадите нас вместе с ними.

Ротам приказано было идти в крепость.

Вмиг солдаты выстроились по батальонно и в полной тишине пошли в крепость. Только на другой день жившие в улицах, по которым они проходили, узнали, что Семеновский полк заключен в крепость.

Глубокомысленные соображения жалкого историка Богдановича, как следовало действовать, рассказ Жихарева, как Петр Яковлевич Чаадаев будто бы советовал Васильчикову, что говорить солдатам, все это ничто иное, как пустая болтовня людей, не знающих сути дела [2]).

Во время истории Семеновского полка Александр I находился в Лайбахе на конгрессе. С.-Петербургский ареопаг решил на три дня остановить заграничную почту из Петербурга. Граф Лебцельтерн, австрийский посланник, поспешил уведомить Меттерниха о случившемся с Семеновским полком, отправив своего курьера в Лайбах.

Никто из нас не думал сетовать на Чаадаева за то, что он повез донесение в Лайбах, исполняя возложенное на него поручение.

Скажу, что он, как бы ни спешил, физически не мог предупредить иностранного курьера, посланного тремя днями раньше.

Чаадаев мне рассказывал о своем свидании с Александром. Первый вопрос государя:—Иностранные посланники смотрели ли с балконов, когда увозили Семеновский полк в Финляндию?

Чаадаев отвечал:—Ваше Величество, ни один из них не живет на Невской набережной.

---

[1]) Граф Гурьев, числившийся в 1812 году в нашем полку, передал мне остроумный ответ солдата (Прим. автора).

[2]) Ген. М. И. Богданович—официальный историк царствования Александра I и автор статьи о Семеновском восстании в „Вестнике Европы“ (1870 год, № 11). М. Жихарев, автор статьи о П. Я. Чаадаеве в „Вестнике Европы“ (1871, № 7). После смерти М. И. Муравьева-Апостола появилось в печати много воспоминаний офицеров-семеновцев об истории 1820 года. Все их показания в фактическом отношении совпадают с сообщениями настоящей статьи.

Второй вопрос:—Где ты остановился?

— У князя А. С. Меншикова, Ваше Величество.

— Будь осторожен с ним. Не говори о случившемся с Семеновским полком.

Чаадаева поразили эти слова, так как Меншиков был Начальником Канцелярии Главного Штаба Е. И. В.

Чаадаев мне говорил, что вследствие этого свидания с государем он решился бросить службу [1]).

Последняя надежда семеновцев рушилась: указом императора повелено всех нижних чинов раскассировать в полки, а I-й батальон и Шварца предать военному суду.

Не перечисляю всех бесчеловечных при этом поступков с солдатами и несправедливых с офицерами, потому что они достаточно выяснены в описании «Возмущение старого Л.-Г. Семеновского полка» К. Ф. Рылеева [2]).

Чаадаев не принадлежал и не мог принадлежать к нашему «Союзу». Только пред своим от'ездом за границу он узнал от И. Д. Якушкина о его существовании, пенял ему за то, что он не уведомил его об этом прежде, когда он был ад'ютантом Васильчикова; что тогда он постарался бы сделаться флигель-ад'ютантом и мог бы быть полезным «союзу» [3]).

И. Н. Раевский и я, мы провожали Чаадаева до Кронштадта, видели, как он сел на корабль. Прежде чем с ним проститься, Раевский сказал мне: — «Зачем это мы провожали Чаадаева?»

Чаадаев простился с нами, как будто мы должны с ним свидеться на другой день [4]).

В 1814 году Чаадаев во время нашего пребывания в Париже жил с И. А. Фридрихсом, о котором рассказывал, что тот делает выписки из Фло-

---

[1]) Семеновская история была в конце октября 1820 г. Чаадаев был у царя в ноябре, а в письме к тетке, княжне А. М. Щербатовой, от 2 января 1821 года, П. Я. сообщал: „этот раз я положительно подал просьбу о моем увольнении; надобно вам сказать, что она произвела сильное впечатление на некоторые личности; по возвращении императора меня должны были назначить флигель-ад'ютантом к нему: я счел более забавным пренебречь этой милостью; мне было приятно выказать пренебрежение людям, пренебрегающим всеми; как видите, все это чрезвычайно просто; мне невозможно оставатся в России по многим причинам". Письмо это было перехвачено на почте, как и все письма того времени, особенно семеновцев и близких им людей, и несомненно было показано императору; когда царю было представлено прошение П. Я. об отставке, он велел отпустить его без повышения чином. Чаадаев был членом тайного общества, но не принимал участия в делах его (см. ниже); к следствию его привлекли, но велено было «оставить без внимания»; общеизвестна судьба его после напечатания в 1836 году «Философических писем».

[2]) Известный декабрист и поэт К. Ф. Рылеев (повешен 13 июля 1826 г.) написал эту статью, как очевидец. Есть письма его за 1820 год, свидетельствующие о значительном интересе поэта к восстанию семеновцев. Статья Рылеева, в урезанном цензурою виде, появилась в «Рус. Старине» за 1871 год.

[3]) По словам И. Д. Якушкина, Чаадаев, согласившись вступить в Тайное Общество, пенял, что его не приняли раньше, «так как тогда он не вышел бы в отставку и постарался бы попасть в ад'ютанты к великому князю Николаю Павловичу, который, очень может быть, покровительствовал бы под рукой Тайное Общество, если бы ему внушить, что это Общество может быть для него опорой в случае восшествия на престол старшего брата (Константина Павловича)».

[4]) Об этом см. ниже—письма автора к М. Я. Чаадаеву.

риана. Он жил с Фридрихсом собственно для того, чтобы перенять щегольской шик носить мундир. В 1811 году мундир Фридрихса, ношенный в продолжение трех лет, возили в Зимний дворец, на показ.

П. Я. Чаадаев вышел из Семеновского полка в Париже единственно для того, чтоб надеть гусарский мундир. Он вступил в Ахтырский полк.

Чаадаев не особенно был известен Александру I. С А. Ф. Орловым он не был на ты.

«La Russie n'a ni passé, ni avenir» [1]). Человек, который участвовал в походе 1812 года и который мог это написать — положительно сошел с ума. Понимаю негодование А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и всякого искренно русского.—Бедный Петр Яковлевич Чаадаев!

В 1838 году статья Чаадаева в «Телескопе» вызвала следующие стихи:

. . . . и вот
В кипеньи совещанья
Утопист, идеолог,
Президент собранья,
Старых барынь духовник,
Маленький аббатик,
Что в гостиных бить привык
В маленький набатик.
Все кричат ему привет
С оханьем и писком.
А он важно им в ответ
Dominus vobiscum.

Д. В. Давыдов [2]).

[1]) «Россия не имеет ни прошедшего, ни настоящего»—фраза из «Философического письма».

[2]) Как сообщает воспитанница автора и постоянная переписчица его воспоминаний А. П. Сазонович, стихи известного партизана-поэта Д. В. Давыдова Матв. Ив. привел «в подтверждение той его мысли, что выдающиеся русские люди, близкие по времени и отношению к Петру Як. Чаадаеву, далеко не видели в нем выдающегося прогрессивного деятеля, а напротив были сами возмущены им, как человеком, который мог сказать о России, что она не имеет ни прошлого, ни будущего». Сам Давыдов в письме к А. С. Пушкину на запрос поэта о Чаадаеве сообщал: «он признался (в беседе с приятелем), что писал этот пасквиль на русскую нацию по возвращении из чужих краев во время сумасшествия».

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА

...Quaeque ipse miserrima vidi...

Расскажу, что видел и что знаю о восстании в 1825-м году Черниговского полка [1].

Осенью 1825-го года получил отпуск князь Сергей Петрович Трубецкой, штаб-офицер при 4-м пехотном корпусе [2]. Брат Сергей Иванович приехал в Киев просить от'езжающего в Петербург князя Трубецкого, чтобы он всеми силами воспрепятствовал там всякой попытке к восстанию, предвидя лишь напрасные жертвы.

В конце декабря Павел Иванович Пестель известил брата о кончине императора и о двух доносах, сделанных еще при его жизни.

В декабре 1825-го года Михаил Павлович Бестужев-Рюмин узнал о смерти своей матери, нежно им любимой. Сочувствуя его горю, брат мой хотел попытаться выхлопотать ему отпуск. Бестужев, бывший офицер старого Семеновского полка, как и все его сослуживцы, переведен был в армию вследствие Семеновской истории. Известно, что, по распоряжению высшего правительства, воспрещено было представлять их к повышению в следующий чин и что они лишены были права проситься в отпуск и выходить в отставку. Второй батальон Черниговского пехотного полка, коим начальствовал Сергей Иванович и в коем он вывел из употребления телесные наказания, считался

[1]) Воспоминания эти М. И. Муравьев-Апостол продиктовал по прочтении напечатанных в «Русском Архиве» (1871 год, № 1, стр. 257—258) документов, преимущественно официальных, о восстании Черниговского полка в январе 1826 года и о роли в этом событии братьев Муравьевых-Апостолов. Тогда же они были напечатаны в «Русском Архиве» (1871 г., № 8, стр. 0229—0238). С. И. Муравьев-Апостол был в этом полку батальонным командиром, а восстание возникло в непосредственной связи с арестом (вследствие доноса Шервуда) его и гостившего у него брата Матвея Ивановича. За братьев Муравьевых заступились принятые Сергеем Ивановичем в тайное общество и им же подготовленные к намеченному на лето 1826 года восстанию офицеры Черниговского и других полков, вследствие чего были ускорены предусмотренные заговорщиками события. Латинская фраза в эпиграфе переводится так: «все то ужасное, что я сам видел». См. выше — заметки в крепости.

[2]) Полковник гвардии князь С. П. Трубецкой был одним из директоров Северного Общества и вследствие перевода его из Петербурга на службу в штаб 4-го корпуса (в Киеве) имел поручение установить прямую связь с руководителями Южного общества и заботиться о согласовании их действий.

образцовым во всем 3-м пехотном корпусе. Генерал Рот, корпусный командир, до того благоволил к брату, что два раза представлял его в полковые командиры.

22-го декабря 1825 года брат отправился в корпусную квартиру с целью выхлопотать отпуск Бестужеву. На последней станции, не доезжая до Житомира, мы получили (я сопутствовал брату) от сенатского курьера, развозившего присяжные листы, первое известие о деле 14-го декабря.

По приезде в Житомир, брат поспешил явиться к корпусному командиру, который подтвердил слышанное от курьера. Об отпуске Бестужеву нечего уже было хлопотать. Рот пригласил брата отобедать у него. Во время стола не было другого разговора кроме как о Петербургском событии; поминали о смерти графа Михаила Александровича Милорадовича [1]). Когда брат возвратился на квартиру, коляска была готова и мы поехали обратно в Васильков, через Бердичев. На пути заехали к Петру Александровичу Набокову, бывшему Семеновскому офицеру, назначенному, до Семеновской истории, командиром полка 8-ой пехотной дивизии. Мы не застали Набокова дома, он отлучился по делам службы. В Трояновс заехали мы к Александру Захаровичу Муравьеву, а потом в Любаре к брату его Артамону Захаровичу. Потребовалась какая-то починка в коляске, мы бросили ее в Любаре и наняли жидовскую форшпанку. Ночью в Бердичеве переменили лошадей и поехали дальше.

Не доезжая до Василькова, мы остановились в Трилесье, месторасположении пятой мушкетерской роты, числившейся в братнином батальоне. Она не возвращалась еще из Василькова, куда ходила по случаю второй присяги. В Трилесье мы остановились на квартире А. Д. Кузьмина, командира пятой роты.

Бестужев прискакал в Трилесье с уведомлением о том, что, во время отсутствия брата, жандармы приезжали из Петербурга и что, не найдя его в Василькове, забрали все его бумаги и поехали в Житомир. Мы узнали от Бестужева, что петербургские жандармы ждали брата, чтобы его задержать, и что в ту самую ночь, когда мы переменяли лошадей, Бердичев был оцеплен войском, и на всех выездах стояли часовые.

В ночь с 28-го на 29-е декабря, командир Черниговского полка Гебель, с жандармским капитаном Лангом, гнавшиеся за братом от самого Житомира,

---

[1]) Участник войны 12-го года, петербургский генерал-губернатор граф М. А. Милорадович, при получении известия о смерти Александра Павловича, воспротивился намерению Николая Павловича немедленно огласить хранившиеся в тайне частные и официальные документы об отречении Константина Павловича от престола и о занятии последнего следующим за ним по старшинству членом царствующего дома, т. е. Николаем Павловичем. Волей-неволей Николаю Павловичу пришлось согласиться на предложение Милорадовича,—подтверждавшего свое заявление ссылкой на то, что он по существу является единственным распорядителем 60-тысячного петербургского гарнизона, — и принести вместе с высшими правительственными чинами присягу на подданство цесаревичу Константину Павловичу. Когда же Николай занял престол и разыгрались события 14-го декабря, новый император послал Милорадовича убедить восставшие гвардейские войсковые части добровольно признать перемену присяги. Под'єхавший к восставшим Милорадович обратился к ним с убеждением признать совершившуюся замену императора. Во время его речи член тайного общества П. Г. Каховский выстрелил в Милорадовича, который от полученной раны в грудь умер на другой день. Каховский был повешен 13 июня 1826 года. О нем см. интересный очерк П. Е. Щеголева (П. 1921 г.).

настигли его в Трилесье.—После нескольких бессонных ночей, проведенных в дороге, раздевшись, брат лег спать. Гебель просил нас одеться, чтобы выслушать высочайшее повеление. Оно заключалось в том, чтобы нас арестовать и препроводить в Петербург.

Мы пригласили Гебеля напиться чаю, на что он охотно согласился. Пока мы сидели за чаем, наступил день. Кузьмин с своей второй ротой возвратился из Василькова. Вместе с ним прибыли все ротные командиры второго батальона Черниговского полка, чтобы наведаться о своем батальонном начальнике.—Гебель занялся расстановкою часовых вокруг хаты и поставил по два человека против каждого окошка хаты. Возвратившись в комнату и обращаясь к офицерам с тоном угрозы, он спросил их, что они тут делают.—Кузьмин отвечал ему, что он у себя на квартире.—«Как вы смели говорить с арестантом?» — Такая неуместная выходка Гебеля возбудила в офицерах взрыв негодования. Кузьмин подошел к нему и, грозя пальцем, напомнил, сколько раз Сергей Иванович выручал его из беды. Гебель не выдержал укоров, вышел из комнаты; офицеры пошли за ним. Вскоре послышались громкие возгласы, крики. Испуганный жандарм, мужчина рослый, бросился на колени перед братом, прося его (на французском языке) пощадить его жизнь. Брат его успокоил, уверяя, что жизни его не угрожает ни малейшая опасность. Жандарм вышел из хаты и тут же выехал из Трилесья.

Хотя я не был свидетелем побоища, но утвердительно могу сказать, что раны, будто бы нанесенные штыком Гебелю в грудь и в бок, чистая ложь. Не поручусь в том, чтоб его не ударили ружейным прикладом. При таких ранах, о которых говорится в донесениях, Гебель не мог бы немедленно возвратиться в Васильков.

Гебель, за свое усердие и распорядительность, был назначен вторым киевским комендантом. Несмотря на то, можно безошибочно сказать, что будь на месте Гебеля полковым командиром Черниговского полка человек, заслуживающий уважения своих подчиненных и более разумный, не было бы ни возмущения, ни восстания.

Пятая рота, узнав об освобождении из под ареста своего батальонного командира, приветствовала его громким криком: ура. Брат приказал солдатам разойтись по своим квартирам, собрать свои пожитки и готовиться к походу.

Неожиданные события, столь быстро последовавшие одно за другим: арест и затем немедленное освобождение, вследствие возмущения офицеров, поставили брата в безвыходное положение.

Участвовавший в походах 1812, 1813 и 1814 годов, Сергей Иванович достаточно был сведущ в военном деле, чтобы не питать никакой надежды на успех восстания при силе, заключавшейся в горсти людей. Но обстоятельства так сложились, что восстание, непредвидимое, не приготовленное, было уже совершившимся фактом, вследствие грубого, безрассудного обхождения Гебеля с офицерами, уважения которых не умел он снискать. Солдаты ненавидели его, сочувствовали своим офицерам, питали к ним полное доверие, а тем более к Сергею Ивановичу. Они ему говорили, что готовы следовать за ним, куда бы он их ни повел. Офицеры, нарушившие закон военного повиновения, ожидали его решения. Покинуть их—значило бы отказаться разделить с ними горькую участь, их ожидавшую. Брат решился идти в поход

для соединения с 8-ою пехотною дивизиею, расположенной за Житомиром. В 8-ой пехотной дивизии находились многие члены Тайного союза и Общества Соединенных Славян. В числе первых считалось несколько полковых командиров, на содействие которых можно было положиться: несколько рот старого Семеновского полка переведены были в эту дивизию и вполне доверились брату. Офицеры пешей 8-ой артиллерийской бригады, когда до них дошла весть о смерти государя, дали знать Сергею Ивановичу, что у них все готово к походу и лошади подкованы на зимние шипы. К тому же надежда, что восстание на юге, отвлекая внимание правительства от товарищей—северян, облегчит тяжесть грозившей им кары, как бы оправдывала в его глазах отчаянность его предприятия; наконец и то соображение, что, вследствие доносов Майбороды и Шервуда, нам не будет пощады, что казематы те же безмолвные могилы; все это, взятое вместе, посеяло в брате Сергее Ивановиче убеждение, что от предприятия, повидимому безрассудного, нельзя было отказаться и что настало время искупительной жертвы. Рота выступила из Трилесья. Ночлег наш был в селе Спидинки. 30-го декабря, около третьего часа пополудни, роты дошли до Василькова. Против нас была выставлена цепь стрелков. Когда рота подошла к ней на такое расстояние, что можно было разглядеть лица солдат, стрелки с криком: ура! соединились с своей пятой ротой и вместе с ней вступили в Васильков. По вступлении в город брат принял следующие меры: освободил из под ареста М. А. Щепилу, барона Вениамина Николаевича Соловьева, Ивана Ивановича Сухинова [1]), возвратившихся накануне из Трилесья; усилены были караулы у острога и у казначейства; наряжен был оберегательный караул к дому, занимаемому Гебелем; отдан был приказ на всех заставах никого не впускать в город и не выпускать из него, без ведома и разрешения брата. Ночь прошла спокойно. Несколько офицеров, ехавших в отпуск или возвращавшихся в свои полки, являлись к Сергею Ивановичу и без задержки отправлялись далее. Проезжий жандарм задержан был ночью. 31-го декабря, второй батальон Черниговского полка, в полном своем составе, рано утром соединился в Василькове; две роты первого батальона присоединились тоже к нам. После продолжительного колебания полковой священник Черниговского полка согласился отслужить молебен и прочесть перед фронтом катехизис, составленный братом. В нем излагались обязанности воина в отношении к Богу и Отечеству [2]).

---

[1]) Мих. Ал. Щепилло, член тайного общества Соединенных Славян, убит в сражении близ Трилесья, где командовал ротою в отряде С. И. Муравьева-Апостола. Барон Вен. Ник. Соловьев, член того же общества, осужден приговором Верх. Уголовного Суда; умер в 1871 году. Ив. Ив. Сухинов, член того же общества; осужден Верховным Уголовным Судом; в Сибири подготовил восстание нескольких своих товарищей по ссылке и группы уголовных, один из которых предал всех заговорщиков властям; приговоренный к расстрелу, Сухинов накануне казни покончил с собою самоубийством 1 декабря 1828 года.

[2]) Об этом—очерк П. Е. Щеголева: „Катехизис С. И. Муравьева-Апостола" («Минувшие Годы», 1908, № 11, и «Исторические очерки», П. 1913 г.), где исследованы источники воззвания, обстановка, при которой православный священник Дан. Фед. Кейзер (происходил из дворян) читал солдатам революционный катехизис, и рассказаны последствия дела.

Роты, помолившись, готовились выступить из Васильконa; тут под'езжает почтовая тройка, и брат Ипполит бросается в наши об'ятья. Ипполит только что выдержал блестящий экзамен, был произведен в офицеры генер. штаба и определен во вторую армию. Напрасно мы его умоляли ехать далее в Тульчин, место его назначения: он остался с нами.

31-го декабря прибыли мы в с. Мотовиловку, где у нас была дневка, по случаю нового года.

2-го января 1826-го года брат Сергей Иванович намеревался направиться на Бердичев, чтобы воспользоваться лесистою местностью. Узнав, что 18-ый егерский полк, расположенный в Белой церкви, выставлен против нас, он своротил в Житомир, кратчайшею дорогой, через Трилесье.

3-го января 1826-го г., на привале мы узнали, что кавалерийский отряд с конно-артиллерийской ротою загораживает путь в Трилесье. Всеобщая радость: конно-артиллерийскою ротою начальствовал полковник Пыхачев, член Тайного Союза. В 1860 г., жительствуя в Твери, я только тогда узнал, что Пыхачев, накануне того дня, когда его рота выступила против нас, был арестован. Мы снялись с привала, построились в ротные колонны и пошли далее. Местность оказалась самою невыгодною для пехоты, имеющей встретиться с кавалериею. Отряд, пушки в виду. Мы подвигаемся вперед. Раздается пушечный выстрел, за ним второй, ядро пролетело над головами. Мы все шли вперед. Открылась пальба картечью, у нас несколько человек пало, одни убитыми, другие ранеными, в числе первых начальник шестой мушкетерской роты, штабс-капитан Михаил Алексеевич Щепила. Тогда Сергей Иванович решился прекратить неравный бой и спасти свою команду от неминуемой погибели, и приказал поставить ружья в козлы. Солдаты, повинуясь ему, не понимали, с каким намерением начальник остановил их на походе. Сергей Иванович им сказал, что виноват перед ними, что, возбудив в них надежду на успех, он их обманул. Артиллеристам Сергей Иванович стал махать белым платком и тут же упал, пораженный картечью. Ипполит, полагая, что брат убит, застрелился из пистолета.

Нас рассадили в сани; пришлось нам проехать мимо наших солдат, которые с соболезнованием смотрели на брата. Ни у кого из них на лице не проявилось ни малейшего знака укора. После нашего от'езда, кавалерия обступила Черниговских солдат [1]).

---

[1]) Вот отрывок из показания М. И. Муравьева-Апостола Следственной Комиссии по делу о тайных обществах, выясняющий его взгляд на причины присоединения солдат, в том числе Черниговского полка, к восстанию: «Я нахожу, что армия готова двигаться, что вообще настоящая дисциплина (основанная на душевном уважении к начальникам) потеряна. Большая часть полковых командиров (пехоты), как, например, Гебель (командующий Черниговским полком), пользуются незаконным образом солдатским провиантом; это заставляет их входить в постыдные торги с ротными командирами. Ротные командиры, желая иметь также какую-нибудь выгоду, угождают жителям, которые кормят солдат и дают им квитанции. Это заставляет их быть несправедливыми, когда бывают жалобы. Полковые командиры, которые наблюдают больше свою выгоду, бывают дерзки в выговорах. Мало обращается внимания на нравственность армейских офицеров в полках. Штрафованные солдаты, которым уже не предстоит никакая надежда выйти когда-нибудь в отставку. Армейский солдат круглый год в походе, на что он очень жалуется. Доказатель-

В Трилесье нас поместили в корчму, приставив к нам караул из Белорусских гусар. У брата рана не была перевязана и нечем было перевязывать. Вещи наши, и белье, и прочее, расхищены гусарами.

Наступила ночь, подали огонь. Кузьмин, лежавший на соломе против меня, просил меня подойти к нему. Я ему указал на раненую голову брата, лежавшую на моем плече. Кузьмин, с видимым напряжением подполз ко мне, передал рукопожатье, по которому Соединенные Славяне узнавали своих, простился дружелюбно со мною, дополз до своей соломы, и тут же лежа застрелился из пистолета, спрятанного в сюртучном рукаве у него. Кузьмин скрыл от нас полученные им две картечные раны, одну в бок, другую в левую руку. Хочу сказать о нем несколько слов.

Анастасий Дмитриевич Кузьмин воспитывался в первом кадетском корпусе. В 1823 году случилось мне заехать к брату Сергею Ивановичу в Васильков. Застал я его занятым с утра службою, по случаю поступивших в его батальон рекрут, которых он сам лично обучал. Брат просил меня проехаться на его верховой лошади, чтобы ее об'ездить. На Васильковской площади, по которой пролегает дорога из Киева в Бердичев и где беспрестанно снуют польские брички, я застал учебную команду Черниговского пехотного полка. Инструкторы, унтер-офицеры, держали в руках палки, концы которых измочалились от побоев. Я тогда еще находился на службе, приказал призвать к себе офицера, заведующего учебной командой. Ко мне явился Кузьмин. Напомнив ему о статье рекрутского устава, по которой запрещается, при обучении, бить рекрут, я присовокупил:

«Стыдитесь, г. офицер, доставлять польским панам потешное зрелище: показывать им, как умеют обращаться с их победителями». Затем я приказал бросить палки и уехал.—Возвратившись к брату, я ему рассказал мою встречу с Кузьминым, от которого ожидал вызова. Брат предложил мне быть моим секундантом; требования удовлетворения не последовало. Проживши с братом еще три недели, поехал я в отцовское поместье, а там в Петербург.— В 1824 году я опять приехал навестить брата и застал у него Кузьмина, который бросился ко мне в об'ятия, благодаря меня за то, что я его образумил, выставивши пред ним всю гнусность телесного наказания. Брат мне рассказал, что Кузьмина нельзя узнать, что он вступил в солдатскую артель своей роты и что живет с нею, как в родной семье.

От выстрела, сделанного Кузьминым, с братом повторился обморок, которому он уже несколько раз до того подвергался, вследствие потери крови из неперевязанной раны.

Утром 4-го января 1826 г. рану перевязали, подали сани; приготовлен был конвой из Мариупольских гусар, чтобы отвезти нас в Белую Церковь. Сначала начальник конвоя долго не соглашался на нашу просьбу дозволить нам проститься с братом нашим Ипполитом, потом повел нас к нежилой, довольно пространной хате. На полу лежали голые тела убитых, в числе их и

ство моего мнения, что армия готова двигаться,—это мятеж Черниговского полка, в котором никаких не сделали приготовлений еще накануне того дня, что подняли полк». Показание это относится к началу 1826 года, т. е. написано за 45 лет настоящей статьи.

брат наш Ипполит. Лицо его не было обезображено пистолетным выстрелом; на левой щеке под глазом заметна была небольшая опухоль, выражение лица было гордо-спокойное. Я помог раненому брату Сергею стать на колени; поглядели на нашего Ипполита, помолились Богу и дали последний поцелуй нашему убитому брату.

Меня посадили в сани вместе с раненым братом. Дорогою мы утешали себя мыслью, что и в Сибири, где бы мы ни были брошены, мы будем неразлучно вместе. Молодой Мариупольский гусарский офицер, который был посажен на передке наших саней, без вызова на разговор с нашей стороны, заговорил о своем и своих сослуживцев сочувствии нам.

В Белой Церкви нас разместили по разным хатам и лишили меня тем последнего, как бы сказать, утешения—ухаживать за раненым братом Сергеем Ивановичем. Этим я оканчиваю свой рассказ о восстании в 1825 году Черниговского пехотного полка.

Вот чем об'ясняется подкуп палача, о коем упоминается на стр. 282 Русского Архива 1871 года, под заглавием: «Бунт Черниговского полка».

Фланговый (по тогдашнему флигельман) первого батальона Черниговского полка, солдат храбрости испытанной, доброго поведения, бывший в походах и во многих сражениях, начал с 1823 года совершать частые побеги. Когда ротный его командир, после вынесенного им, за новый побег, ужасного истязания стал увещевать его, вспоминая его прежнюю службу, не подвергать себя мучениям, он отвечал, что пока его не лишат солдатского звания, не накажут кнутом и не сошлют в Сибирь, он не прекратит побегов; что каторга легче службы.—В то время, после известного числа побегов, провинившихся приговаривали к торговой казни и ссылке в Сибирь на каторжную работу. Фланговый первого батальона Черниговского полка достиг своей цели и был приговорен к кнуту и каторге. Брат пожалел старого солдата, поручил своему человеку передать деньги палачу, чтобы он пощадил приговоренного к казни [1]).—В те времена случалось, и неоднократно, что солдаты совершали убийства над первым попавшимся им на встречу человеком; убивали даже детей, и все с единственною целью избавиться от службы.

---

[1]) В обширной литературе воспоминаний и свидетельств современников о декабристах нет ни одного отрицательного отзыва о С. И. Муравьеве-Апостоле. Все знавшие его единодушно восхваляют его высокие нравственные качества, говорят о его любви к солдатам. Главным образом, благодаря ему были выведены из обихода солдатской жизни телесные наказания в Семеновском полку. Также благотворна и полна любовного участия к солдатам была деятельность С. И. Муравьева-Апостола после восстания, Семеновского полка в 1820 году. С. В. Скалон, в своих воспоминаниях, оставила трогательную характеристику С. И. Муравьева-Апостола. Приведу из нее краткие выдержки: «С. И. был сослан (в Бобруйск после истории 1820 года) за излишнее стремление его к добру, за свои человеколюбивые поступки с солдатами... Я имела случай оценить и ум, и благородство, и возвышенные чувства этого редкого человека... После службы в гвардии, где умели ценить его достоинства, отдавая полную справедливость его уму и добрым качествам души его, он брошен был в Бобруйск, в страшную глушь, к необразованному и почти всегда пьяному полковому командиру... Матвей Иванович страстно любил своего брата, гордился им... Все его обожали... Он всегда все улаживал и всех примирял...»

В СИБИРИ

1-го октября 1827 года я выехал из Форт-Славы [1]). Меня привезли в Шлиссельбургскую крепость; на другой день из каземата отвезли на гауптвахту, где уже был Ал. Бестужев (Марлинский) [2]).

Солдаты возились с кандалами, которые, мы предполагали, были приготовлены для нас, но вскоре показался комендант, об'явивший нам обоим высочайшую милость, по которой избавляемся от работ и поступим прямо на поселение в Сибири. На Тихвинской станции ждал нас Корсаков (масон), находившийся на службе при министре кн. Александре Ник. Голицыне и которого я встречал иногда в доме графини Чернышевой. Он упросил меня принять в виде ссуды 600 руб. на путевые издержки. Живое соболезнование его о постигшей нас участи глубоко тронуло меня, я чувствовал, что отказом я бы его оскорбил, к тому же ни я, ни спутник мой Бестужев не имели с собою вовсе денег. Оказанную нам тогда услугу свято храню в памяти по сию пору. Таких добрых людей немного, о них с радостью вспоминаем. Сестра моя, Екатерина Ивановна Бибикова, обнадежена была от имени государя обещанием свидеться со мною перед отправкой моей в Сибирь. Если бы ей дали возможность проститься со мною, не пришлось бы нам нуждаться в посторонней помощи.

Фельд'егерь вез нас через Ярославль, Вятку, Пермь и Екатеринбург. Тут остановились мы у почтмейстера, принявшего нас с особенным радушием. После краткого отдыха в зале открылись настежь двери в столовую, где роскошно накрыт был обеденный стол. Собралось все семейство хозяина, и мы, после двухлетнего тяжкого и скорбного заточения, отвыкшие уже от всех удобств жизни и усталые от томительной дороги, очутились нежданно-негаданно посреди гостеприимных хозяев, осыпавших нас ласками и угощавших с непритворным радушием. Осушались бокалы за наше здоровье, и хотя положение

---

[1]) Воспоминания эти были в 1883 году продиктованы автором своему товарищу по ссылке, декабристу А. П. Беляеву и были опубликованы в „Русской Старине" (1886 год, № 9). Форт-Слава—крепость в Финляндии, куда М. И. Муравьев-Апостол и еще несколько декабристов были заключены после приговора Верховного Уголовного суда.

[2]) Ал. Ал. Бестужев, известный декабрист, оставил записки-воспоминания о Грибоедове; в делах тайных обществах есть его письма к Николаю I политического содержания; опубликованы в сборниках: А. К. Бороздина—«Из писем и показаний декабристов», П. 1906, и М. В. Довнар-Запольского—„Мемуары декабристов", К. 1906. Прославился в 30-х годах, как романист, под псевдонимом Марлинский.

наше не предвещало нам радостей, но тронутые нежданным участием добрых людей, вовсе нам чуждых, мы забыли на час свое горе и от всей души заявили признательность свою за необ'яснимое для нас радушие приема. Фельд'егерь, довезший нас до Тобольска и доложивший губернатору о нашем приезде, отправился обратно в Петербург просить нового назначения.

По распоряжению губернатора нас поместили на квартире полициймейстера Алексеева. Губернатор оказался известный писатель, мой давнишний знакомый, Дмитрий Ник. Бантыш-Каменский, бывший правителем канцелярии у князя Репнина, при котором я четыре года состоял ад'ютантом. Он обошелся со мной также дружески, как и в былое время, заставляя меня тем забыть о грустном моем положении; беседовал со мною откровенно и без всякой натяжки, но вероятно, не желая меня огорчить, скрыл от меня назначенное мне место ссылки, и точно, Вилюйск, куда закинули меня судьба в лице петербургских распорядителей, помещается на краю света.

Любезности губернатора был я обязан снятием с меня каким-то местным живописцем портрета для доставления его в Москву к сестре моей. Знавшие меня с давних пор губернаторские сестры, Анна и Екатерина Ник., из которых первая была очень дружна с княгиней Репниной, часто заходили к полициймейстеру Алексееву для свидания со мной. Погостивши в Тобольске около трех недель, пустились мы далее к востоку в сопровождении уже не фельд'егеря, а квартального из местной полиции. В Красноярске представились губернатору, известному автору романа «Семейство Холмских», у которого встретили весьма благосклонный прием [1]).

По дороге из Тобольска нас все время смущало неисполненное желание догнать ехавших перед нами товарищей наших, в числе коих находились двое братьев Бестужевых, Николай и Михаил [2]). Нетерпение Марлинского видеться с ними оборвалось на мне. Наш официальный спутник, приняв в соображение особое ко мне расположение тобольского губернатора, обращался почтительно ко мне на всякой станции с вопросом: желаю ли я отдохнуть, или приказать закладывать лошадей. Из этого Ал. Бестужев заключил, что от меня бы зависело уговаривать квартального доставить нам возможность повидаться с его братьями; но узнав от нашего вестуна, что ему строжайше предписано не с'езжаться на станциях с опередившим нас поездом, и жалея его, я не решился вводить его в искушение. Разногласие это не раз возбуждало между нами горячие прения, не расстроившие, впрочем, нисколько наших дружеских отношений. При его впечатлительности и страстной натуре Ал. Бестужев одарен был любящим сердцем, с редкою уживчивостью.

За несколько станций до Иркутска случился эпизод, характеризующий существовавшие отношения между населением и мелкими чиновниками. Из-

[1]) Дмитрий Никитич Бегичев (1786—1855), автор романа «Семейство Холмских», выдержавшего три издания (1832—1841 гг.); с 1830 по 1836 г. воронежский губернатор; принимал участие в судьбе А. В. Кольцова.

[2]) Н. А. и М. А. Бестужевы, братья А. А. Бестужева-Марлинского, декабристы, принимавшие видное участие в восстании 14 декабря 1825 года; оставили записки об этом; Н. А. Бестужев был вообще богато-одаренный человек, автор занимательных «рассказов старого моряка», хороший художник, оставивший много акварельных портретов декабристов.

вестный по всей губернии богатый крестьянин Анкудинов содержал лошадей на нескольких почтовых станциях. Вздумалось нашему квартальному ударить одного из ямщиков; узнал об этом Анкудинов, ростом и дородством сущий богатырь, вступился за своего рабочего и, осыпая упреками блюстителя порядка, оспаривал у него право давать волю рукам и не стесняясь высказал ему, что не будь этих господ,—указывая на нас,—с которыми он едет, расправился бы с ним по своему; квартальный смиренно выслушал правоучение и тем дело кончилось без всяких последствий.

В конце ноября мы прибыли в Иркутск поздно вечером и остановились у крыльца губернаторского дома, где нас об'яло звуками бального оркестра. Мы тут долго ожидали распоряжения начальника губернии, наконец, выскочил на крыльцо какой-то вспотевший от танцев чиновник и приказал вести нас в острог. Отворилась дверь внутреннего арестантского помещения, и я, не переступая порога, успел только заметить, что там нас ждут Алексей Петрович Юшневский и Спиридов [1]), как вдруг чувствую, что меня кто-то обнял и лобызает: это был не кто иной, как часовой, стоявший с ружьем у дверей. Я признал в нем рядового Андреева, переведенного из старого Семеновского полка на службу в Сибирь, вследствие разгрома, постигшего этот славный полк. Не раз случалось мне, как расскажу после, испытать на деле всю привязанность солдат к своим прежним офицерам [2]).

Не без утешения бывает и самая горькая доля. На другой день подоспели к нам двое Бестужевых, Николай и Михаил, Ив. Дм. Якушкин, Антон Петрович Арбузов и Ал. Ив. Тютчев [3]).

Пожаловал к нам губернатор и после краткого приветствия повинился перед Ал. Бестужевым и мною, что нас по ошибке заключили в острог, на том основании, что мы избавлены от работ, и хотя мы просили его не разлучать нас с товарищами, он, ссылаясь на какой-то закон, приказал поместить нас на квартиру. Горько показалось нам неуместное смягчение участи нашей.

Мы узнали от Цейдлера, что Над. Ник. Шереметева писала к нему, прося известить ее о прибытии Ив. Дм. Якушкина в Иркутск [4]).

[1]) А-й П. Юшневский—один из главных распорядителей тайного общества на юге; изданы сибирские письма его и жены, последовавшей за мужем в ссылку. Мих. Матв. Спиридов, майор, сын сенатора, по матери внук историка кн. М. М. Щербатова, член южного общества; осужден по I разряду; умер в Сибири за два года до амнистии.

[2]) С восстанием Семеновского полка в 1820 году (см. выше Воспоминания автора об этом) тесно связано имя Серг. Ив. Муравьева-Апостола, принимавшего горячее участие в судьбе пострадавших солдат; собственно солдаты его роты и были главными участниками восстания. М. И. Муравьев-Апостол вышел из Семеновского полка в 1818 году, но солдаты сохранили о нем любовную память, так как он вместе с братом Сергеем был главным виновником фактической отмены телесных наказаний в Семеновском полку по возвращении армии из Франции.

[3]) А. П. Арбузов, лейтенант гвардейского экипажа, член северного общества; приговорен по I разряду; умер в Сибири в 1843 году. Ал-й Ив. Тютчев, член общества Соединенных Славян; осужден по II разряду; умер в Сибири накануне амнистии, в январе 1856 года.

[4]) Ив. Богд. Цейдлер—иркутский губернатор с 1821 по 1835 год. Н. Н. Шереметева—теща И. Д. Якушкина и графа М. Н. Муравьева-Виленского, тетка знаменитого поэта Тютчева, друг Гоголя и писателей-славянофилов.

После трехдневного пребывания в Иркутске мы с Ал. Бестужевым отправились, в сопровождении молодого казачьего урядника, к месту своего назначения. Первый городок, встреченный нами на пути, был Киренск, при устье Киренги, впадающей в Лену; тут виделись с Валерианом Голицыным и артиллеристом Веденяпиным, незадолго до того водворившимся в нем.

Дальше по Лене проехали через Витим, где поселены были М. А. Назимов и Ник. Фед. Заикин; за этим городком по Лене следует город Олекминск, куда сосланы были Андреев и Чижов, Ал. Ник., мичман [1]).

24-го декабря, накануне Рождества, наконец, добрались до областного города Якутска, где пришлось мне расстаться с дорогим спутником моим, Ал. Бестужевым, которому Якутск назначен местом заточения. Только тут узнал я, что ссылаюсь в Вилюйск.

До 6-го января пробыл я с Ал. Бестужевым, а в день Крещения сели мы верхом с урядником на почтовых лошадей и отправились в путь далее к северо-западу.

Из Якутска выехали во время крестного хода на Иордань и, проехавши с лишним 700-верстное расстояние добрели до Вилюйска, на берегу реки Вилюя, значительного притока реки Лены. Путешествие это верхом, при расстоянии между станциями 90—100 верст, к удивлению моему, вынес бодро и без утомления. Может быть, способствовало к тому покойное английское седло, принадлежавшее областному начальнику г. Мягкову, который был так обязателен, что не только предложил мне воспользоваться его седлом до Вилюйска, но и разрешил служившему у него молодому чиновнику, брату вилюйского комиссара, сопутствовать мне до места назначения для свидания с братом. Он же позаботился снарядить меня надлежащим костюмом, на заячьем меху, с ног до головы, против грозного мороза, с коим предстояла мне отчаянная борьба. В'ехали в Вилюйск в первом часу ночи и явились к комиссару Михайлову, должность и власть которого те же, что и у наших исправников. Для наблюдения за порядком вверенного ему обширного края, ему приходилось беспрестанно об'езжать огромные пространства, тем более, что подвластные ему якуты живут отдельными семьями, разбросанными на огромное расстояние.

[1]) Кн. Вал. Мих. Голицын, камер-юнкер, член Северного общества; осужден по 8-му разряду—на поселение в Сибирь на 20 л., переведен на Кавказ в 1829 г., умер в 1859 г. в Москве; герой романа Д. С. Мережковского «Александр I-й»., А-й Вас. Веденяпин, член общества Соединенных Славян, осужден по 11-му разряду, умер в 1847 г. в России. М. А. Назимов, член Северного общества, осужден по 8-му разряду—на поселение в Сибирь, был на Кавказе (с 1837 г.) рядовым, умер во Пскове в 1888 г.—87 л. от роду. Н. Ф. Заикин—член Южного общества, осужден по 8-му разряду, умер в 1833 г. в Сибири; посвятил М. И. Муравьеву-Апостолу стихи (в сборнике М. М. Зензинова «Декабристы», М. 1907 г.). А. Н. Андреев, член Северного общества, осужден по 8-му разряду, умер в Сибири в 1831 г. (см. ниже). Ник. Ал. Чижов, лейтенант, член Северного общества, осужден по 8-му разряду, с 1842 г., переведен в Россию, где умер в 1848 г.; писал стихи; одно его большое стихотворение «Нуча» (из Якутской жизни) было напечатано в 1832 г. в «Моск. Телегр.» Н. А. Полевого с полным именем автора, что вызвало большой переполох в III отделении.

Вилюйск нельзя было назвать ни городом, ни селом, ни деревней; была впрочем, деревянная двухэтажная церковь, кругом которой расставлены в беспорядке и на большом расстоянии друг от друга якутские юрты и всего четыре деревянные небольшие дома, в которых помещались—комиссар Михайлов, местный врач г. Уклонский, купец, торгующий мехами, и приказчик его. Пришлось мне поместиться временно у последнего, пока не купил себе юрты у тамошнего хорунжего, выпросившего с меня 300 р. ассигн. Юрты эти—четырехугольные строения из крупных лиственных бревен, крыша деревянная, пол досчатый и образует двухсаженный квадрат; в моей юрте пристроены были небольшие сени. Осенью, до наступления морозов, стены снаружи обмазываются густым слоем глины, смешанной с пометом, а в начале зимы обкладываются снегом на сажень высоты. В чуваде, как зовется безобразный татарский камин, дрова горят целый день и над крышею выведена дымовая труба, которая закрывается снаружи на ночь. Отверстие для пяти окон в моей юрте закладывается льдинами. Устройство это так разумно приспособлено к суровому климату той северной широты, что в своей юрте я не ощущал холода в самые жестокие морозы, тогда как жившие в вышеупомянутых домах жаловались на стужу. Зимой день так короток и ледяные окна доставляют такой тусклый свет, что по необходимости приходится весь день сидеть со свечкой. Летом льдины заменяются рамами со стеклами.

Там проживал столяр, пробывший несколько лет в каторге и отпущенный по неспособности к работе в «пропитанные», как принято называть тех, которым предоставляют право передвижения для приискания себе способов жизни. Он, как сказывал мне, имел несчастье в пьяном виде и в порыве гнева нанести жене своей удар, от которого последовала ее смерть. Он был силы необыкновенной и без слез не мог вспоминать о любимой жене. Не раз за побег из тюрьмы был наказан плетьми, но в ту пору вел себя безукоризненно и в горькой доле своей никого не укорял, кроме самого себя; был замечательно честен и бескорыстен, в чем я убедился, расплачиваясь с ним за заказанные ему рамы к окнам, кровать, стол и стулья. В доказательство его нравственных достоинств мне сообщили следующее. Находился он несколько лет в услужении у якутского чиновника, который, вышед в отставку, умер, оставя сына сироту и к тому же идиота. Отец, умирая, поручил сына попечению слуги своего, назначив его опекуном над оставшимся имуществом. Он с этим несчастным идиотом жил в одной юрте комиссара Михайлова, бывшего вечно в раз'ездах.

Я редко сего последнего видел, но по отношению ко мне и по отзывам жителей я с удовольствием признал в нем порядочного человека. Его при мне еще перевели на должность казначея в Олекминск, о чем сильно горевали якуты, собиравшиеся подать просьбу о том, чтобы оставили у них «Мишу» [1]. Тотчас по прибытии моем, он вручил мне 1.000 р., доставленные по почте из Иркутска, куда сестрой моей отправлены были из Москвы. Почта приходила к нам лишь каждые два месяца. Из Якутска в Вилюйск почтовую суму возили верховые казаки, находящиеся в команде у комиссара и по очереди дежурившие у него. Вот по какому случаю я познако

[1] Так называли якуты комиссара (прим. автора).

жился с казаком Жирковым: по приезде в Вилюйск, ночью, ступивши за порог комиссаровского дома, я впотьмах оступился и чуть было не упал. Оказалось, что у самого порога лежал 16 лет мальчик, сын дежурившего казака; я тут упрекнул его в беспечности к сыну, но сожаление, выказанное мною к незавидному положению этого мальчика, тронуло отца его, Жиркова, который с тех пор оказывал мне всевозможные услуги: он таскал мне дрова и воду, закупал мясо, жене отдавал стирать мое белье и на ночь лазил на крышу закрывать трубу чувала; в этом чувале я сам готовил себе суп, а о жареной говядине или дичи заботилась для меня жена Жиркова.

Не нуждаясь в собеседниках, я легко свыкся с одинокою жизнью в своей юрте. Были у меня книги и я занялся изучением английского языка. Разрешенная мне переписка с родными была для меня большим утешением.

Во всякую погоду выходил я ежедневно пройтись по воздуху не для удовольствия, а из опасения лишиться вовсе способности передвижения. Воротившись раз с своей гигиенической прогулки, застал у себя нежданных гостей: три якута, скрестивши ноги сидели на полу и грелись у чувала; оня не обратили на меня никакого внимания. Как ни странно показалось мне такое бесцеремонное посещение, я счел долгом выказать свое гостеприимство и отрезал им по большому ломтю ржаного хлеба, до которого они очень лакомы. За мое угощение они даже и головой не кивнули, преспокойно, не торопясь, с'ели хлеб, не проронив ни крошки, и потом вышли из юрты, не удостоивши меня не только легким поклоном, но даже и взглядом, как будто кроме них никого в юрте не было. Хотя и забавным показалось мне обращение со мною этих дикарей, но я вывел из него заключение в их пользу. Они без спросу вошли в юрту погреться, потому что сами не воспретили бы никому воспользоваться их чувалом; за хлеб не благодарили, полагая, что я угощением своим подчиняюсь вошедшему в силу закона обычаю, а поклона не отвесили мне, не бывши со мною знакомы. Такое игнорирование принятых у нас правил общежития, изобличая первобытную простоту нравов, окупается вполне редкими качествами: они крайне правдивы и честны, лукавства в них нет и воровства они не знают. В моем отсутствии они даже из любопытства ни до чего не прикоснулись.

Когда стало показываться весеннее солнышко, отсутствующее всю зиму, и под лучами его стал с изумительной быстротой, в конце мая, таять снег, я несказанно порадовался близкому возвращению теплых дней; хотя и предупредили меня, что летом комары одолевают, но я, уже давно знакомый с ними, нисколько этим не опечалился. Наступило, наконец, лето, и пришлось мне убедиться, что это настоящий бич, уподобить который можно лишь с египетскими язвами при Фараоне. Страсть моя к купанью в реке заставила меня пренебречь всеми благими предостережениями; я пустился на отчаянный подвиг и в борьбе с насекомыми признал себя побежденным: не только что о купании и думать не приходилось, но даже из юрты нельзя было носа показать. Целые тучи комаров огромного размера облипают вас с ожесточением. Якуты надевают от них маски, плетеные из конских грив. В юрте от них спасаются посредством дыма от навоза. Ставится корчага с угольями, в нее всыпают кусками высушенную глину с пометом, которым осенью обмазывают снаружи юрту. Курение это, далеко не благовонное, не прекращается ни днем,

ни ночью, благо чувал служит вентилятором, без которого пришлось бы задохнуться от дыма. Изобилие насекомых легко об'ясняется самым местоположением Вилюйска.

В нескольких саженях от реки на невысоком холме, недоступном разливу вешней воды, возвышается церковь, посреди нескольких десятков юрт, с придачей четырех скромных домиков; кругом все бор с одними хвойными деревьями и болотистой почвой. По ту сторону реки опять бор непроходимый. Полей не видать, хлеба не сеют, овощей не разводят по той простой причине, что лето, хотя и нестерпимо знойное, продолжается не более шести недель. Поспевают лишь в изобилии ягоды в лесу: малина, смородина, морошка, которые приносили мне труженики якуты, и трава, растущая в прогалинах и доставляющая запас сена на всю зиму, для нескольких коров. У меня была своя корова, которую Жирков помещал в своей юрте. Я отважился садить картофель, и попытка моя увенчалась полным успехом. Вздумал я посеять и просо, быстрый всход которого меня порадовал, но мороз не дал ему доспеть. Отсутствие всяких овощей составляет ощутительное лишение и недостаточно вознаграждается изобилием дичи и рыбы. Областной начальник Мягков был так добр, что прислал мне, в виде лакомства, огромного размера туяз, по нашему бурак, из березовой коры, с замороженными щами. Вид давно забытой капусты, напомнил мне родину и былое время.

Высказанные мною столь непривлядные условия местности, находящейся по календарю на 63°—45° северной широты, заставляют заключить, что Вилюйск существует единственно в виду сбора ясака и добывания купцами пушного товару у якутов. Когда истощится эта отрасль промышленности, Вилюйск должен опустеть, как мало способный к оседлой жизни. Много лет после того прочел я в газетах, что близ Вилюйска открыты золотые прииски, вследствие чего он должен был во многом измениться, а приезд туда рабочих поселенцев несомненно вредно повлиял на нравы дикарей. Постройка церкви свидетельствует о благом намерении обратить дикарей в христианскую веру. Но, сколько я мог заметить, мало в том успели, хотя при храме находятся три священника. Якуты соблюдают некоторые обряды, сохраняя при том заветное суеверие предков. Церковь была построена в царствование императрицы Екатерины. Приставленные к ней три священника мало пеклись об исполнении своего миссионерского призвания. Раз'езжали они верхом по далеко раскинутой пастве и возвращались с собранными у якутов ценными мехами, составляющими весь их доход и единственный способ пропитания.

Пришлось мне с нетерпением ожидать конца лета и от души порадоваться наступлению холодных утренников, предвещавших возвращение вожделенной зимы. Простой народ называет Сибирь студеным, ледяным краем; ради его жестоких морозов, но кто пожил на крайнем севере, тот благословляет этот спасительный мороз, доставляющий ему продолжительный отдых после мучительного лета.

Кроме постоянных моих занятий: чтения, изучения английского языка и письменной корреспонденции с родными и с товарищами я, в виде развлечения, могущего принести пользу и другим, выдумал учить детей грамоте. Ко мне стали ходить двое мальчиков: сын тамошнего приказчика и внук одного из священников, родители коих обрадовались предложению моему учить их детей.

По неимению в этой глуши часов, пришлось придумать забавный способ для определения классного времени. Я над своей юртой выкидывал флаг, служивший знаком, что я жду своих учеников, и они на этот немой зов немедля являлись с своей книгой.

Из числа тамошних моих знакомых, не могу не вспомнить о местном враче Уклонском, воспитаннике московского университета, выпущенном с золотою медалью. Он, кроме латинского языка, знал и французский, а потому мог пользоваться находившимися у меня французскими книгами. Русская же литература тогда, вследствие непомерной цензурной строгости, неспособна была удовлетворить любопытства мыслящего человека. Жалкое было положение этого образованного и способного врача, брошенного в эту глушь, не имевшего при себе ни аптеки, ни фельдшера в помощники, не имевшего возможности приложить к делу приобретенные им знания. Да хотя бы и доставлены ему были надлежащие способы к врачеванию, пришлось бы ему несколько сот верст об'ехать верхом, чтобы навестить больного. Скука и праздность снедали его и заставили его прибегнуть к обычному у нас способу утешения: он пристрастился к вину до такой степени, что порой был неузнаваем. Зашед раз к нему, я ужаснулся, застав его в бессознательном состоянии, и признаюсь, понимая его безвыходное положение, не стало бы духа осудить его. Он возбуждал лишь глубокую жалость во всех, кто его знал и способен был оценить его добрые качества. Я, впоследствии, живя в Ялуторовске, с удовольствием услышал, что он переведен был в Иркутск и получил место соответственно его познаниям и искусству.

Раз зашел ко мне наш комиссар. Я заметил, что он имеет мне что-то сообщить, а между тем не высказывается. Вследствие настоятельной просьбы моей не скрывать от меня полученной им вести, он предупредил меня, что дошедший до него слух несомненно встревожит и огорчит меня. Ему писали из Якутска, что в Иркутске пронесся слух, будто товарищи мои, заключенные в Читинской тюрьме, силою вырвались из острога и бежали. Само собою разумеется, до какой степени смутил и огорчил меня его рассказ. Вспомнив о задушевных друзьях и близких моих родственниках, находящихся в числе читинских узников, я впал в несказанную тоску. Хотя я и силился успокоить себя тем, что слухи эти ложны и преувеличены, но, с другой стороны, приняв в соображение тяжелую участь, постигшую людей в том возрасте, когда кипят страсти, чувствуется избыток сил душевных и самое отчаянное предприятие кажется осуществимым, я приходил к горькому заключению, что в этих слухах есть и доля правды. Благодаря Бога, недолго длилось мучение и скорбь моя. Вскоре узнали, что поводом к этим слухам послужила весть о случившемся в Нерчинских рудниках покушении каторжных к побегу и вооруженному восстанию. Во главе предприятия находился Сухинов, разжалованный офицер Черниговского полка. Цель его была добраться до Читы и освободить заключенных там политических узников. Заговор был открыт и Сухинов, приговоренный судом к смертной казни, повесился в тюрьме [1]).

[1]) Имеется в виду история поручика Александрийского гусарского полка Ив. Ив. Сухинова, одного из самых решительных участник в восстания Черниговского полка в январе 1826 года. Об этой истории и об упоминаемой здесь драме в Нерчинских

По вскрытии реки несколько оживляется пустынный Вилюйск; к берегу пристают расшивы (огромного размера барки с одной мачтой), нагруженные мукой, солью и вином. Расшивы эти строятся в селе Качуге, на Лене, в 200 верстах от Иркутска [1]), спускаются по Лене до Якутска, снабжая провиантом находящиеся на пути города, тянутся потом вверх бичевою до Вилюйска, крайнего пункта их плавания. Прибытие этих расшив не мало и меня порадовало. Они доставили мне из Якутска, отправленные по моей просьбе Алекс. Бестужевым, все съестные припасы и домашнюю посуду, лишение коих во всю зиму было для меня очень чувствительно.

Раз зашел ко мне в юрту высокий и красивый мужчина, приветствуя меня громким возгласом:

— Здравия желаю, ваше высокородие!

Это был разжалованный унтер-офицер лейб-егерского полка. В бытность мою в Петербурге случился побег арестантов, посредством подкопа в губернское управление, где они содержались. Представившийся мне поселенец находился тогда в карауле и в числе других судим был за оплошность и сослан в Сибирь. Прибыв к нам на расшиве, он счел долгом навестить бывшего офицера Семеновского полка, вспомнив, что я бывал у знакомых мне офицеров в их казармах. Этот заслуженный воин был в строю и участвовал в войнах 1812, 1813 и 1814-х годов.

В конце зимы якуты пригоняют оленей для продажи. Тут раскупают их и доставляют всюду, где ездят на оленях. В Якутске больше употребляется езда на собаках, для которой в каждом дворе держат их целые стаи. Проведши там несколько дней, я слышал по ночам наводящий тоску вой их, выражающий жалобу на жестокий мороз и голод. Кормят их сушеной рыбой, которая там ни почем: не только Лена, но и Вилюй изобилуют лучшею рыбою. Ловятся осетра, стерляди, налимы и сиги—на якутском языке мегас.

Надеясь покинуть рано или поздно неприглядный Вилюйск, я вздумал воспользоваться пребыванием моим в этой глуши, чтобы принести ему какую-нибудь пользу. Прилегающее к селу кладбище не было огорожено и поэтому

рудниках (1828 года) см. выше в воспоминаниях автора о Черниговской истории и в примечаниях к ним.

[1]) В этом селе случилось впоследствии несчастие, поразившее всех. В нем находился на поселении товарищ наш Репин, бывший гв. Финляндского полка капитан. Андреева из Олекминска вез хорунжий в Иркутск. На пути Андреев ночевал у Репина. Ночью вспыхнул пожар в доме, в котором оба и сгорели. Наряженное следствие ничего не открыло: был ли пожар следствием неосторожности или поджога. Мир праху вашему, бедные товарищи, безвременно почившие мученическою смертию! (Прим. автора). Ник. Петр. Репин, один из образованнейших офицеров своего времени, член Северного общества, осужден по 5-му разряду. Андр. Ник. Андреев, член Северного общества, осужден по 8 разряду; поселенный в Олекминске, где он не мог найти средств к жизни, Андреев просил о разрешении ему поступить в услужение к частным лицам для снискания себе пропитания, но в этом ему было отказано; разрешено было, однако, перевести его в Верхнеудинск, где в материальном отношении было легче жить; по пути он остановился на ночлег у товарища своего Репина, в комнате которого они оба в ночь на 28 сентября 1831 года сгорели. Следствие, для ведения которого приезжал туда губернатор И. Б. Цейдлер, не открыло злого умысла, но среди декабристов осталось убеждение, что здесь был поджог с целью ограбления государственных преступников.

доступно нашествию не только домашних животных, но и хищных зверей, скрывающихся в окрестном бору. На этот предмет я предложил жителям составить подписку, и общими силами нам удалось построить прочную бревенчатую ограду.

В 1829 году, в марте месяце, поразило меня неожиданное появление в моей юрте лейтенанта норвежского флота Дуэ, приветствовавшего меня на французском языке в этой страшной глуши. Я, беседуя мысленно [1]) с сестрою, на письмо которой отвечал, слышал, что кто-то вошел в юрту, но не обернулся, чтобы взглянуть на вошедшего. Вдруг слышу за спиной у себя: «M—r Mouravieff, il y a longtemps que j'ai faim et soif de vous voir» [2]). С первых слов его я признал в нем образованного человека и порадовался случаю побеседовать с умным европейцем и узнать от него о том, что делается на белом свете. Вот какими судьбами очутился он в Вилюйске.

Снаряжена была норвежским правительством ученая кругосветная экспедиция, которая, пробравшись из Петербурга через всю Сибирь до Иркутска, поручила лейтенанту Дуэ спуститься по Лене к северу для определения точного пункта магнитного полюса и, оставив его в Сибири, сама доехала до Охотска, откуда морем, пробороздивши два океана, Тихий и Атлантический, воротилась во свояси. Дуэ пробыл три дня в Вилюйске, и эти дни мы почти что безразлучно провели вместе. Он дивился стряпне моей и моему кулинарному искусству. Я ему обязан представившимся случаем ознакомиться с тамошним шаманством. Он снабжен был открытым листом, в коем предписывалось всем местным властям оказывать ему всякую помощь и исполнять его требования. Наслышавшись о шаманах, он желал бы видеть хотя одного, но совестился обеспокоить меня, призвавши его в мою юрту. Я просил его распоряжаться моей юртой как бы собственной. Случай видеть шамана представился очень легко: новый комиссар, заменивший Михайлова, в угождение Дуэ, велел привести в Вилюйск знаменитого в округе чудесника. Надо заметить, что появление шамана в Вилюйске считалось небывалым происшествием, потому что им строго воспрещено показываться там, где есть церковь.

Его сопровождала толпа нескольких десятков якутов, оберегающих его от всякой беды. Вечером впустили его в мою юрту и с ним несколько якутов. Он сел на пол, поджавши ноги, и надел на себя род туники, сплетенной из сыромятных ремней и обвешанной разными побрякушками, которые при всяком его движении трещали и звенели. Туника эта, с узкими рукавами, в обтяжку, плотно облегала к телу, так что он ничего не мог скрыть под нею. Длинную косу свою он распустил вдоль плеч и, ударяя палкой в большие бубны, стал вызывать разных духов, приставленных кто к воздуху, кто к водам, кто к лесам (казак Жирков, говоривший по якутски, об'яснял нам все, что сказывал шаман), потом принялся он стонать и жаловаться, что медведь грызет его внутренности. Не переставая колотить в бубны, усиливая и учащая удары, он стал метаться во все стороны, а по мере усиливавшегося страдания голова его, с поднятыми вверх волосами, начала кружить над шеею с возра-

[1]) А беседовал М. И. с нею даже мысленно, только по-французски, как по-французски переписывался с родными и друзьями.

[2]) «Господин Муравьев, уже давно я жажду вас видеть».

ставшею быстротою, доводившею его до какого-то исступления. Потом, как бы вследствие невыносимой боли, он поднялся и стал ходить по юрте, жалобно стеня. Вдруг показалась выступающая у него изо рта настоящая мохнатая медвежья лапа, которая сжималась, будто придавливала что-то когтями, и, наконец, исчезла из глаз мгновенно. Широкая эта лапа, чтобы выйти наружу, до безобразия растягивала ему рот. Тем и кончилось представление. Появление изо рта этой движущейся лапы и быстрое ее исчезновение ничем не могли мы об'яснить и, не разделяя мнения тех, которые приписывают этого рода явления присутствию злого духа, мы должны были признать в этом шамане искуснейшего из фокусников.

Упоминая о моих зимних прогулках, я забыл рассказать о случившемся раз со мною. Шагах в тридцати от меня завидел я якута, не двигавшегося с места, но указывавшего мне рукою на поставленный на дороге берестовый бурак, по сибирскому туяк. Я никак не мог догадаться, чего хочет от меня якут с обращенной ко мне мимикой. Не мало удивился я и пожалел о бедном якуте, когда узнал потом, что он одержим проказой, и что, не смея даже приближаться к людям, в почтительном расстоянии от них умаливает их покормить его. И всякий по усердию своему и по достатку спускает в этот туяк, кто молоко, кто похлебку, кто кашицу или рыбу, а кто и черный хлеб, составляющий там предмет роскоши. Тяжело, грустно подумать об отчаянном положении подобного отверженца из общества людей и невольно укоришь себя в том, что жалуешься на судьбу свою, забывая о многих бездольных горемыках. Появление проказы между якутами об'ясняется всеми условиями их быта: и климат, и нищета, и отсутствие всяких гигиенических понятий способствуют к развитию накожных болезней, превращающихся в этот страшный недуг при более слабом организме. Они не знают ни белья, ни бани, и шуба их прикасается к голому телу. Я узнал, что не один, а несколько человек страдают проказой и прозябают скученные в одной юрте [1]).

Жирков, как было сказано выше, держал корову мою у себя в юрте, но в случае перевода его по службе куда-либо в другое место корова моя лишилась бы приюта; во избежание чего я придумал запастись другой юртой, в которой поместилось бы якутское семейство с обязательством ухода за скотиной и содержания ее в той же юрте, как вообще у тех из них, у которых есть домашний скот. Начал я строить другую юрту. Работа подвигалась медленно, так что по истечении нескольких дней я узнал, что и ямы для постановки столбов не выкопаны. Вздумалось сходить посмотреть, чем занимаются мои землекопы, и я убедился, что они нисколько не виноваты в замедлении постройки. Земля оттаивает летом лишь на несколько вершков, глубже того грунт никогда не отмерзает, так что им приходилось киркою и топором откалывать землю, уподобившуюся камню. По случаю этой постройки я неожиданно наткнулся на редкую находку. Якуты, копавшие землю для поста новки столбов, отрыли челюсть мамонтовой телушки, как они выражались величиною, по крайней мере, в полтора аршина. Мне вздумалось предложи ее Дуэ, который с радостью принял этот подарок, намереваясь поместить в музей норвежской столицы, в память поездки его в сибирские тундры.

[1]) Колония прокаженных существует и в наше время близ Вилюйска.

упомянуть при том о случае, доставившем ему такую ископаемую редкость, а также о лице, пожертвовавшем ему эту находку.

Заметив, какую Дуэ придает ценность всему, что придется ему вывезти к себе в Норвегию из дальней дикой Сибири, я отдал ему парку (так назыв. самоедский костюм), пожертвованную мне тобольским губернатором Бантыш-Каменским. Этот самоедский костюм состоит из двух шуб, сшитых из оленьего меха; особенность верхней шубы состоит в том, что шапка и рукавицы с шубой составляют одно целое. К этому придал я еще целый мешок сердоликов, собранных мною во время моих прогулок по берегу Вилюя. Некоторые из них были замечательной величины. Река во время разлива выбрасывает их на берег. Подарки мои привели его в восторг, и он не мог надивиться моей щедрости. Я тут же сообщил ему к сведению о существующем в нескольких верстах от Вилюйска соляном источнике. Весной и в начале зимы струя соленой воды образует бьющий из земли фонтан в несколько футов вышины, из которой добывается превосходного качества горная соль. К источнику приставлен караул, оберегающий казенную собственность.

Пришлось мне расстаться с приятным собеседником, о пребывании которого в Вилюйске я всегда с удовольствием вспоминаю. Судя по письму Дуэ ко мне из Якутска в мае месяце, я убедился в живом и дружеском участии, какое принимал он в моей судьбе, равно и всех моих товарищей, поселенных вдоль по Лене, с которыми он успел сблизиться. Бестужев, Андреев, Веденяпин, Чижов, Назимов, Загорецкий [1]), Заикин—все его полюбили, а последний, бывши хорошим математиком, по просьбе его взялся проверить сделанные им астрономические исчисления. Он радовался о предстоящем моем переезде в Бухтарминск, первое уведомление о котором я получил от Алекс. Бестужева — надеясь свидеться со мною еще в Сибири, в чем он не ошибся. Я по пути встретил его в Иркутске и потом в Красноярске. В этом письме он сообщает мне следующие выведенные им числовые данные, которые я записал. Широта Вилюйска равняется 63° 45′ 22,5. Отклонение магнитной стрелки к востоку 0° 7′ 5. Наклонение 76° 45′ 9.

Приняв исчисление степени магнитной силы в Якутске 1,689, Дуэ выводил ее для Вилюйска—1,759.

Доехав до Олекминска и желая доставить развлечение товарищу нашему Андрееву, Дуэ пригласил его совершить вместе с ним поездку вдоль берега Олекмы, где между прочим, находятся значительные залежи слюды, употребляемой на севере вместо стекол в оконных рамах. Об этой экскурсии уведомил меня письмом несчастный Андреев, о плачевной кончине коего упомянуто выше.

Поводом к назначению пограничного города Бухтарминска новым для меня местопребыванием был следующий сообщенный мне случай. Сестра моя, Ек. Ив. Бибикова, встретившая случайно у графини Лаваль [2]) М. М. Сперанского, известного учредителя сибирского управления, и заговорив с ним о Сибири,

[1]) Ник. Ал. Загорецкий—офицер генер. штаба, член Южного общества, осужден по 7 разряду, в 1838 г. переведен на Кавказ рядовым, в 1843 г. произведен в офицеры, умер в Москве в 1885 году. Об остальных сказано выше.

[2]) Графиня Ал. Григ. Лаваль (рожд. Козицкая), теща декабриста кн. С. П. Трубецкого.

услышала от него такое увлекательное описание климата и местности Бухтарминска, что решилась подать на высоч. имя прошение о переводе меня в этот город, хотя я, переписываясь с нею, не раз упрашивал ее не беспокоить никого просьбами о переводе меня в другое место. Я как-то свыкся с своим положением, так что и уединение мое было мне не в тягость, и при том я считал благоразумнее не напоминать правительству о себе. Но сестра, осведомлялась о моем житье-бытье, не могла вынести мысли, что в продолжение всей зимы окна в моей юрте заменялись льдинами; она из этого одного заключила, что положение мое должно быть невыносимо, и сочла своею обязанностью вырвать меня оттуда даже против моего желания. Я знал, что Чернышев [1]) и Ал. Бестужев давно уже просили дозволения вступить на службу рядовыми в кавказскую армию. Наконец, пришло о том разрешение, и Чернышев уехал первый, а накануне моего прибытия в Якутск увезли и Бестужева.

Как только сообщил мне местный комиссар о полученном им предписании отправить меня в Иркутск, я наскоро уложил в чемодан белье, платье и книги, юрту же со всею хозяйственною утварью, равно и корову, предоставил в полную собственность казака Жиркова; выстроенную же мною юрту отдал прокаженным, нуждающимся в более просторном помещении. Распоряжение это я совершил законным порядком, подписав о том об'явление в комиссаровской канцелярии. Копия с моей дарственной записи вручена была Жиркову, заявления восторга и признательности которого много меня порадовали.

В первых числах июня, сколько помнится, в сопровождении наряженного ко мне казака, пустился я верхом по дороге в Якутск. Услужливый и преданной мне Жирков счел долгом проводить меня до первой станции. Под'езжая к Якутску, 11-го июня, доехали мы до какого-то озера, простирающегося на 7 верст. Не видя на нем лодки и узнав от казака, что об'ехать озеро нам нельзя, я не мог понять, как мы верхом пустимся в воду, и тут узнал от него, что под водою, всего в два вершка глубиною, лед продержится во все лето, и так крепок, что хоть пушку по нем вези. Доехавши до Якутска, я с прискорбием узнал, что нетерпеливо ждавший меня А. Бестужев выехал накануне с урядником, присланным за ним. Пришлось мне для отдыха пробыть два дня в этом жалком городке, в котором, к сожалению, никого знакомых не имел. Прежний областной начальник Мягков, который в 1827 году был так обязателен и внимателен ко мне, перемещен был на другую должность [2]).

[1]) Граф Зах. Григ. Чернышев, ротмистр Кавалергардского полка, член Северного общества, осужден по 7 разряду, в 1829 году переведен рядовым на Кавказ, в 1833 году произведен в офицеры, в 1856 году разрешено выехать за границу, умер в Риме в 1862 году; в Сибирь последовала за своим мужем, декабристом Никитою Мих. Муравьевым, сестра Чернышева, Александра Григорьевна, умершая там же.

[2]) Начальник Якутской области Н. Мягков был переведен с этой должности лишь в 1831 году, а во время описываемой поездки, в 1829 г., М. И. Муравьев-Апостол не видел его потому, что Мягков находился по делам службы в раз'ездах по области. О Вилюйской жизни М. И. см. ниже его письмо к сестре Е. И. Бибиковой от начала 1832 года.

От нечего делать я вздумал ознакомиться с местностью и зашел в монастырскую ограду, где кладбище прилегало к церкви, и заметил на одной гробнице надпись в несколько строк. Я прочел эту надгробную эпитафию, и стихи мне так понравились, что я тут же их списал.

Стихи, написанные, как я впоследствии узнал, А. Бестужевым, помещаю здесь:

Неумолимая, холодная могила
Здесь седины отца и сына цвет сокрыла.
Один под вечер дней, другой в полудни лет
К пределам вечности нашли незримый свет.
Счастливцы! Здесь и там не знали вы разлуки.
Не знали пережить родных тяжелой муки.
Любовью родственной горевшие сердца
Покой вкусили вдруг для общего венца.
Мы плачем, но вдали утешный голос веет,
Под горестной слезой зерно спасенья спеет
И все мы свидимся в об'ятиях Творца.

Якутск, 1828 года. Скончались Михалевы.

Из Якутска, в сопровождении хорунжего, отправился дальше, вверх по Лене, бичевой, в небольшой почтовой лодке, на с'едение комарам, до Качуги, где мы сошли на берег, чтобы на колесах доехать до Иркутска. По пути остановились на последней станции перед Киренском, в доме зажиточного крестьянина, желавшего угостить меня на славу; стол покрыт был скатертью безукоризненной белизны, приборы серебряные, стаканы и рюмки богемского стекла. Я счел долгом предупредить его, что он ошибается, если принимает меня за чиновника, что я не что иное, как сосланный государственный преступник; на это он возразил мне с поклоном, что очень хорошо знает, кого имеет удовольствие принять у себя в доме, и что он рад дорогому гостю. Я узнал от него, что он при Екатерине был сослан на каторгу и в силу милостивого манифеста, изданного по случаю рождения вел. кн., впоследствии императора, Александра Павловича, выпущен на поселение и водворен на пустынном берегу Лены на том месте, где современем выстроилась целая деревня, населенная его сыновьями и внуками. Счастливый случай вывел в люди беспомощного одинокого поселенца; иркутский купец спускал по Лене расшиву, нагруженную мукой; на пути застала его зима, принудившая его пристать к безлюдному берегу, где он обрадовался встретить живого человека, которого просил принять и сберечь его ценный груз. Поселенец не употребил во зло оказанного ему доверия и в целости возвратил доверителю сбереженные и муку, и судно его. В знак признательности купец тот сделал его комиссионером своим по торговле хлебом, что доставило ему способ опериться, а впоследствии и разбогатеть. Я при этом вспомнил о спорном вопросе между мною и Дуэ; он отстаивал необходимость смертной казни, мною всеми силами опровергаемой; я признал рассказ моего хозяина весским аргументом в пользу моего мнения и, записав слышанное мною, просил хозяина передать Дуэ мою записку, когда на возвратном пути лейтенант остановится на станции.

В Иркутске остановился я у Ал. Ник. Муравьева, занимавшего должность полицеймейстера. Сосланный в Сибирь также по делу 14-го декабря, он по-

желал вступить на службу и вскоре после того получил место исправляющего должность губернатора в Тобольске. Кроме существовавшего между нами родства, я с малолетства знал его и имел случай оценить его во время походов 1812, 13 и 14 годов, в которых оба мы участвовали; жена его, рожденная кн. Шаховская, и две свояченицы последовали за ним в Сибирь, доставляя ему тем утешение в семейной жизни [1]).

Г.-Г. Лавинский, к которому пришлось мне являться, подал мне совет проситься на Кавказ, как бы в признательность за оказанную мне царскую милость, облегчившую мою участь после приговора верховного суда [2]). Не последовал я его совету потому, что, страдая от раны в ноге, полученной под Кульмом, я в пехотные солдаты не годился. Гостивши у Муравьева, я имел случай познакомиться с профессором, находившимся во главе норвежской ученой экспедиции, снаряженной по его инициативе, и часто нас посещавшим; иностранной фамилии его я, к сожалению, не могу припомнить. По вечерам собирались гости, составлявшие высший круг иркутского общества. Раз как-то сел за фортепиано ловкий и элегантный молодой человек; к удивлению моему, я узнал, что это был иркутский купец Баснин. В то время богатое купечество составляло местную аристократию и по образованию и обхождению далеко опередило купцов, встречавшихся нам по ту сторону Урала. Торговля наша с Китаем, заключающаяся в обмене чая и шелковых материй на наши сибирские меха, добываемые у якутов за бесценок, доставляла в конце прошлого и начале нынешнего века огромную наживу, тем более, что находилась в руках небольшого круга торговых фирм, не допускавших конкуренции со стороны московских купцов. При этих-то благоприятных условиях основались в Иркут-

---

[1]) Ал. Ник. Муравьев, старший сын известного основателя училища колонновожатых Н. Н. Муравьева и старший брат М. Н. Муравьева-Виленского, Н. Н. Муравьева-Карского и А. Н. Муравьева (духовного писателя), полковник, герой Отечественной войны; основатель Союза Спасения, первого тайного общества, из которого вышло движение декабристов, и редактор устава Союза Благоденствия, разветвившегося после 1820 года на Северное и Южное тайные общества; еще до этого разветвления тайного общества и расширения его революционных задач отошел, преимущественно под влиянием своего брата Мих. Ник., от общества, а после ареста в 1826 году проявил „совершенное и искреннее раскаяние; поэтому хотя и осужденный по 6 разряду был сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства, а в феврале 1828 года был назначен городничим в Иркутске, проходя и дальше административную службу по министерству внутренних дел; однако в 1839 году уволен без прошения от должности архангельского губернатора в связи с делом о неповиновении крестьян Ижемской волости; в конце 1856 года был назначен нижегородским губернатором и в этой должности оказал огромное содействие освобождению крестьян, побудив нижегородское дворянство, вопреки господствовавшим там крепостническим стремлениям,—просить царя об уничтожении рабства (об этой стороне деятельности А. Н.—см. очерк В. Г. Короленко „Легенда о царе и декабристе“); жена А. Н., рожд. княжна П. М. Шаховская, последовала за ним в Сибирь и после ее смерти он женился на сестре ее, кн. М. М. Шаховской.

[2]) Мих. Вас. Лавинский—генерал-губернатор Восточной Сибири; он вместе с подчиненным ему городничим А. Н. Муравьевым вел упорную борьбу с известным архиепископом иркутским Иринеем (Несторовичем), церковная деятельность которого всегда вызывала недовольство гражданских властей; в 1831 году в этой борьбе одержала верх гражданская власть, главным образом вследствие сношений А. Н. Муравьева с центральной синодальной властью, где он имел давних друзей по своей прежней склонности к мистицизму.

ске и в Нерчинске богатые торговые дома, в которых старики, скоро убедившись в пользе образования, не щадили ни денег, ни забот для воспитания детей.

В Иркутске я пробыл 6 недель. А. Н. Муравьев не отпускал меня, а я так приятно проводил время в кругу доброго семейства, что охотно согласился с ним, что на новое место ссылки всегда во-время поспею. Отправился я в сопровождении полицейского чиновника Соболевского, получившего впоследствии место городничего в г. Кургане Тобольской губернии. Он рассказал мне в доказательство неустрашимости, с какою А. Н. Муравьев преследовал воровство и грабеж, следующий его подвиг: до сведения его дошло, что в Иркутске скрывается шайка разбойников, грабивших прохожих и проезжих в темные осенние вечера и ночи. Личный состав полиции был ненадежен. Узнав, что притон разбойников—в каком-то подвале, он, ночью, взяв с собою Соболевского, пошел в указанный ему дом и застал врасплох шайку в полном сборе, делившую добычу. Его появление так их поразило, что они тут же повинились, полагая, что полицеймейстера сопровождает военная сила. Они с места не тронулись, пока Соболевский не привел солдат, проводивших их в острог.

В Красноярске застал я лейтенанта Дуэ, ехавшего обратно в Петербург, я навсегда с ним простился. Томск, следующий город по пути, славился уже тогда своим торговым значением, хотя далеко не представлял того богатства и роскоши, до каких дошел впоследствии, ради золотопромышленников, поселившихся в нем, как в устроенном пункте, посреди приисков. Доехали до Омской крепости, местопребывания областного начальника. Генерал Сен-Лоран, бывший дивизионным начальником в Полтаве, сын французского эмигранта, воспитывавшийся в 1-м кадетском корпусе, до того обрусел, что французского языка вовсе не знал. Он против воли был назначен управлять Омскою областью, хотя область эта была мало населенною. Он рассказывал Степ. Мих. Семенову [1]), о котором дальше будет речь, что когда он умаливал государя не назначать его на должность, к которой он вовсе не способен, он полу-

[1]) Степ. Мих. Семенов—незаурядная личность среди декабристов; происходя из духовного звания, окончил Московский университет, где получил в 1816 году степень магистра этико-политических наук и намечался в профессора; глубоко образованный человек и прекрасный оратор, постоянно выступал на публичных диспутах в университете и приводил начальство в сильное смущение, ловким наведением беседы на тему о вреде самовластья и о пользе республиканского строя; последовательный сторонник французских энциклопедистов и конституционалистов XVIII века, был деятельнейшим участником Северного общества и вместе с Ив. Ив. Пущиным руководил московским отделением его; привлеченный к следствию, строго проводил на допросах систему отрицания и полнейшего незнания, а на очных ставках, благодаря своим ораторским способностям, умело разбивал неблагоприятные для него показания менее ловких товарищей; последствием этого была для него ссылка в Сибирь на службу без предания суду; в Сибири он выделялся своими дарованиями, и, вопреки наставлениям сверху, местная власть отличала и выдвигала С. М.; однако, он неохотно содействовал этим видам начальства, а всем поведением и образом жизни старался не выделяться из круга своих бывших товарищей—заговорщиков, с которыми продолжая дружеские сношения; встретившийся с ним в Сибири Ал. Гумбольдт был в восторге от сибирского чиновника и похвалил его в Петербургских сферах, что вызвало порицание начальству Семенова и приказание убрать его в глушь Сибири; умер в Тобольске в 1852 году.

чил следующий ответ: «Ты хорошо командовал дивизиею, значит, можешь и краем управлять, это дело не мудреное. Я был дивизионным начальником, а пришлось управлять целым государством и притом, как видишь, не хуже другого».

Сен-Лоран пользовался на службе прекрасною репутациею; он слыл человеком отлично-храбрым, честным, правдивым и всеми был любим. Во время войны 1812, 13 и 14 годов он командовал Егерским полком. Меня он принял как нельзя более ласково [1]. При нем были дочери его, взрослые девицы, воспитывавшиеся в Смольном монастыре в одно время с сестрами моими: Анной Ив. Хрущевой и гр. Еленой Ив. Капнист.

Из Омска доехали до Усть-Каменогорска, где я нашел Степ. Мих. Семенова, недавно туда прибывшего и занимавшего должность писаря в канцелярии коменданта де-Лианкура. О судьбе, его постигшей, имею рассказать многое, нелишенное интереса, но сперва необходимо кое-что сказать об оригинальной личности де-Лианкура, француза-эмигранта, командовавшего у нас некогда полком, но когда в 1805 г. пришлось ему выступить в поход против французов, он отказался участвовать в войне против соотечественников, и потому был назначен комендантом в Усть-Каменогорск. Там он женился на казачке, которую называл «Матрон Иванов», не подчиняясь нисколько правилам русской грамматики и не заботясь об изучении русского языка. Чиновников, являвшихся к нему, он приветствовал всегда весьма лаконически следующим образом: «рюмку водки и пошел вон!» Много мне передавали про его странности.

Образованный по старому методу, он читал на память стихи из Виргилия и Горация, а дочерей своих не учил и грамоте на том основании, что им в Сибири придется выйти замуж за дураков, как он выражался. На одной из его дочерей женился впоследствии советник тобольского губ. правления. На счет военной формы он позволял себе странные отступления; сшил себе мундир вместо зеленого из синего сукна потому только, что какой-то купец принес ему в дар кусок такого цвета сукна. Здоровьем был так крепок, что в зиму ходил в летней шинели. На знакомство был далеко не притязателен. У него был список всех жителей с обозначением дня их именин. Он являлся к ним в тот день и говорил, что пришел отведать у них именинного пирога. Раз ему доложили о появлении какого-то татарина Муратки. Он засуетился и велел его арестовать, вообразив себе, что это бежал я, Муравьев, из Бухтарминска.

Все это доказывает, как неразборчивы были у нас в назначении полковых командиров и комендантов в начале нынешнего века. Чужестранцев так высоко ценили, что допускали командовать полком людей, вовсе не знавших русского языка.

О товарище моем Степане Михайловиче Семенове, о котором в появившихся доселе записках не упоминается, считаю не лишним передать, что знаю. Бывший доцент моск. университета, он был одно время воспитателем молодого кн. Никиты Трубецкого, младшего брата нашего Сергея Петровича [2];

---

[1]) В своих ежемесячных сообщениях царю Сен-Лоран подчеркивал отличное поведение государственного преступника Муравьева-Апостола и содействовал облегчению его положения.

[2]) Кн. Сергей Петрович Трубецкой, герой Отечественной войны, основатель Союза Спасения, основоположник Союза Благоденствия, главный деятель и директор

потом поступил в канцелярию министра народ. просвещения и духовных дел, кн. Ал. Ник. Голицына. Следующий случай свидетельствует о доверии к нему министра. До государя Александра Павловича дошла весть об убийстве, случившемся в Курской губ., в коем молва обвиняла местную помещицу и приходского попа. Граф Аракчеев уверял государя, что по следствию они признаны непричастными к делу, тогда как кн. Голицын утверждал, что следствие ведено было неправильно. Известно, что между этими двумя любимцами царя существовало соперничество в преданности его особе. Чтобы разрешить возникший между ними спор, государь предложил им послать каждый от себя доверенное лицо для раскрытия истины. Выбор кн. Голицына пал на Семенова, которого он предупредил, что, зная его честность, он уверен, что отвергнет всякого рода подкуп, но что в таком случае он предостерегся бы от отравы. Семенову пришлось во время следствия питаться яйцами и чаем с булками, им же самим на базаре купленными. По следствию подозреваемые оказались подлежащими суду, и князь Голицын высоко ценил услугу Семенова, доставившего ему победу над Аракчеевым.

Сен-Лоран, вступив в управление Омскою областью, очутился, по словам его, как в лесу. Не имея никакого понятия ни о порядке гражданского делопроизводства, ни о состоянии края, не имея при себе человека сведущего, на которого мог бы положиться, он, при своей добросовестности, тяготился своим положением и не скрывал его. Кто-то, сжалившись над ним, надоумил его призвать к себе из Усть-Каменогорска Ст. Мих. Семенова, причастного к делу 14-го декабря, но не лишенного ни чина, ни звания и не по суду, а лишь административным порядком назначенного исправлять в Сибири должность канцелярского служителя. Сен-Лоран тотчас выписал его и вскоре убедился, что он приобрел в нем дельного и в высшей степени честного помощника. В 1829 г. знаменитый Александр Гумбольдт отправился в Сибирь с целью исследовать естественные богатства обширного края, и из Петербурга было предписано, по высочайшему повелению, всем местным правителям, отряжать чиновников для сопровождения ученой знаменитости. Сен-Лоран назначил Семенова, который и сопутствовал Гумбольдту по всей Омской области. По возвращении его в Петербург, на вопрос императора Николая, насколько он доволен своим путешествием, Гумбольдт, между прочим, желая угодить, отозвался с похвалою о его чиновниках и выразил удивление, что даже в Сибири сопровождавший его оказался человеком высокообразованным. Государь, узнав, что восхваленный чиновник был Семенов, сделал выговор Сен-Лорану, а Семенову велел довольствоваться должностью канцелярского служителя,

Северного общества. С. П. был назначен на день 14 декабря 1825 года диктатором и верховным распорядителем восставших войск; но обычная воинская доблесть и храбрость С. П. на этот раз изменили ему, и он провел весь день в самом нелепом малодушном укрывательстве от своих товарищей, а наконец искал спасения от неизбежного ареста в доме австрийского посла графа Лебцельтерна, женатого на сестре жены Трубецкого, графине Лаваль, и потерявшего свой пост в Петербурге в значительной степени вследствие этой истории; преданный суду, проявил при допросах малодушие и был из числа самых болтливых подсудимых; осужден по 1 разряду: жена последовала за ним в Сибирь (воспета Некрасовым в «Русских Женщинах»), где и умерла в 1854 году; скончался в Москве в 1860 году; оставил записки декабриста.

вследствие чего тот возвратился опять в Усть-Каменогорск, а впоследствии в г. Туринск, Тобольской губ. По расстроенному здоровью Семенов просил дозволения приехать в Тобольск посоветоваться с медиками. Тут губернатор Повало-Швейковский, заслуженный моряк, сблизился с ним и воспользовался опытностью его по делам администрации. Затем кн. Горчаков, желая иметь его при себе, вызвал его в Омск, куда переведено было главное управление Западной Сибири, назначил его начальником отделения и поручил ему рассмотреть дела, решенные Талызиным в бытность последнего омским областным начальником, которого кн. Горчаков, не успевши распознать, назначил губернатором в Тобольск. Это тот же Талызин, которому Ал. Петр. Ермолов, у которого он был ад'ютантом, говаривал, что не сдобровать ему. Семенов, просмотревши дела, решенные Талызиным, отозвался о них неодобрительно, указавши в них явное отступление от закона, чем нажил себе в Талызине непримиримого врага. Последний стал писать в Петербург, что Западною Сибирью управляет государственный преступник. Из III-го отделения сообщили этот донос кн. Горчакову, который испуганный показал это письмо Семенову. Впрочем, сам Горчаков давал повод этим слухам: раз у себя за столом он упрекал служащих при нем в распространении молвы, будто Семенов всем управляет у него, на что Семенов заметил князю, что делая выговор Попову, заведывавшему приказом о ссыльных, он прибавил, что выговор исходил не от него, а от Семенова, чем сам подтвердил носившийся слух. Надо сказать, что Горчаков, вполне доверяя Семенову, призывал его к себе по нескольку раз в день, совещаясь с ним по делам всех 4-х отделений, так что бедному Семенову, больному и уже пожилому человеку, становилось не по силам, в чем он сознавался Горчакову, не раз упрашивая его отпустить его на покой в Тобольск, где бы он мог занять скромную должность советника губернского правления. При этом случае он возобновил свою просьбу, которую кн. Горчаков охотно уважил, желая доказать тем, что напрасно его подозревают в Петербурге способным подчиняться влиянию кого бы то ни было. Прослуживши несколько лет в Тобольске, Семенов, после краткой болезни, скончался там на руках любивших его товарищей по ссылке. Все Тобольское общество, и знатные, и малые люди, любовь и уважение которых он заслужил, проводили гроб его до кладбища.

Я прибыл в Бухтарминск после приезда Гумбольдта. Меня привез туда казачий офицер и рядовой казак. Комендант Федор Степанович Шевнин приказал отвести мне квартиру у казака Щербакова, имевшего свое хозяйство. Я условился с ним, чтобы он меня кормил.

Бухтарминск стоит при впадении реки Бухтармы в Иртыш. В Усть-Каменогорск ездят оттуда на пароме по Иртышу. Недалеко от Бухтарминска был расположен штаб 8-го казачьего полка; командовал им Евграф Иванович Иванов. Ожидали приезда Сен-Лорана. Комендант Маков, старый, заслуженный воин и человек отлично добрый, страдал недугом, известным у нас под именем запоя. Жена его при одной мысли, что Сен-Лоран застанет мужа ее в нетрезвом виде, приходила в отчаяние, предвидя от того гибельные последствия для своего мужа. Зная наши хорошие с ним отношения, она упросила меня понянчиться с ним и во что бы то ни стало отрезвить его. Пришлось мне целую ночь возиться с ним и, несмотря на его мольбы, жалобы, ругатель-

ства и даже угрозы, я продержал его до утра без капли водки. Когда поступил новый таможенный начальник Крок, сменивший Шевнина, он предложил мне перейти к нему на казенную квартиру, каковою он пользовался. Я имел с ним общий стол, разделяя поровну расходы по хозяйству. Его сменил Макаров, пригласивший меня к себе на именины. Во время обеда прибежал сосед мой с известием, что казака моего потребовали к следователю на допрос, что дверь настежь открыта и никого не осталось в квартире. Следствие наряжено было по случаю доноса плац-ад'ютанта Стражникова, относившегося ко мне недоброжелательно за то, что я не вел с ним знакомства; он обвинял начальника за то, что он назначил мне казака в прислугу [1]. Следствие обнаружило разные незаконные действия ад'ютанта, который и был отставлен от службы. Впоследствии он ослеп. Оставляя Бухтарминск, я заходил к нему проститься; его раскаяние искренно тронуло меня.

Спустя два года, я купил дом у отставного чиновника Зелейщикова. У него от паралича отнялся язык; он пришел ко мне и на аспидной доске умолял меня о помощи. Ему пришлось ходить ко мне каждый день, и мое лечение (магнетизм) было настолько действительно, что он стал говорить.

С 1815 года я стал знакомиться с магнетизмом, читая все, что о нем писалось.

Первый опыт мой был над моим камердинером, который во время ясновидения просил у меня ревеню (он страдал постоянно от тошноты). Покойный брат мой Сергей, бывший сложением крепче меня, безуспешно его магнетизировал. Известный бородинский герой Н. Н. Раевский [2]) многих излечил посредством магнетизма. Больной сын его, А. Н., не признававший целебной силы магнетизма, по моей просьбе согласился испытать его действие. Я ему помог, но он упросил меня не говорить о том отцу его. Известно, что государь Александр Павлович, не жалуя Раевского, отнял у него командование корпусом, высказав, что не приходится корпусному командиру знакомиться с магнетизмом.

В Бухтарминске я вообще много лечил и многим помогал, пользуясь указаниями лечебника Каменецкого. У чиновника Зелейщикова лошадь рассекла копытом щеку кучеру,—он обратился ко мне за помощью; я приложил пластырь к ране и она скоро зажила. Тот же чиновник, вообразив меня искусным врачом, просил меня помочь соседке его, старой казачке, сыновья коей находились на службе и у которой пальцы на ногах отваливались, пораженные гангреной. Бог помог мне и ее вылечить, прикладывая уголь к ранам. Кроме того, убедившись, что она страдает худосочием, я доставлял ей свежую пищу вместо тухлой соленой рыбы, которою она по бедности питалась, и тем успел восстановить ее здоровье. Порадовавшись этому успеху, я сообщил о том сестре моей.

---

[1]) Про бухтарминские неприятности М. И. смотреть ниже в письмах к И. А. Вельяминову, генерал-губернатору Западной Сибири, и к сестре.

[2]) Ник. Ник. Раевский—внучатный племянник кн. Гр. Ал. Потемкина; тесть декабристов кн. С. Г. Волконского и М. Ф. Орлова, единоутробный брат декабриста В. Л. Давыдова, отец Пушкинского «Демона» А. Н. Раевского и одного из ближайших друзей великого поэта—Н. Н. Раевского, героя Кавказских войн и покровителя сосланных на Кавказ рядовыми декабристов.

Из III-го отделения поступил запрос к Г.-Г. Вельяминову о причинах беспомощного положения жителей, одержимых болезнью. Бухтарминский комендант, в виде оправдания себя, доложил, что мое лечение об'ясняется интимными отношениями моими с одной солдаткой. Г.-Г. Вельяминов предписывает оштрафовать меня двухнедельным домашним арестом. В квартире моей был поставлен часовой с ружьем, которого каждые два часа сменял ефрейтор.

Ко мне хаживал старый семеновский солдат, переведенный в Сибирский батальон, Ермолай Алексеев, услужливый и редкой честности. Я говорил о нем с бригадным командиром Литвиновым, навещавшим меня всякий раз, как бывал в Бухтарминске. Он командовал некогда батальоном в лейб-егерском полку.

По распоряжению свыше начальникам предоставлялось право служивших несколько лет беспорочно нижних чинов переводить из Сибири на место их родины. Литвинов представил Ермолая к переводу в Тверскую губ., но в главном штабе вместо Тверской губ. назначили его в город Бийск, чем на много верст отдалили его от родины [1]). Причина тому та, что Алексеев, как старый семеновский солдат, лишался всякой льготы и считался в опале.

[1]) После восстания Семеновского полка в 1820 году все солдаты его прежнего состава были разосланы в Кавказский корпус и в другие армейские части с предписанием не давать им отпусков и не повышать их по службе (как и бывших их офицеров), а также не давать им отставки; разнеся по армии дух недовольства, бывшие семеновцы явились лучшими, сознательными и бессознательными помощниками офицеров-членов тайных обществ и после 1825 года подверглись особенно ожесточенному преследованию правительства; о Семеновской истории см. выше воспоминания автора под этим заглавием.

ПИСЬМА

1. П. Я. ЧААДАЕВУ [1])

(Кронштадт, 5 июля 1823 г.)

Если Вы разрешите мне, милостивый государь, напомнить о себе... а почему бы и нет? Говорят, что я делаю, или вернее, что я пишу глупости, и потому я заявляю Вам, без дальнейших околичностей, что я чрезвычайно рад пожать Вам руку, хотя бы в письме, и очень огорчен, что Вас нет с нами; а между тем, это могло бы легко случиться. Мне очень хотелось бы, чтобы Вы надумали побывать этой зимой в Москве. Я кончаю, потому что Ваш брат говорит мне, что я опять пишу, как всегда, глупости. Прощайте.

Из самолюбия: Нота-Бене—пакет от меня. Я делаю пакеты.

2. П. Я. ЧААДАЕВУ [2])

(С.-Петербург, 7 июля 1823 г.)

Третьего дня, в 9 часов вечера, Ваш брат уехал в Англию. Мы были вынуждены целых три дня оставаться в Кронштадте, так как все это время дул противный ветер. Его судно—превосходный парусник: путь из Лондона в Кронштадт оно проделало в 9 дней. Неслыханная вещь! Он мне передал для Вас письмо, которое Вы при сем найдете. Мне очень хотелось бы, чтобы Вы побывали этой зимой в Москве, так как я сам намерен быть там. Сергей в Бобруйске [3]), с дивизией, которая собрана там. Он мне надавал бы для Вас тысячу поручений, если бы мог предполагать, что я Вам буду писать. Порукой этому—дружба, которую он к Вам питает.

Сердечно жму Вашу руку.

М. Муравьев-Апостол.

P. S. Для избежания почтовых расходов, которые весьма значительны для за границы, Ваш брат поручил мне просить Вас адресовать ему Ваши письма

---

[1]) Опубликовано в книге „Письма П. Я. Чаадаева из-за границы к брату". Варш. 1912. Является французской припиской к письму П. Я. Чаадаева, написанному по-русски. В указанный в письме день П. Я. выехал в Лондон. Провожали его до Кронштадта М. И. Муравьев-Апостол и Н. Н. Раевский.

[2]) Опубликовано там же, где и предыдущее. Написано по-французски.

[3]) Брат автора Серг. Ив. Муравьев-Апостол.

следующим образом: «Братьям Баринг в Лондоне; для передачи г-ну Чаадаеву». Мой привет.

Что касается зимы, то он рассчитывает провести ее в Париже; впрочем, он Вам об этом напишет.

Его Высокоблагородию Михаилу Яковлевичу Чаадаеву, в г. Ардатов, Нижегородск. губ., для доставления в село Хрипуново.

3. С. И. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ [1])

3-го ноября 1824 г.

Я был крайне неприятно поражен, дорогой друг, тем, что вы мне пишете в вашем последнем письме. Я с нетерпением ждал Вас, а теперь приходится отказаться от надежды скоро увидеть Вас. Что касается меня, милый друг, я непременно приехал бы. Я бросил бы свои купанья. Но мне было строго приказано не ездить к Вам. Мой отец заставил меня дать ему положительное обещание, что я не поеду, после того как он получил предостережение от Николая Назаровича [2]), а Вы знаете, как этот последний хорошо осведомлен. Правительство теперь постоянно настороже и если оно не действует так, как следовало бы ожидать, то у него на то свои причины. Юг сильно привлекает его внимание, оно знает, какой там царит дух, и меня крайне огорчает то, что Вы так действуете, словно прекратились всякие подозрения. Доказательством тому служит хотя бы посещение меня неким г-ном Лорером [3]), с которым я был едва знаком в Петербурге и коего Пестель прислал мне Бог весть зачем, как старого знакомого. Мы еще далеки от того момента, когда благоразумно рисковать; а риск несвоевременный ведет лишь к тому, что мы теряем людей, и что дело оттягивается до бесконечности. Он говорил мне, что у вас в полках назначен срок в один год. Правду сказать, все это приводит меня в недоумение, и если бы я не знал, что одиночество способствует экзальтации чувств, а это дает преимущества некоторым молодым вертопрахам, которые при других обстоятельствах были бы только смешны, то я считал бы Вас всех сумасшедшими.

---

[1]) Письмо это сохранилось в деле о 14 декабря 1825 года во французском подлиннике. Захваченное с бумагами С. И. Муравьева-Апостола, оно в значительной степени послужило к смягчению участи М. И., как доказательство его умеренности в качестве члена тайного общества. Об этом говорится и в „Донесении следственной комиссии“. Впервые напечатано в сборнике „Мемуары декабристов“, изданном проф. М. В. Довнар-Запольским (Киев, 1906), где оно приведено также в русском переводе киевского профессора истории западно-европейских литератур графа Ф. Б. Де-ла-Барта. В этом же переводе оно, с поправками, печатается здесь. Заглавие дано мною по содержанию. Послано оно, повидимому, из Полтавского имения Муравьевых-Апостолов, села Хомутец, где М. И. проживал после выхода в отставку. Н. П. Павлов-Сильванский (Былое 1907, № 5, стр. 316) относит это письмо к ноябрю 1822 г.

[2]) Ник. Наз. Муравьев, родственник Муравьевых-Апостолов, занимавший видное положение в правительственных кругах.

[3]) Член тайного общества Ник. Ив. Лорер, осужденный Верховным уголовным судом, умер в 1873 году; оставил интересные записки о Южном обществе.

Сей г-н Лорер рассказал мне о Ваших знакомствах или, вернее, о Вашем знакомстве. Он сообщил мне, что Вы не говорите об этом иначе, как со слезами на глазах, что с первого знакомства Ваш мнимый друг сказал ему, что вы связаны тесной дружбой, что он все время летает то туда, то сюда, что служа в другом полку, он был постоянно вместе с Вами, что его частые поездки в Киев совместно с Вами были причиной того, что Вам запретили туда ездить и т. д. [1]).

Вы знаете мои принципы, знаете, что согласно моим воззрениям нет такого чувства, которое требовало бы большей деликатности, чем дружба, которое при этом так исключало бы даже тень тщеславия. Впрочем, Вы могли убедиться, что я с довольно таки большим постоянством порицаю Ваш образ действий. Если бы дело не касалось спокойствия Вашего, а следовательно и моего собственного, я бы махнул на все этой рукой, и это мне в сущности не трудно сделать. Я предоставил бы времени разорвать ту завесу, которая путала Ваш рассудок со времени слишком известных контрактов 1823 года [2]). Но не забудьте, что если Вы не будете постоянно принимать меры,— дела не останутся в таком положении и горе Вам, если правительство этим воспользуется; все это так шито белыми нитками, что ему было бы легко спутать Вас Вашими же сетями. Я не сержусь на Вас, не пеняю на Вас, мой дорогой Сережа, хотя был бы вправе рассчитывать на большее доверие к себе с Вашей стороны. Приписывая мне такие качества, которых у меня вовсе нет, Вы отказываете мне в том, на которое я только и претендую. Я имел сильную склонность к преждевременной зрелости ума—все разнообразные события, коих я был жертвой, послужили мне впрок, дав мне некоторое знание людей,—поэтому-то я искренно благодарю Бога за то, что Он соизволил испытать меня; когда же я вспоминаю, что я отчасти виновен во всем происшедшем, то испытываю такие душевные муки, которые невозможно передать. Дай Бог, чтобы события не оправдали моих слов. Зачем Вы посетили Вадковского? [3]).

Пользуюсь настоящей верной оказией, чтобы высказать Вам свою profession de foi. Я вполне убежден, что пока ничего нельзя сделать, ничего

[1]) Имеется в виду Мих. Павл. Бестужев-Рюмин, друг и ближайший сотрудник С. И. Муравьева-Апостола по делам южного общества; повешен 13 июля 1826 года, 23 лет от роду. Свойственница Муравьевых-Апостолов, их соседка по имению и бывшая с ним в большой дружбе, С. В. Скалон (рожденная Капнист), близко знавшая их друзей,—пишет про Бестужева-Рюмина, что «он был образованный молодой человек с пылкою душою, но с головою до того экзальтированною, что иногда он казался даже странным и непонятным в своих мечтах и предположениях; дружба его с Серг. Ив. была истинно примерная».

[2]) На т. н. контрактах (Киевская крещенская ярмарка) постоянно происходили совещания членов тайных обществ, преимущественно Южного. Будущие декабристы пользовались удобством места и времени для своих с‘ездов и выяснения текущих вопросов. На с‘езде 1823 года впервые появился новый член общества, принятый С. И. Муравьевым-Апостолом, 20-летний Мих. Павл. Бестужев-Рюмин. Появление его в составе тайного общества вызвало сильное неудовольствие против С. И. Муравьева-Апостола со стороны многих умеренных заговорщиков.

[3]) Член тайного общества Фед. Фед. Вадковский осужден Верховным уголовным судом; умер в Сибири в 1894 г.; вследствие его излишней доверчивости Шервуд сумел собрать точные сведения о составе тайного общества для своего доноса Александру I.

не сделать и в Петербурге для оправдания наших друзей. Скажу более: самый опыт показывает, что тут ничего не поделаешь.

Визиты, которые там были сделаны, породили разлад—иначе и быть не могло, с одной стороны выражали чувства, с другой—высказывали предположения на счет вероятностей, а это последнее вышло очень уж холодно. К чести тамошних я должен сказать, что они с уважением отзываются о Вас, чего с Вашей стороны я не вижу. И все это делается из ничтожного тщеславия, ради того, чтобы тоном учителя навязать писанные гипотезы [1]), о которых одному лишь Богу известно, применимы они или нет. Раздел земель, даже как гипотеза, встречает сильную оппозицию. И я спрашиваю Вас, дорогой друг, скажите по совести: возможно ли привести в движение такими машинами столь великую инертную массу. Наш образ действий, по моему мнению, порожден полным ослеплением; не забывайте, что образ действия правительства отличается гораздо большей положительностью. У великих князей в руках дивизии и они имели достаточно мудрости, чтобы создать себе креатур. Я не говорю о их брате, у которого больше сторонников, чем это обыкновенно думают. Эти господа дарят участки земли, деньги, чины... а мы что делаем? Мы сулим отвлеченности, обещаем дать государственных деятелей из прапорщиков, которые даже не умеют себя вести. А между тем плохая действительность в данном случае предпочтительнее, чем блестящая неизвестность. Допустим даже, что Вам легко будет пустить в дело секиру революции; но поручитесь ли Вы в том, что сумеете ее остановить? Армия первая изменит нашему делу. Приведите мне хотя бы один факт, который бы, не скажу, доказывал, а лишь позволил бы предполагать противное. Нашелся ли хотя бы один офицер Семеновского полка, который подверг себя расстрелянию? Вы меня спросите, зачем им подвергать себя этому, но дело идет не о той пользе, которую это принесло бы, а о стремлении к другому порядку вещей. Признаюсь, я еще более недоволен вашими переговорами с поляками. Вы с ними в таких отношениях, которых никогда не следовало допускать, судя по тому, что вы мне говорили [2]). Вы неосмотрительно прибегли к фактору, который неминуемо должен был создать такое панибратство. Я первый буду противиться тому, чтобы Польша разыграла в кости судьбу моей родины.

Наши силы—чисто внешние, у вас нет ничего надежного. Нам нечего спешить и в данном случае я не понимаю, как можно произносить это слово.

Чтобы построить большое здание, нужен прочный фундамент, а о нем-то менее всего думают у вас. Будет ли нам дано пожать плоды нашей деятельности—это в руце Провидения; мы же должны исполнять свой долг—не более. Разумеется, не следует творить ребячества, не следует принимать

[1]) Имеются в виду поездки в Петербург представителей Южного общества, в том числе и Пестеля, для об'единения деятельности Южного и Северного обществ и для склонения участников последнего к более решительным мерам в осуществлении заговора. Под гипотезами разумеются проекты П. И. Пестеля с уклоном в область социализма.

[2]) С. И. Муравьев-Апостол участвовал в совещаниях с представителями польских тайных обществ по вопросу о совместных действиях в подготовлявшемся перевороте.

армейских офицеров, пока ни к чему не пригодных; вот когда придет время пустить их в дело, тогда нужно повелительно двинуть их вперед, не спрашивая, угодно это им, или нет.

Г. Лорер сказал мне, также, что Юшневский [1]) принял за принцип «проучить молодых людей», чтоб они не кричали в комнатах, а на улицах, на площадях. Уговорите его пустить себе кровь, он болен, уверяю Вас; по крайней мере, реагируйте энергично против него ради безопасности тех несчастных, коих может без нужды сделать таковыми этот господин. Мне пишут из Петербурга, что царь в восторге от приема, оказанного ему в тех губерниях, которые он недавно посетил.

На большой дороге народ бросался под колеса его коляски, ему приходилось останавливаться, чтобы дать время помешать таким проявлениям восторга. Эти будущие республиканцы всюду выражали свою любовь, и не подумайте, что это было подстроено. Исправники не принимали в этом участия и не знали, что предпринять. Я знаю это от вполне надежного лица, друг которого участвовал в этой поездке.

Я был на маневрах гвардии; полки, которые подверглись таким изменениям, не подают больших надежд. Даже солдаты не так недовольны, как мы думали. История нашего полка совершенно забыта [2]).

Проезжая через Москву, я видел двух лиц, которые сказали мне, что еще ничего не сделано, да и делать нечего—благоразумного, разумеется. Вот, милый друг, что я хочу Вам сообщить при свидании, которое, я надеялся, должно было вскоре состояться. Не удивляйтесь перемене, происшедшей во мне, вспомните, что время—великий учитель.

Я провожу время в совершенном одиночестве, погода так дурна, что я, как говорится, не показываю носа из дому [3]). Я занят чтением, и такой образ жизни мне не кажется скучным. Я даже доволен им, когда подумаю, что в настоящее время моему отцу предстоят большие расходы; у меня не хватает духу с своей стороны увеличивать их. Если вы увидите А. Репнина, он даст Вам сведения о Елене и более подробные, чем я. Аннета теперь в Бакумовке—вот все, что я знаю [4]). Вы правильно заметили, что fatta la frittata (каша заварена), и чтобы Вы могли судить о том, как суров мой нрав в подобных случаях, скажу Вам, что я отдаляюсь от нее из благоразумия, чтобы не быть вынужденным резко порвать отношения в том случае, если бы мы были более близки. Я бы не мог не считать повшеством то, что

[1]) Ал-й Петр. Юшневский—генерал-интендант 2-й армии—один из главных руководителей Южного общества; осужден Верховным уголовным судом; умер в Сибири в 1844 г. Слова в ковычках написаны во французском тексте письма по-русски.

[2]) Однако, разосланные в армию за восстание 1820 года семеновские солдаты много содействовали распространению среди армейских солдат духа недовольства и стремления к переменам. Как ни маловажно для конечных целей заговорщиков было это влияние, но Семеновская история вовсе не была забыта в армии.

[3]) С. В. Скалон в своих воспоминаниях о М. И. Муравьеве-Апостоле пишет: «выйдя в отставку и поселившись отшельником в деревне, он никуда не выезжал, кроме Обуховки (деревня поэта В. В. Капниста, отца автора воспоминаний), и, несмотря на большое состояние, жил очень просто, довольствуясь малым, любя все делать своими руками».

[4]) Елена—сестра Муравьева-Апостола—с 1823 г. замужем за С. В. Капнистом; Аннета—тоже сестра—за А. Д. Хрущевым.

мне казалось бы таковым, а если известный господин оспаривал это право у моего отца, то как бы он принял это от меня? Ваши взгляды на Аннету несколько романичны, судя по тому, что Вы мне пишете о ней в одном из Ваших писем. Она молода, неопытна и должна была воспринять идеи своего мужа, что она и сделала по счастью для себя.

Г-жа Плачи была больна раньше, чем ее муж увез ее. Аннета сообщала о ней сведения лишь тогда, когда я приходил к ней и посылал справляться о ее здоровьи. Самый дом поставлен на такую ногу, и она не раз жаловалась через бедного Замбони, что ей не дают супу.

Все это так, потому что так положено, и еще раз скажу в пользу житейской прозы: хорошо, что это так. Никогда ни муж, ни жена не посылают ко мне справиться, получил ли я вести от отца; ни он, ни она ни разу не справлялись ни о Екатерине, ни о ее детях, ни о ее муже, ни даже об Ипполите [1]); этот господин ведет список своих неудовольствий против моего отца.

Не выводите из всего этого заключения, дорогой друг, что я возненавидел и людей, и добродетель; Вы сильно ошиблись бы. Я привык раскрывать пред Вами душу и потому излагаю Вам те причины, которые побуждают меня действовать так, а не иначе. На будущей неделе, а то и раньше, если будет возможно, я пришлю Вам тулупы для Ваших людей; приказанья Ваши не были до сих пор исполнены, вследствие всевозможных междуцарствий, которые произошли в истории хомутецкой экономии. Трубецкие выражают большую дружбу к Вам во всех письмах, которые я от них получаю. Я ничего не знаю о Екатерине; Вы правы, ей предстоят роды.

Искренно молю Бога, чтобы она счастливо разрешилась от бремени. Я люблю их всем сердцем. Ипполит не пишет, а так как я с некоторых пор не имею вестей от Бибикова, а он один сообщает мне об Ипполите, то я ничего не могу сказать о нем.

Целую Вас тысячу и тысячу раз, дорогой друг. Будьте счастливы, здоровы и не забывайте меня.

Ваш брат М. Муравьев-Апостол.

Портфель Пестеля сильно беспокоит меня за Вас. Вы же говорили мне, что не будет писанных документов. Видите, как Вы увлечены тем течением, коего Вы не можете сдержать.

4. ИВ. ДМ. ЯКУШКИНУ [2])

Хомутец, 27 мая 1825.

Последнее время я был в раз'ездах и вот это-то и заставило меня сохранять молчание по отношению к Вам. По возвращении в деревню я нашел Ваше письмо, дорогой друг, от 13 марта—последнее, которое Вы мне адресовали. Надо признаться, что разлука у нас—дело более жестокое, чем где-

[1]) Екатерина—сестра Муравьевых—замужем за И. М. Бибиковым. Ипполит—младший брат Муравьевых, род. в 1806 году.

[2]) Письмо к старому другу и однополчанину автора. Печатается впервые по копии (в переводе с французского) из собрания П. Е. Щеголева.

либо. Медленность, с которою доходят письма по назначению, сама уже по себе способна отнять у переписки ту нежную пылкость, которая порою заставляет ее походить на болтовню.

Не этому ли же я обязан краткостью Ваших писем. Позвольте мне, дорогой друг, сделать Вам по этому поводу несколько упреков. Чтобы мотивировать их, я возьму за исходную точку фразу из Вашего последнего письма. Вы мне пишете: Вы, может быть, не знаете, что я способен быть лентяем. Это требовало некоторого пояснения с Вашей стороны, ибо эта фраза мне не понятна. Я спрашиваю себя, чему приписать эту склонность Вашей души к лени—и задаю себе этот вопрос тщетно. Что разумеете Вы под ленью? Ведь это же не есть источник школьного горя — та лень, строго говоря, даже и не есть лень, это действие юного, пылкого воображения, которое в нашем детстве постоянно уносит нас в даль и заставляет жить в очаровательном мире, украшенном всеми чарами надежды. То сочувствие, которое оказалось между Вами и мною, когда мы рука об руку весело выступили на жизненный путь, приводит меня к заключению, что наше детство должно быть схоже. Я боюсь разгадать смысл, который Вы связываете со словом «лень». Бога ради, старайтесь себя в этом отношении побороть и не успокаивайтесь ранее, чем Вы не одержите над собою победы. На известной ступени развития все бытие существует только в мысли. Надо допустить, что Вы сильно изменились (а этого не дай Бог) для того, чтобы подобное состояние подошло и к Вашему уму и к Вашему сердцу. Хотите, чтобы я стал еще яснее? Возьмите сочинение моего отца о Крыме [1]) и прочтите письмо, приведенное там на стр. 176, если только я не ошибаюсь, не имея книги перед глазами. Вы найдете там полное раз'яснение моей мысли. Несмотря на отсутствие, дружба, которую я к Вам питаю, слишком жива, чтобы я не желал видеть Вас вполне добрым безо всякой подмеси, которая всегда негодна.—Что касается меня, я провожу время настолько приятно, чтобы не познать чувства скуки, в котором, мне кажется, таится больше суетности, чем обыкновенно думают. Я с'ездил повидаться с братом Сергеем и имел удовольствие провести с ним несколько дней. Видел я С. Трубецкого, который основался в Киеве, как Вы о том уже вероятно знаете. Мне нечего Вам говорить, что много было между нами переговорено, и о Вас. Его жена воистину очаровательна и соединяет с значительным умом и развитием неистощимый запас доброты, что по преимуществу является типичною чертою в

[1]) «Путешествие по Тавриде», П. 1823, классическое произведение, не утратившее своего значения до настоящего времени. К путешествию в Крым И. М. Муравьев-Апостол готовился два года, занимаясь все время исключительно чтением всего, относящегося к Тавриде—от древних сочинений до новейших исследований. На стр. 176—177 этого сочинения читаем: «Удивительное чувство, которое заставляет человека и бояться опасностей и любить их; если опасности угрожают разрушением, зато они и дают человеку способность живее ощутить свое бытие; в чем единственно состоит настоящая жизнь души. Опасности миновались и жизнь воина становится томною... способности души его дремлют. Переход к сему положению от деятельности есть ужаснейшее состояние на свете, от коего зарождается смертельная души болезнь—с к у к а; источник несметных зол, нещастий и вместе бичь, какого Провидение кажется не могло избрать жесточе».

женском характере. Она о Вас отзывается, как о старом знакомом. Почему не живем мы в эпоху паломничеств—тогда вероятно Киев святой привлек бы к себе и Вас, и я несколько дней провел бы с Вами вместе. Я рассчитывал пробыть некоторое время с моими обеими сестрами Хрущевой и Капнист, которым предстоит на-днях разрешиться от бремени. Но весть, сообщенная мне братом, с нарочным по эстафете, заставила меня спешно вернуться в Киев. Брат жены Трубецкого после крупной карточной игры, которую он вел в Москве, и постигшего его там проигрыша, поселился в имении матери, но и тут повстречался опять с игроками, которые и заставили его еще более увеличить тот проигрыш, которому он подвергся еще в Москве — коротко сказать это довело его до отчаяния, и он не придумал ничего лучшего, как пустить себе пулю в голову. Я трепещу за его сестру, когда она узнает эту весть, которая уже в силу религиозных ее верований покажется ей особенно страшною. Я еду к ним в Киев, и выезжаю в четверг, т. е. завтра. Вот плод даваемого у нас блестящего воспитания. Развивают в вас, елико возможно, всю суетность, которую вы можете в себе вместить и после того, как ввергнут юношу, несмотря на его сопротивление, в «свет», удивляются потом, если молодой человек наделает глупостей. Вместо того, чтобы протянуть руку помощи, думают, будто выказыванием к нему презрения можно будет с большим успехом вернуть его на прямой путь, не компрометируя самих себя. А презрение порождает лишь отчаяние и равнодушие; таким образом, на кого же падает вина, если юноша ухватится за способ, кажущийся ему наикратчайшим, чтобы сразу избавиться от гнетущего положения? Вы имеете сына, милый друг, думайте же и размышляйте побольше о его воспитании,—оно ведь повлияет на все его существование. После войны 1814 г. страсть к игре, так мне казалось, исчезла среди молодежи. Чему же приписать возвращение к этому столь презренному занятию.

Расскажите мне подробнее о Петре Чаадаеве. Прогнало ли ясное итальянское небо ту скуку, которою он, повидимому, столь сильно мучился в пребывание свое в Петербурге, перед выездом за границу. Я его проводил до судна, которое должно было его увезти в Лондон [1]). Байрон наделал много зла, введя в моду искусственную разочарованность, которою не обманешь того, кто умеет мыслить. Воображают, будто скукою показывают свою глубину,— ну пусть это будет так для Англии, но у нас, где так много дела, даже если живешь в деревне, где всегда возможно хоть несколько облегчить участь бедного селянина, лучше пусть изведают эти попытки на опыте, а потом уж рассуждают о скуке. Что делает М. Чаадаев? Видаете ли Вы его иногда? Неужели он совсем меня забыл? Он был бы не прав, ибо я всегда думаю о нем с удовольствием. Правда ли, что княгиня Елизавета ездила на свидание с братом, а тот не захотел даже ее и принять? Я видел его во время последней моей поездки в Петербург,—он был тогда довольно покоен. Идея же не желать повидаться с сестрою указывает на тревожное настроение, и это меня печалит за него, ибо он чрез это только усугубит тягостность своего положения. Опишите мне все это подробнее, ибо как Вы можете себе представить, прошу я об этом не из праздного любопытства. Поцелуйте за меня вашего

[1]) См. выше письма М. И. к М. Я. Чаадаеву.

сына; передайте мои приветствия Вашей супруге [1]). Напомните о моем существовании Вашей теще, тетушке и дядюшке поклонами от меня. Жму сердечно Вашу руку.

Матвей Муравьев-Апостол

5. ГЕНЕРАЛУ И. А. ВЕЛЬЯМИНОВУ [2])

(Начало июля 1830 г.).

Ваше Высокопревосходительство!

Крепостного человека члена Бухтарминской таможни г. Коллежского Ассесора и Кавалера Павла Николаевича Гаевского, зимою 1-го февраля сего года, лошадь ударила в левую щеку. Три дня после сего несчастия я узнал, что никто ему не помогает; вспомнив, что я и сам был некогда ранен, я предложил свои услуги и с помощию Божиею после пяти недель рана залечена. Во время моих утренних посещений, кроме больного, я никого не встречал; господин член, будучи занят делами службы, а прочие его люди хозяйством; тут я в первый раз услышал, что дом подле дома живет пожилых лет женщина, вдова, которая без всякого призрения страдает от раны, так что иногда целые ночи кричит от боли. Зная, что, содержа рану в чистоте, если не успеем ее залечить, по крайней мере, можно уменьшить боль, я решился взять попечение о казачке Измайловой. Г. Комендант и плац-ад'ютант знали о том и не раз из'являли свое одобрение.

В Бухтарминске нет вольной аптеки. Это меня заставило писать сестре моей Катерине Ивановне Бибиковой о страждущей сей женщине с тем, чтобы сестра благоволила снабдить меня советами и медикаментами, поговорив с своим доктором. Во время сей переписки больная, которой стало гораздо лучше, без моего ведома стала употреблять творог для наружного прикладывания и уверяла, что надобно было ожидать, что она находит пользу; но как я никогда не слыхал о врачебных свойствах творога, посоветовав иметь большее старание содержать рану в чистоте, я прекратил свои посещения до того время, как получу ответ от сестры. 22-го прошедшего мая я получил его; но тогда запретили казачке Измайловой иметь со мною никаких сношений, а господин комендант стал порицать меня за то, за что прежде хвалил.

С самого приезда своего в Бухтарминскую крепость я не переставал жить уединенно. Два, а много три раза в течение недели и то, когда я

---

[1]) Сын Якушкина—Вячеслав; жена его—Анаст. Вас., рожд. Шереметева; теща—Над. Ник. Шереметева, друг Гоголя и других писателей; тетушка и дядя—супруги Левашевы, смоленские помещики.

[2]) Печатается с подлинника, хранящегося в бумагах Н. Я. Дашкова (Пушкинский Дом Академии Наук) и носящего следы былой принадлежности к официальному «делу». Воспроизводится с сохранением особенностей стиля автора, за исключением мелких и незначительных неправильностей и описок. Оно характерно, как свидетельство весьма слабого умения М. И. выражаться ясно и отчетливо в русском письме, что, конечно, является результатом постоянной его привычки думать, говорить и писать по-французски. Часть письма, с искажениями и пропусками, напечатана в книге А. Н. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири». Относится к началу июля 1830 года. Адресовано генерал-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову в ответ на его распоряжение не позволять М. И. «ходить по форштадту к разным людям и чиновникам без всякого караула». Ср. с письмом к сестре Е. И. Бибиковой от 14 июля 1830 года.

наперед знал, что не встречу постороннего, я ходил к управляющему Бухтарминскою таможнею господину Коллежскому Ассесору и Кавалеру Богдану Ивановичу Кроку, человек, известный преданностью своей к службе так и строгостью правил,—он же брал у меня книги для чтения, и к командиру пехотной гарнизонной роты капитану Федору Андреевичу Андрееву, которому самая лучшая похвала будет в том, что, имея большое семейство и кроме жалованья никаких средств не имеет для его содержания, а между тем проходит уже 50 лет и более службу Его Императорского Величества. Участие таких людей ко мне есть верное доказательство, как я проживаю здесь до сих пор.

В Бухтарминской крепости нет ни базаров и почти можно сказать нет ремесленников, кроме казаков и солдат, нет другого сословия жителей за деньги работящего сословия. Что нужно обывателям, они то заказывают 75 верст от крепости, в Заряновском заводе, где люди, отбыв казенные работы, им назначенные, в часы отдохновения охотно за деньги исполняют желания требователей, гораздо искуснее и дешевле здешних ремесленников. За деньги, те, которые мне прислали из России, я купил дом совсем пустой, что всякой здесь знает. Не имев позволение отлучаться от места, для моего пребывания назначенного, за те же деньги я не имел ни стула, ни кровати, если ли бы я не прибегнул, по обстоятельствам, выше означенным, к снисхождению ко мне другого. Деньги за те вещи, уже давно внесенные, а вещи до сего время еще не все готовы. Доказательство, что и в сем случае для [меня] ничего не сделано против службы. Несколько дней до получения почты, где было упомянуто о казачке Измайловой, господин Комендант говорил управляющему Бухтарминской таможней, что он не может надивиться, как я хорошо и тихо себя веду, что я не причиняю никаких беспокойств. Несколько дней после того, мое поведение было, как видно по мерам, против меня принятым, что то же поведение было совсем в другом виде представлено.

Ваше Высокопревосходительство! ваши приказания исполнены, мое положение усугубилось, часовой ко мне представлен, единственное здесь мое удовольствие—в уединенных моих прогулках рассматривать в ближнем весьма расстоянии от крепости вокруг лежащих гор образование—миновалось. Я не прошу никакого облегчения, но истинным и верным сим об'яснением я считал себя еще не совсем лишенным счастия, если бы я хоть мало своим дальным житием мог доказать, что после всех благостей Государя Императора к моему совершенному недостоинству, благодарность есть не только самое живое чувство сердца моего, но и непременная пружина всех моих действий.

Матвей Муравьев-Апостол.

6. Е. И. БИБИКОВОЙ [1])

14 июля 1830 года.

Дорогая моя и хорошая Катерина! Я имел счастье получить в минувшую субботу, 5-го сего месяца, твое письмо за № 23, от 6 июня, с двумя проповедями и об'явлением господина Раппо. На другой день по получении

[1]) Сохранилось в копии в деле М. И. Муравьева-Апостола по III отделению (№ 61, часть 51, стр. 34—36) со следующей пометкой: «копия письма находящегося

твоего письма, недомогание, не оставлявшее меня с некоторых пор, перешло в перемежающуюся лихорадку,—это местная болезнь. Первые два приступа были столь жестоки и так быстро следовали один за другим, что я был вынужден отложить до ближайшей почты выражение тебе горячей благодарности за ангельскую заботливость, которую ты не перестаешь выказывать человеку, доставившему тебе столько страданий и причинившему тебе столько горя. Чтение проповеди о Вознесении Господа Бога Нашего принесло мне в то время некоторую пользу. Мне казалось, что я слышу тебя, что это ты сама даешь мне советы и утешение. Ты никогда не могла бы представить себе, чтобы мои заботы в прошлую зиму об этой бедной страждущей покинутой женщине могли стать новым источником неприятностей для меня. 14 мая с. г. я получил наставление от твоего врача, одобрившего примененные мною лечебные средства. Господин комендант, как это теперь кажется вероятным, был запрошен о положении этой женщины. Бедный старик, забыв, что мы здесь не имеем ни врача, ни аптеки, вообразил, что когда я в письме просил у тебя совета и лекарства,—я сделал донос, и в таком предположении он написал свой рапорт; вследствие этого здесь был получен в прошлую субботу приказ об'явить всем местным жителям, чтобы они никакого сношения не имели со мною, и приставить ко мне солдата, который должен не допускать меня сноситься с кем бы то ни было и сверх того должен сопровождать меня во всех прогулках, которые не должны выходить за пределы печальной и тесной ограды вокруг наших лачуг. Ты можешь представить себе, в каком состоянии должно находиться мое хозяйство.

С тех пор, как я здесь,—скорее по личному стремлению, чем по положению, в котором я нахожусь,—я не переставал вести самый уединенный образ жизни—едва даже знаю имена жителей. Я виделся с начала текущего года два, редко три раза в неделю с управляющим местной таможни, Богданом Ивановичем Крок, очень преданным службе молодым человеком со строгими правилами честности и безусловно почтенным. Так как он читает по-французски, то он брал у меня книги. Затем—командир пехотной гарнизонной роты Федор Андреевич Андреев, старик, обремененный многочисленной семьей, которую он очень любит; он незапятнанно несет службу Его Величества более пятидесяти лет. Когда я знал, что у них посторонний человек, я воздерживался от посещения их. Заметь, что я познакомился с ними с согласия коменданта и что наши отношения были вполне поверхностными.

Уже около года я здесь и за все это время не заслужил своим поведением ни замечания, ни выговора. До почты 14 мая комендант, как бы для того, чтобы сильнее противоречить потом самому себе, расхвалил меня управляющему местной таможни, говоря, что он не замечает моего существования и что я не причиняю ему никаких хлопот.

Принимаю это испытание, как должное. Я счастлив, если полным из'явлением покорности Господу в том, что ему благоугодно повелеть мне, смогу извлечь целительные плоды, которые его испытания приносят всегда. Умоляю

на поселении в Бухтарме М. М.-А. к сестре его г-же Бибиковой, от 14 июля 1830 года». Подлинник—по-французски. Перевод этого и следующих двух писем к сестре любезно выполнен г-жей А. М. Бараш. Все имена в подлиннике написаны по-русски. Ср. это письмо с письмом к И. А. Вельяминову (выше).

тебя, дорогая Катерина, ничего не предпринимать в мою пользу. Подумай, что мой голос теперь ничего не значит, и как собственно должно быть, верят только лицу, которому поручено следить за мной. Господин комендант, видя, что я всю истекшую неделю не покидал комнаты (и признаюсь тебе—у меня не хватало решимости гулять по улицам со следующим по пятам солдатом, которого не было до этого времени с тех пор, как императору угодно было смягчить мое наказание),—предложил мне вчера по своему почину убрать стражу; я просил его не нарушать полученного им приказа.

Генерал Лоран [1]) был здесь,—я его не видел, но так как все, что делает знатное лицо, не может ускользнуть от любопытства, возбужденного его присутствием, то я узнал, что перед своим от'ездом в Усть-Каменогорск он посетил больную и выразил удивление по поводу того, в каком нищенском помещении она находится (это доказывает, что ему сказали, будто она хорошо устроена), а затем и неудовольствие, когда узнал от нее, что с тех пор, как возникла история с ее болезнью, никто после меня не заботился о ней вопреки посылавшимся ему донесениям. Генерал был так добр, что дал ей 5 рублей из своих денег, с обещанием перевести ее в Омск, где постараются совершенно восстановить ее здоровье. Я был счастлив, узнав об этом хорошем поступке генерала Лорана, так как с 14 мая этой бедной женщине было запрещено видеть меня, и она беспокоилась о своем будущем.

Хотя в этой части Сибири нас осуждают не выслушав, я взял на себя смелость на прошлой неделе написать генералу-губернатору [2])—не для того, чтобы просить у него милосердия или облегчения, но для того, чтобы рассказать, как я узнал о существовании этой женщины, что я заботился о ней с ведома коменданта, который выразил мне свое удовольствие, и о всем моем образе жизни с тех пор, как я здесь. У меня был самый сильный припадок перемежающейся лихорадки, пока я писал это письмо. Дай Бог, чтобы оно выразило то, что я хотел сказать. Самая смешная идея в мире помешала мне исправить его редакцию: я боялся, чтобы не предположили, если я напишу его позже,—что было бы гораздо лучше,—что я писал это письмо по совету другого: одинокий, больной, брошенный,—неудивительно, что я рассуждал плохо. Через месяц я буду знать, чем это кончится. Если нас заставят выполнять какую-нибудь повинность, например—подметать улицы,—нам будет легче, по крайней мере, мне, так как тогда можно будет судить—исполняю я свой долг или нет.

Как ты будешь обвинять себя, мой добрый друг, в том, что я из-за тебя покинул хороший и мирный Вилюйск, и как ты будешь неправа, совсем неправа! Намерение, придавшее тебе смелости напомнить, что у тебя есть брат,—слишком хорошее и благожелательное, чтобы я мог дурно его истолковать, что бы со мною ни случилось. Единственной милости прошу я у тебя—будь уверена, что после приобретенного мною тяжкого опыта, я никогда не оставлю стезю долга, который особенно легко понять теперь, когда я наполо-

[1]) Начальник Омской области Сен-Лоран, относившийся очень хорошо к М. И. См. о нем в воспоминаниях автора „В Сибири“.

[2]) Здесь имеется в виду письмо М. И. к Н. А. Вельяминову, помещенное выше.

ловину мертв, потому что—признаюсь тебе, что после того образчика покровительства, которое хотел оказать мне комендант и которое я думал найти у него, я должен быть готов ко всему.

Да не оставит меня Господь в страданиях—они делаются еще тяжелее от сознания, что я их заслужил. Я не отказываюсь от чаши испытаний. Но разве это не смешно—загадывать о будущем? Итак, оставим эту печальную тему и поговорим о других вещах. Стерпится да слюбится [1])—говорит наша пословица. Заточение, в котором я нахожусь, не бесполезно для меня, не говоря уже о хороших и утешительных мыслях, которое оно мне внушило, о полезных воспоминаниях, которые оно пробудило во мне, о том участии, которое все приняли в моей судьбе. Лихорадка меня почти оставила; вчерашний приступ был почти нечувствителен. Я следовал методу знаменитого доктора Санградо из Вальядолида [2]) (ты видишь, как полезно чтение), соблюдал строгую диэту и заставлял себя пить много прокипяченной воды, особенно, когда начинал чувствовать лихорадочное состояние. Можешь смеяться над этим, но уверяю тебя, что это инстинктивное влечение к воде принесло мне много пользы; словом, я чувствую, что лихорадка оставила или вскоре оставит меня. Я жду завтрашнего дня без страха, что весьма много значит в болезни такого рода.

7. Е. Н. БИБИКОВОЙ [3])

13 января 1831 года.

В 107 верстах отсюда, по дороге в Омск, есть крепость несколько бо́льшая, чем эта; она называется—Усть-Каменогорск и имеет то преимущество, что там есть врач, содержимый государством, а также еженедельный базар с'естных припасов. Так как там живут и мещане, то я легко мог бы за некоторую помесячную плату избавиться от хлопот, причиняемых хозяйством при одинокой и уединенной жизни. Должен прибавить, что церковная служба отправляется там с гораздо бо́льшей торжественностью, так как говорят, что там даже имеются певчие. Если ты думаешь, моя дорогая и добрая Катерина, что выставляемые мною причины могут иметь какое-либо значение, умоляю тебя ходатайствовать о разрешении мне жить в Усть-Каменогорске. Не развлечений я ищу, обращаясь к тебе с этой просьбой, я не хочу менять мой уединенный образ жизни, который подходит мне во всех отношениях. В Вилюйске, где я мог обходиться без посторонней помощи, я бы никогда не просил тебя помочь мне покинуть его.

Но ради Бога, моя дорогая и добрая Катерина, не делай никакой попытки хлопотать обо мне, если ты полагаешь, что намерение, заставляющее меня обратиться к тебе, может быть непонято и быть приписано дерзости и нескромности. Если бы моя рана и мое совсем расстроенное здоровье не были непреодолимым препятствием моим желаниям, то—уверяю тебя—уже давно умолял бы я, чтобы мне была дарована милость, доказать—безразлично где и

[1]) Эти слова написаны по-русски.
[2]) Персонаж из романа Лесажа—Жиль Блаз.
[3]) Письмо к сестре. См. примечание к предыдущему письму к ней же. Писано из Бухтарминска.

как—не на словах только сознание моей вины, сознание, которое будет сопровождать меня до могилы.

У меня остается утешительная надежда, что только, когда начнется для нас другое существование,—увидят, как я жалею, что дал себя увлечь иллюзиям расстроенного воображения, иллюзиям, которые были в моем сердце, но не в моей голове. Но зачем возвращаться к прошлому, когда оно непоправимо. Моли Бога, чтобы он ниспослал мне слепую покорность судьбе. Это моя единственная надежда на земле.

8. Е. И. БИБИКОВОЙ [1])

(Начало 1832 года)

Старый комендант совершенно неподвижное существо: ни летом, ни зимой он не выходит из комнаты, даже для того, чтобы пойти в церковь, что очень удивительно для уроженца Сибири, где он сделал свою удачную карьеру, которую начал простым солдатом. Я полагаю, что это скорее всего следствие усвоенной им дурной привычки не выходить из дому, потому что, за исключением глухоты, он очень хорошо сохранился для своих лет. Большую часть своей жизни он проводит в сне. Плац-ад'ютант—также выслужившийся из простых солдат капитан—уроженец Сибири, откуда он никогда не выезжал; он почти ослеп. Таким образом все служебные дела лежат на писаре старого коменданта, по имени Петров; это унтер-офицер, сосланный в отдаленные гарнизоны—не знаю за какой проступок. Он—мастер, главная пружина маленькой машины, одним словом—особа. Так господин унтер-офицер носит офицерский сюртук, принимает у себя, всюду бывает, играет в бостон, как и другие; к несчастью он подвержен—запою и тогда он, как Наполеон, говорит: комендант—это я.

В прошлую зиму он прибежал ко мне попросить почтовой бумаги; желая убедить меня согласиться на его просьбу без возражений, он вытащил из кармана лист и стал читать; видя, с первых же слов, что речь идет о доносе (верном или неверном) генерал-губернатору на поведение старого коменданта, я сразу остановил его, говоря, что это меня не касается, а если он думает, что я могу радоваться пренебрежению своим долгом с чьей бы то ни было стороны, то очень ошибается. С этим я его и отпустил. Но этот господин стал после того преследовать меня. Как ты можешь себе представить, я не желаю иметь ничего общего с подобным существом, но он забавлялся иногда тем, что рылся в моем прошлом и распространял всякого рода нелепости обо мне. Ты помнишь выгравированного на ониксе, закованного в цепи амура на разбитом якоре, который я ношу на цепочке от часов; он уверил коменданта, как и всех, что это печать, которую правительство заказало для меня, чтобы я пользовался ею для нашей переписки. Я не обращал ни малейшего внимания на все эти мелкие пошлости вплоть до последнего времени,

[1]) Письмо к сестре. См. прим. к письму к ней же от 14 июля 1830 года. Даты в копии при деле III отделения нет, но подшито оно вслед за двумя предыдущими письмами. Следующий за этим письмом лист в деле М. И. занят официальной бумагой от 26 мая 1832 года; поэтому письмо помечено предположительно началом 1832 года. Писано из Бухтарминска.

когда обнаружилась его сила, а мое бессилие, так как, в конце концов, хорошее или плохое свидетельство о моем поведении зависит от этой личности, прекрасно устраивающей здесь свои дела; он иногда навлекает выговор на свое начальство, но всегда можно устроиться, если войти с ним в соглашение.

Какая разница с Вилюйском, когда я вспомню комиссара, который был там во все время моего пребывания в этом городе. Уважаемый Михайло Николаев Федоров [1]). Он был известен своему начальству и его не могли не знать по его ревностной службе Его Величеству и по его способностям; он был переведен в Олекминск на Лепс на ту же должность, что и в Вилюйске, чтобы поправить там дела, расстроенные вследствие дурного поведения бывшего комиссара. Якуты Вилюйского уезда все хотели пойти к начальнику округа, чтобы просить его вернуть им М. Н. Федорова, уверяя, что они его любят, как отца. Это народ, находящийся еще на детской ступени развития, недоверчивый, всегда готовый жаловаться на русских. Приняв все это во внимание, ты сама, мой дорогой друг, с удовольствием выразишь чувства уважения господину Федорову.

9. БУХТАРМИНСКОМУ КОМЕНДАНТУ [2])

По об'явлении мне и. д. бухтарминского коменданта предписания господина генерал-губернатора Западной Сибири относительно перемены моего местопребывания имею честь об'яснить, что, принимая с признательностью милость попечительного Правительства, желание мое, как уже женатого человека, по недостатку в Бухтарминске всех возможных средств для жизни, есть быть переведенным в город Курган. Матвей Муравьев-Апостол.

27 генваря 1836.

10. КНЯЗЮ В. А. ДОЛГОРУКОМУ [3])

Ваше Сиятельство, Василий Андреевич.

В полной уверенности благосклонного внимания Вашего к просьбам прибегающих к великодушию Государя Императора для разрешения тех жизнен-

[1]) Эти три слова написаны по-русски, как и все имена. О вилюйской жизни см. воспоминания автора «В Сибири» и примечания к ним.

[2]) Печатается с подлинника (из бумаг П. Я. Дашкова, см. выше—прим. к письму к И. А. Вельяминову). В извлечении приведено у Дмитриева-Мамонова. В том же собрании имеется и такая собственноручная записка М. И. без обозначения адресата: «Я желаю быть в Ялуторовске. Матвей Муравьев-Апостол. Бухтарминск—19 мая 1836». Об'ясняется она возникшей еще в конце 1835 года перепиской между сибирским краевым начальством и Петербургом о переводе М. И., согласно его просьбе, в южную часть Тобольской губернии. Сначала предполагалось перевести его, согласно желанию, в Курган, но так как там было уж поселено семь «государственных преступников», то сочли неудобным присоединить к ним восьмого. Наконец, остановились на Ялуторовске. В письме к тому же лицу от 14 июня 1836 года М. И. просит резрешить ему нанять лошадей для переезда его жены с ним в Ялуторовск и разрешить отложить этот переезд до 15 сентября.

[3]) Письмо адресовано Шефу жандармов, печатается с подлинника, хранящегося в деле М. И. Муравьева-Апостола по III отделению (Архив по 1 экспед. № 61 ч. 51-я, в Пушкинском Доме при Академии Наук).

ных вопросов, от которых зависит сердечное спокойствие и семейное счастье, решаюсь изложить Вашему Сиятельству следующее обстоятельство моей жизни.

Я женился в 1832 годе. Имел несчастие потерять первенца сына в 1837 г., с того времени у меня не было детей. Но вместо собственных детей Господь Бог послал мне двух сирот. Одна—овдовевшего сосланного офицера из дворян Полтавской губернии. В Сибири Созонович умел снискать общее уважение. В 1855 годе он скончался в Иркутске.—Другая, дочь беспомощной матери, губернской секретарши Бородинской, тоже умершей. Обе находятся под нашим попечением почти со дня их рождения.

Когда я был в Сибири, воспитание их составляло единственную мою заботу. Ныне, великодушием Государя Императора, быв вызван к гражданской жизни, почитаю обязанностию довершить начатое, доставить приемным нашим дочерям, Августе и Анне, права родных дочерей, передав им мое имя и право на мое наследство.

Осмеливаюсь просить Ваше Сиятельство повергнуть мою просьбу, равно и жены моей, на милостивое воззрение Государя Императора.

В твердой надежде на благосердное ходатайство Ваше с глубоким почтением честь имею быть Вашего Сиятельства покорный слуга.

Матвей Муравьев-Апостол.

Город Тверь, 30 сентября 1860 года.

11. ГРАФУ П. Т. БАРАНОВУ [1])

Милостивый государь, граф Павел Трофимович.

Посылаю бумаги, о которых имел честь говорить вашему сиятельству.

Отец нашей старшей приемной дочери, Павел Григорьевич Созонович начал военную службу в конной артиллерийской роте, которою начальствовал

[1]) Письмо адресовано тверскому губернатору, который вообще благожелательно относился к М. И. Муравьеву Апостолу и поддерживал просьбу о разрешении М. И. усыновить его воспитанниц. Граф Бараков также указывал в письмах на имя Шефа жандармов на необходимость вернуть М. И. право носить Георгиевский крест, полученный им за Бородино, подчеркивая, что восстановление этой справедливости произведет хорошее впечатление на общество. Печатается с подлинника из дела о М. И в III отделении (см. примечание к письму на имя князя В. А. Долгорукова). Писано по русски как и предыдущее, с значительными грамматическими ошибками, свидетельствующими, что М. И., привыкшему думать и говорить по французски, трудно давалось русское письмо. М. И. обращался еще по этому поводу к графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому с письмом от 18 февраля 1861 года. Сохранилась в деле III отделения записка гр. Н. Н. Муравьева-Амурского (родственника М. И.), повидимому, к кн. В. А. Долгорукому с просьбой обратить «благосклонное внимание» на прилагаемую записку» Муравьева-Апостола В результате всех просьб М. И. дело, по докладу министра юстиции, было решено в том смысле, что М. И. может усыновить своих приемных дочерей, но они должны называться по его отчеству Матвеевыми. Очевидно, правительство рассматривало девушек, как внебрачных дочерей М. И. и применило к ним порядок, установленный еще при Николае Павловиче для таких детей декабристов. Повидимому, М. И. был обижен таким исходом его просьбы. По крайней мере, А. П. Созонович, остававшаяся незамужней до конца своей продолжительной жизни (Аннушка вышла замуж скоро после всех этих просьб М. И.), продолжала носить свою девичью фамилию, хотя получила от М. И. его имение по наследству.

его родной дядя, по матери его, Кандиба. После войны 1815 г. он переведен был в Бугское военное поселение. Офицеры Уланского полка, в котором числился Созонович, сошлись в сертуках и фуражках, посмотреть на манеж, который строился. Полковый командир был в числе зрителей. Созонович был предан службе, он сделал некоторые замечания на постройку манежа. В ответ на них полковый командир ударил по воротнику Созоновича хлыстиком, который держал в руке, сказав: молокосос вздумал учить старшего. Нанесенное оскорбление возвращено было оскорбившему. Созонович был приговорен в каторжную работу в 1823 году. Веден в партии в Сибирь в железных наручниках и в кандалах. Работа, в которой, в силе конфирмации, он был употреблен беспощадно, разрушила его здоровье. По освидетельствовании он был исключен из ведомства Успенского казенного винокуренного завода и уволен на собственное пропитание. Он тогда женился. В 1836 г., когда я переехал на жительство в Ялуторовск, Созонович заведывал там водочным заводом купца Мясникова. В 1837 г. вследствие пожара, после родов, от испуга, жена его умерла. Когда в Сибири открылись золотые прииски, Созонович поехал в Восточную Сибирь. Жизнь в тайге, со всеми ее лишениями, разрушила окончательно его и то хилое здоровье. Он ослеп. В 1855 г. он скончался в Иркутске.

Вторая наша приемная дочь была передана жене моей нашим духовником. Наши средства в Сибири не позволяли нам держать лишнюю прислугу, жена моя без посторонней помощи нянчилась с двухнедельным ребенком. При крещении наша вторая приемная дочь была названа Матрена, в память моей матушки, я ее переименовал в Анну. Бумаги из Ялуторовской полиции и свидетельство Тобольского преосвященного удостоверят, что Матрена и Анна одно и то же лицо. После передачи своего ребенка, мать второй нашей приемной дочери вскоре выехала из Ялуторовска, куда уже не возвращалась. Мы с ней не имели никаких сношений. Перед нашим выездом из Сибири слух прошел, что дочь губернского регистратора Бородинская умерла. У второй нашей приемной дочери нет отца.

В бумагах, найденных после смерти моего батюшки, нашлось духовное завещание, писанное 26 Декабря 1847 г. В нем было сказано: «Сын мой Матвей Иванович, будучи теперь в заточении, лишенный прав гражданства, то брат его Василий обязан давать ежегодно на содержание его с женою по полуторы тысячи рублей серебром. Если же, о чем молю Всемогущего ежечасно, милосердие Государя возвратит ему все права к наследству, в таковом случае сын мой Василий обязан будет давать ему третью часть из всех доходов из целого имения; а в случае, ежели жена Матвея Ивановича переживет мужа своего, то и ей обязан сын мой Василий продолжать, по смерти ее, положенный мною здесь оклад, третью часть из всех доходов». Духовное завещание не было явлено отцом моим. Василий Иванович Муравьев-Апостол родился от второго брака отца моего. По моему возвращению из Сибири в 1857 г. он мне передал дарственною записью имение, которое он наследовал от своей матери, мне она была мачеха. Следовательно имение, которым владею, не есть родовое, а благоприобретенное, я вправе его передать кому мне заблагорассудится. До сего времени получалось с него дохода в год, по десятилетней сложности, 4500 рублей, из коих 2480 рублей идут ежегодно

на уплату долга в Опекунский Совет, долга, мною принятого вместе с имением. Когда благодетельная мера надела землею крестьян при освобождении их от крепостной зависимости, исполнится, имение это, ныне устроенное, будет состоять единственно из 400 десятин земли пахотной.

Я входил во все эти подробности, чтобы дать возможность вашему сиятельству исходатайствовать милость, которая одна может дать умереть спокойно. При моих летах, при расстройстве здоровья, одно это не могло мне дать смелость прибегнуть к великодушию государя. Тяжело было мне умирать с убеждением, что я оставляю на свете, без имени, ни в чем обеспеченных двух сирот, мне переданных Всемогущим, двух сирот, которые в долгие годы ссылки заменили мне родных детей.

Примите уверение в глубоком уважении и искренней благодарности вашего сиятельства покорного слуги М. Муравьева-Апостол.

31 октября 1860 г. Тверь.

12. К. М. Голодникову [1])

13 февраля 1872 г. Москва, Садовая Триумфальная, дом Зайцевой.

Дождался, наконец, любезный К. М., того часа, когда могу сказать Вам, с каким удовольствием прочел я письмо Ваше. В надежде, что переписка моя с Вами не ограничится получением одного этого письма, прошу Вас, прислать мне свой адрес. Вспомните, что наше знакомство началось, когда кончивши курс в Тобольской гимназии, Вы явились на служебное поприще в Ялуторовск юношею. Вспомните о радушном приеме, сделанном Вам нашим добрым опальным кружком. Вы знали моих добрых товарищей. Поговорить о них с Вами—это одно даст особенное значение переписке между нами.

В Сибири протекли лучшие годы моей жизни. Вы знаете наше Ялуторовское житье-бытье; я породнился с Сибирью. Желательно бы мне знать преобразования, совершенные в продолжение нынешнего славного царствования; имели ли они благодетельное влияние на дела Вашего края? Справедливо было сказано [2]) о нашем Александре II-м:

---

[1]) К. М. Голодников—мелкий чиновник в Ялуторовске во время пребывания там декабристов; дожил до глубокой старости и в 80-х годах имел крупные неприятности с III отделением в связи с политической неблагонадежностью его сына; разновременно напечатал воспоминания своих юношеских лет о знакомстве с декабристами, вызвавшие в фактической части поправки относительно И. И. Пущина со стороны воспитанницы М. И. Муравьва-Апостола — А. П. Созонович; письмо опубликовано в книжке Голодникова «Декабристы в Тобольской губ.», Тюмень 1899, перепечатанной у Шимана «К истории царствования Павла I и Николая I», Берл. 1906.

[2]) Из стихотворения гр. В. А. Сологуба «Аллаверды», написанного в честь пребывания императора Александра II в 1871 г. на Кавказе. В воспоминаниях графа Сологуба (П. 1887, стр. 243) приводится, как нигде еще не напечатанное и в несколько измененной редакции: вместо он у Сологуба всюду—ты.

Он осенил нас благодатью,
Детей и жен Он наших спас;
Он вспомнил и меньшую братью
И к просвещенью двинул нас.
Благословен же будь судьбою;
Тобой мы сильны и горды.
Великий царь, Господь с тобою!

Без внутренних потрясений, которые довели Францию до совершенного нравственного упадка и физических сил, Россия наша стала теперь твердой ногой на широком пути своего преуспеяния. Бог услышал наши пламенные молитвы и осуществил наши заветные желания.

Поговорите мне о себе; что касается до меня, то возвращение мое из Сибири имело мало радостей, разумеется, собственно для меня. Изо всей нашей Ялуторовской колонии я один остаюсь в живых.

Жена Вас дружески приветствует.

М. Муравьев-Апостол.

P. S. Посылаю Вам мою карточку, разумеется с тем, чтобы получить Вашу. Христос с Вами.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БЫЛОЕ".

Редакция — Пб. Литейный, 21, кв. 16. Книжный магазин — Пб. Литейный, 46.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Из серии «Библиотека революционных мемуаров».

М. Ил. Михайлов. Записки (1861—1862). Редакция А. А. Шилова.

Декабрист А. М. Муравьев. Записки. Предисловие и примечания С. Я. Штрайха.

В. С. Панкратов. Жизнь в Шлиссельбургской крепости (1884—1898).

Из серии «Историко-революционная библиотека».

В. И. Иохельсон и Р. М. Кантор. Геся Гельфман. Материалы для биографии и характеристики.

В. П. Семенников. Новый текст „Путешествия" Радищева.

И. И. Лапшин. Философские взгляды Радищева.

Из серии «Библиотека социалистической мысли».

Франциск Бэкон. Новая Атлантида. Перевод, вступительная статья и примечания проф. С. Я. Лурье.

Фихте I. Г. Замкнутое торговое государство. Пер. Э. Э. Эссена.

Из серии «Историческая библиотека».

С. Я. Лурье. Антисемитизм в древнем мире, попытки об'яснения его в современной науке и действительные его причины.

Тарле Е. В. Печать при Наполеоне I. По неизданным материалам.
